

ОХОТНИКИ

ЗА УДАЧЕЙ

Василий Веденеев

БАЛЬЗАМ АВИЦЕННЫ

Охотники за удачей

Василий Веденеев

Бальзам Авиценны

«ВЕЧЕ»

2011

Веденеев В. В.

Бальзам Авиценны / В. В. Веденеев — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Охотники за удачей)

Офицер-картограф русского Генерального штаба Федор Кутергин, отправившись в 1863 году на съемки местности в труднодоступный район Средней Азии, неожиданно оказывается участником таинственных и драматических событий. В поисках древней карты неизвестных горных местностей Кутергин сталкивается сразу с двумя враждующими группировками – фанатиками-исмаилитами и тайным обществом «Перламутровые рыбы», которые охотятся за мифическим рецептом бальзама бессмертия, якобы составленным самим Авиценной. Захватывающие приключения и невероятные искушения пришлось пережить отважному русскому офицеру, прежде чем он достиг желаемого.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	37
Глава 3	51
Глава 4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Василий Веденеев

Бальзам Авиценны

Пролог

Огромная империя, раскинувшаяся от предгорий Северной Индии до берегов Хазарского моря, с тревогой ожидала перемен: грозный султан Махмуд, «Светоч мудрости», «Око вселенной», занемог. Он устал от бесконечных войн и кровавого смрада битв, созерцания груд добычи и длинных верениц рабов. Ему прискучили изощренные ласки жен и наложниц всех цветов кожи. Махмуд удалился в свой дворец в Газни, где покой повелителя оберегала свирепая стража...

Султан обложился подушками и скорчился на ковре. И скрипел зубами от боли. Она, словно хищная птица, терзала измученное тело. И тут же сердце тоскливо заныло, на лбу выступили мелкие бисеринки холодного пота... Наконец, боль отступила, будто змея, уползающая в нору, чтобы набраться новых сил, и Махмуд облегченно перевел дух.

– Гассан, – прошептал он пересохшими губами.

Согнутый годами визирь, носивший громкий титул Говорящего Прямо в Уши Владыки Мира, подал чашу с темным питьем. Султан принял чашу, отхлебнул из нее и с трудом проглотил.

– Что за гадость? Змеиная желчь?

Визирь склонил голову набок и хитро покосился желтым глазом на грозного владыку.

– Травы, государь.

– Травы? Кто готовил лекарство? Перс?

– Нет, сегодня лекарство приготовил грек.

– Грек? Все они отравители!

– Тебе нельзя волноваться, государь! – Гассан прижал к впалой груди высохшие ладони, похожие на сморщенные птичьи лапки. – Ты же видел: я сам отпил из чаши.

– Да-да. – Махмуд рассеянно кивнул и обессиленно откинулся на подушки.

Визирь молчал, преданно глядя на повелителя. О Аллах, как изменился за несколько месяцев прославленный султан: отважный воин и лихой наездник превратился в желтого, отечного, немощного старика, только и способного весь день валяться на коврах. Лишь глаза, острые, недоверчиво сощуренные, напоминали прежнего владыку. Но и в них день ото дня потихоньку угасал отсвет внутреннего огня: жар, болезни неумолимо обращал душу Махмуда в пепел.

– Гассан...

– Я здесь, мой повелитель, – откликнулся старик.

– Хорошо... – Махмуд вздохнул. – Хорошо, что ты со мной. Мы долго были вместе... На твоих глазах я создал огромное государство, завоевывал земли, покорял народы и собрал бесчисленные сокровища. Кому теперь оставить все это?

– Не терзайся понапрасну, государь! У тебя впереди еще долгие годы.

– Годы?... – Султан горько усмехнулся. – Годы... Я лечился кровью самых здоровых рабов, меня натирали свежей желчью, обкладывали вырванными из груди трепещущими сердцами! Какой только гадости я не пил?! Но ничего не помогло!..

Махмуд уставился в расписной потолок. Искусные мастера украсили его края затейливой резьбой, изобразили изумрудно-зеленые травы и диковинные цветы на золотом фоне.

– Если мне позволено будет сказать... – осторожно начал визирь и тут же умолк.

– Говори, Гассан. – Махмуд повернулся на бок и растянул тонкие губы в хищной ухмылке.

Старик похолодел: слишком хорошо известна была цена такой усмешки. Но отступить было поздно, и Гассан вкрадчиво продолжил:

– Только один врачеватель способен помочь тебе, о Владыка Мира. Я слышал, он даже знает тайну бессмертия.

– О Аллах! – простонал Махмуд. – Ты опять об этом несносном гордеце? Хватит!

Визирь обиженно поджал губы, нахохлился и закрыл глаза, словно готовился задремать. Султан сердито поворочался на подушках, но все же сменил гнев на милость:

– Его уже звали. Однако он посчитал себя выше нас и не откликнулся. Может быть, тайна бессмертия – просто сказки и ложь? Может быть, его уже давно нет среди живых? Ведь он тоже далеко не молод.

Султан принялся разглядывать перстни на пальцах, любуясь, как играет пламя светильников в драгоценных камнях.

– Это легко проверить. – Визирь придвинулся ближе к повелителю и жарко зашептал, почти касаясь губами его уха.

Султан внимательно слушал. Время от времени он поеживался, словно от озноба, но не отстранялся. И лишь брови его то удивленно поднимались, то грозно хмурились.

– Небо наградило тебя мудростью, а злые силы – змеиным языком. Но как мы можем нарушить законы шариата?

– Выбирай: либо нарушить закон, либо покорно ждать, пока Аллах призовет тебя, – мрачно ответил визирь.

– Хорошо, – решил Махмуд. – Зови!

Старик громко хлопнул в ладоши. Неслышно открылась дверь, и вошел пышно одетый воин дворцовой стражи. Придерживая саблю, он поклонился, ожидая приказаний.

– Повелитель желает немедленно видеть своего придворного ученого Абу Насра Ибн-Ирака!

Стражник исчез. Вскоре дверь вновь отворилась, и появился бледный до синевы Ибн-Ирак: поспешая в покои грозного властелина, никогда не знаешь, что тебя ждет, вдруг ты торопишься навстречу смерти?

– Я слышал, что ты бывал при дворе Хорезм-шаха, который прославился собранием ученых и поэтов? – Махмуд не дал Ибн-Ираку даже раскрыть рот для приветствия.

– Да, Великий.

– Видел ли ты там знаменитого врачевателя Али Хусейна Ибн-Абдаллаха Ибн Сину¹?

– Да, повелитель.

– Мы знаем тебя как непревзойденного математика и прекрасного зодчего, – благосклонно улыбнулся султан. – Твой глаз зорек, а рука послушна разуму. Так вот... – Махмуд неуверенно оглянулся на визиря, и тот ободряюще кивнул. – Так вот, мы желаем, чтобы к утру ты написал портрет Ибн Сины, дабы мы смогли увидеть его лицо!

Ибн-Ирак отшатнулся, словно получил сильный удар в грудь. Колени его подогнулись, и он пал ниц перед владыкой.

– Смилуйся, повелитель! Шариат под страхом смерти запрещает изображать живое, тем более – лицо человека!

– Встань! – приказал Гассан. – Иди исполнять волю Великого султана! Да не вздумай болтать! А твои грехи я приму на себя. Портрет принесешь сюда, но никому его не показывай. И поспеши: до утра осталось не так много времени.

Старик отпустил ученого и обернулся к султану, стараясь поймать его ускользающий взгляд. Но тот не замечал визиря. Он размышлял. Утром Ибн-Ирак принесет портрет Ибн Сины: зодчий не посмеет ослушаться приказа. Искусные рабы сделают с портрета врачевателя

¹ Знаменитый врач раннего Средневековья (ок. 980—1037), известный европейцам под именем Авиценны.

сорок копий и умрут, чтобы унести с собой тайну в могилу. Надежные гонцы поскачут во все крупные города, и наместники султана непременно разыщут лекаря, где бы он ни скрывался. Теперь это лишь дело времени, однако его-то как раз и не хватает!

– Ты ловко все придумал. – Махмуд поднял воспаленные глаза на Гассана. – Но что толку разыскать Ибн Сину и привезти его в Газни, если он не пожелает применить, к нам свое искусство. Ведь если Ибн Сина не захочет меня лечить, его не заставят это сделать ни меч, ни огонь!

– Ты, как всегда, прав, государь, – хитро улыбнулся визирь. – Но есть не менее сильное средство – слово!

– Не смейся, – фыркнул султан. – Разве может пустая болтовня заставить человека что-то сделать?

– Вспомни, повелитель, не мое ли слово заставило тебя нарушить закон шариата?

– Ты змей, Гассан! Но послушает ли тебя Ибн Сина?

– Он послушает своего собрата, – убежденно ответил Гассан. – Его имя Фарух.

– Твой... отравитель? – Махмуд рассмеялся.

– Яд – тоже лекарство, – возразил старик. – Владеть им – большое искусство!

– Ну да, как же. Очень большое. Скольких оно уже вылечило от всех недугов... и отправило в рай!

– Но ты успокоил им свою боль, государь!

– Что? Ты дал мне яд?! – Махмуд резко вскочил и схватил визиря за горло.

Старик вцепился в пальцы султана, стальным ошейником сомкнувшиеся на шее, и судорожно пытался разжать их. Чувствуя, как мутится рассудок, Гассан прохрипел:

– Я тоже пил из чаши...

Махмуд немного ослабил хватку, потом отпустил визиря и снова улегся на подушки: какая разница, когда умереть – часом позже или раньше. А боль, похоже, действительно ушла. Но даром такие вещи Гассану не пройдут. Лукавый раб!

– Говорят, ты купил этого Фаруха? – как ни в чем не бывало лениво поинтересовался султан. – Разве он грек?

Визирь растирал морщинистую шею. Вот какова благодарность владыки: ты печешься о его благе, а он походя готов придушить тебя! Однако сколько еще силы таится в измученном болезнью теле Махмуда! Силы нечеловеческой, яростной, злой!

– Он сам не знает, кто он, – хрипло ответил Гассан. – Мальчишкой его взяли в плен на греческом корабле. Приняв ислам, Фарух стал воином. Однажды его поймали в гареме одного из твоих недостойных слуг, и тот распорядился сначала оскотить его, затем выколоть глаза...

– Ясно. Ты дождался оскотления и купил его жизнь, – прервал визиря султан. – Не в твоём ли гареме его поймали?

– Не помню, государь. – Темное, как сушеная айва, личико Гассана сморщилось в подострастной улыбке. – Кismet, судьба!

– Ладно, – усмехнулся Махмуд. – Мы хотим взглянуть на него.

Старик снова хлопнул в ладоши.

Вскоре стражники ввели в покои высокого худого человека в темных одеждах. Властелин долго разглядывал его и, наконец, спросил, тяжело роняя слова:

– Тебе известно, чего мы хотим?

Скопец молча поклонился, скрестил руки на груди и застыл, как изваяние.

– Если ты все исполнишь, мы приблизим тебя к трону. – Легкая улыбка скользнула по губам султана. – После смерти Гассана – да продлит Аллах его годы! – ты займешь место рядом со мной. Пока же будешь готовить питье для снятия болей.

Махмуд снял с пальца перстень и бросил Фаруху. Тот ловко поймал его и почтительно поцеловал вырезанную на камне личную печать государя.

– Покажешь страже и тебя пропустят ко мне. А сейчас я хочу отдохнуть...

Гассан медленно шел сумрачными дворцовыми переходами, опираясь на плечо Фаруха. Когда они оказались одни в длинном коридоре, визирь тихо спросил:

– Теперь ты понимаешь все величие этого человека?

– Да, – глухо ответил скопец. – Он повелевает – и все приходит в движение.

Старик выпустил его плечо и затрясся от беззвучного смеха, держась руками за живот. Наконец, он успокоился и вытер выступившие на глазах слезы.

– Ты глупец, Фарух! Султан, да простит меня Аллах, ничто! Истинно велик Ибн Сина! Султан обратится в пыль, а Ибн Сина будет жить вечно!

– Он действительно владеет тайной бессмертия? – Глаза скопца заблестели.

– Это не важно. – Гассан пренебрежительно отмахнулся. – В памяти людей останется Ибн Сина, а не Махмуд Газневи. Потомки благословят имя врача, а не имя властелина!

– Но ведает ли Ибн Сина тайну телесного бессмертия?

– Не знаю, – буркнул визирь.

Перед сном Фарух, как всегда, принес ему лекарство: при перемене погоды старика мучили боли в суставах. По обычаю, он отпил глоток и протянул чашу Гассану. В слабом свете коптящих светильников подслеповатые глаза визиря не заметили, как из-под ногтя Фаруха упала в чашу маленькая темная крупинка, похожая на маковое зернышко...

Прошел месяц. Визирь медленно шел длинным переходом султанского дворца в Газни. Стража почтительно приветствовала его и пропустила в покои повелителя. Тот едва сдерживал нетерпение:

– Ожидание затянулось, но, наконец, пришла пора действовать! Ибн Сина в Хамадане! Не медли!

В тот же день во главе отряда вооруженных всадников визирь султана Фарух аль-Рамини поскакал в Хамадан...

Ибн Сина разделся, лег на жесткий топчан и устало прикрыл глаза, чтобы не мешал свет масляного светильника в руке ученика. Кажется, после долгих мытарств удалось отыскать тихое уединенное пристанище, и здесь никто не помешает им совершить таинство знания. Наверное, пора начинать. Стоит ли оттягивать решающую минуту? Сегодня ночью Ибн Сина надеялся победить смерть, но чтобы обмануть ее и вырваться из небытия, все равно придется сначала умереть. Он знал, что уже не годы и дни, а даже часы его сочтены: разве может ошибаться в этом тот, кто отдал борьбе с недугами всю жизнь? Вскоре у его изголовья появится бледная тень той, кому он старался не уступить ни одного из больных: пришел и его черед. Не открывая глаз, врач тихо спросил:

– Все ли ты понял? Сможешь ли ты сделать это как нужно?

– Да, Учитель, – шепотом ответил ученик.

– Не забудь: три кувшинчика, и обязательно из глины. Настоям нельзя соприкасаться с металлом. Ну а если не удастся...

– Не говори таких слов, Учитель!..

– Не перебивай. Ты заставляешь меня напрасно тратить силы. Нужно быть готовым ко всему... Если не удастся, знание не должно умереть. Ищи дальше, но бережно храни тайну и не отдавай ее в злые руки. А теперь иди, время не ждет.

Ученик поклонился и отошел к столу. Ибн Сина глубоко вздохнул. Мысли его текли ровно и спокойно. Чего страшиться? Все живое проходит через смерть, и избежать ее еще никому не удавалось. А он хочет дерзнуть. Да, дерзнуть, ибо вся его жизнь была дерзким вызовом! Разве не дерзость, презрев запреты, изучать труды Гиппократ и Галена? Разве не дерзость во всеуслышание заявить: никакие демоны не влияют на течение болезней? Он осмелился утверждать, что дело вовсе не в воле Аллаха, а в изменениях, происходящих внутри человека, что любая болезнь имеет свои признаки и их можно заранее распознать. А затем он посягнул на большее и начал лечить основу жизни – сердце! Как бесновались тогда святоши в мечетях!..

Давно это было, очень давно. Кажется, как раз после того, как он предложил создать специальные дома лечения, где больные могли бы получать необходимые лекарства и уход. Тогда он уже написал пять томов «Канона врачебной науки», где дал рецепты более тысячи лекарств, которые можно приготовить из трав. Во время работы рядом с ним все время был его любимец Абу Убейд аль-Джузани...

Вспомнился вечер в Хорезме, бездонный темный купол неба с яркими, низко нависшими звездами. Пламя светильников отражалось в воде маленького бассейна, мешая луне купаться. Вокруг сидели ученики. Ибн Сина поднял чашу с вином:

– Выпьем, друзья!

– Учитель, Коран запрещает пить вино! Ты не боишься стражей шариата? – спросил один из учеников.

– Коран запрещает пьянствовать, – улыбнулся Ибн Сина. – Но мы же не собираемся отдавать свой разум вину? Помните, как сказал поэт:

Вино враждует с пьяницей, а с трезвым дружит, право,
Немного пьем – лекарство в нем, а много пьем – отравя!

Все засмеялись, захлопали в ладоши, радуясь хорошему настроению Учителя.

– Мне кажется, не грех немного выпить. – Ибн Сина обвел взглядом лица собравшихся. – Для науки и во славу ее!

– Учитель! Тебя давно уже называют Аш Шейх Урранс – старец, глава ученых, – сказал Абу Убейд. – Твое имя с благоговением произносят исцеленные, ученые внимают твоим словам, а твоего благорасположения ищут сильные мира сего. Ты начал заниматься лечением основы жизни – сердца человека. Когда же ты будешь писать об этом?

– Когда? – Ибн Сина отставил чашу с вином. – Действительно, Абу, твои слова справедливы. Жизнь человека быстротечна, и не пристало ученому бездумно предаваться забавам. Несите бумагу! Я сейчас же начну писать новую книгу.

– Зачем же ты собрал нас? – зашумели ученики. – Для веселого пира или для работы?

– Веселитесь, – улыбнулся врачеватель. – Не обращайтесь на меня внимания. Я хочу работать здесь, в саду, среди вашего беззаботного веселья.

И тогда принесли ему стопу китайской бумаги, и он начал писать, увлекся и писал долго, а когда закончил, удивленные ученики увидели, что их Учитель исписал двадцать листов бумаги, не пользуясь никакими книгами, а только по памяти.

– Ты написал новую книгу, Аш Шейх?

– Нет, я только обозначил проблемы, о которых собираюсь писать, – ответил Ибн Сина.

Ежедневно исписывая по полсотни листов объяснениями к каждой проблеме, он по вечерам собирал в своем саду учеников и друзей. Счастливые время! Тогда рождалась знаменитая «Книга исцелений».

Ибн Сина улыбнулся: даже если нынешний опыт будет неудачным, останутся жить его книги и ученики. А если удачным? На миг стало страшно – бросить вызов законам природы? Но он не собирается опровергать основы мироздания, он лишь жаждет справедливости: природа наверняка отпустила человеку больше лет, чем он живет теперь! Неужели же не попытаться помочь природе?

Много лет назад он начал по крупичкам собирать знание, буквально на ощупь, как слепец, шаря вытянутыми руками и стараясь найти единственно верную дорогу. Сколько пришлось пережить горьких неудач, сколько поражений, пока, наконец, он не нащупал...

Когда Ибн Сина дал свое снадобье умирающей собаке, безжалостная смерть впервые отступила! Правда, ненадолго – собака прожила только несколько дней, – но все равно это была первая большая удача, и он понял, что стоит на правильном пути. Наконец, очередная

подопытная собака не умерла. С облезшей шерстью, тяжело дыша, она лизала ему руки, жадно лакала из плошки лекарство и обессиленно затихала... Так прошел день, другой, третий... На четвертый день собака встала и, пошатываясь, поплелась к миске с едой. Ибн Сина боялся поверить в чудо, но псина выздоравливала. Вскоре вместо старой шерсти у нее начала расти новая, густая и лоснящаяся. Глаза у дворняги стали ясными, веселыми. А через несколько дней она уже носилась по двору, виляя хвостом и заливаясь громким лаем. Увидев это, Абу пал ниц перед Учителем:

– Аш Шейх Урранс! Ты создал бальзам бессмертия!

По щекам Абу текли слезы восхищения. Ибн Сина поднял его и тихо сказал:

– Я уже стар. Все, что я знаю, я передал тебе... Все, кроме этого знания. Но его я тебе не открою.

– Ты считаешь меня недостойным, Учитель?

– Нет, Абу, нет! Я слишком люблю тебя, чтобы подвергать смертельной опасности. Ты продолжишь мое дело, соберешь новых учеников и передашь им то, что получил от меня...

– Но они никогда не узнают, как победить смерть! – вскричал Абу.

– Да, люди всегда мечтали об этом, – грустно улыбнулся Ибн Сина. – Но разве сможешь ты таить знание от недостойных, завистливых и злых? От сильных мира сего, наконец? А они зачастую соединяют в себе все мыслимые и немыслимые пороки. Тебя будут преследовать, искать, поймать и начнут жечь каленым железом, лишь бы вырвать тайну.

– Ты лишаешь человечество надежды победить смерть!

– О какой победе ты говоришь, Абу? Да, один раз удалось! Но только один раз, и то на собаке.

Ибн Сина замолчал, задумчиво глядя на перелетавших с ветки на ветку птиц. Как беззаботны и веселы их игры, однако и им приходится заботиться о пропитании и потомстве, опасаться врагов и жить в страхе перед когтями коршуна или орла. Всюду одно и то же...

Сейчас тайна известна только ему, но рано или поздно о бальзаме узнают другие: мало ли вокруг корыстолюбцев и просто любопытных? Прославленный врач не раз замечал, что чужие глаза пристально наблюдали за его домом и садом.

Власть развращает, а если учесть, что чаще всего на гребень ее возносится не самый достойный, то практически любой владыка захочет обрести бессмертие: пусть бремя повелителя тягостно, но и сладко, и никто еще не решился отказаться от него добровольно. Только мудрые никогда не стремились к власти, чтобы вольно или невольно не стать причиной несчастий других людей. Так может ли он, посвятивший себя служению добру, позволить злу обрести несокрушимую силу? Ведь злые люди спрячут его знание за стенами дворцов и скроют в крепостных башнях!

– Учитель, ты всегда призывал нас отдавать свои знания людям, – отвлек его от размышлений Абу. – Разве может великое знание умереть вместе с тобой?

– Оно еще не проверено на человеке. Я испытаю бальзам на себе.

– О, Аш Шейх! – Абу побледнел и отшатнулся в испуге.

– Да, на себе, – твердо повторил Ибн Сина. – Я прекрасно знаю: мои дни сочтены. И ты, как врач, тоже знаешь это: я вижу по твоим печальным глазам. Не грусти, Абу, мы идем путем всего сущего... Главное, искусство врачевания никогда не умрет. Когда не станет меня, ты передашь его новым поколениям. Но тайну бальзама я доверю лишь молодому, никому не известному ученику. Надеюсь, за ним не станут следить, как за тобой. Пусть он сохранит знание до лучших времен. Ну а если не удастся... Меня уже звали к султану Махмуду Газневи. Наверное, до него дошли слухи об опытах. Или о них донесли? Что ж! Давай попрощаемся, мой Абу, и помни, чему я учил тебя!

Обнявшись, они не смогли сдержать слез, а потом Ибн Сина ушел, чтобы никто не знал, где и когда совершится таинство знания. И вот теперь он лежал здесь, в жалкой хижине, вытянувшись на жестком топчане, и тревожно прислушивался к ночным звукам за узким окном...

Как похолодели ноги, а руки словно налились свинцовой тяжестью. Хорошо бы собрать учеников и рассказывать им о своих ощущениях, чтобы они записывали до тех пор, пока ему еще повинуется язык и служит разум; это ли не долг истинного ученого и врача? Даже на смертном одре он обязан дать последний бой злу. Но сейчас этого сделать нельзя. Может быть, потом, когда мир станет более просвещенным и терпимым, это сделает кто-то другой, кто придет после него...

Жалко расставаться с солнцем и луной, с мириадами звезд на небе и ласковым теплом земли, с плеском волн, с шаловливым ветерком и шепотом листвы, с колдовством нежных женских рук и улыбками детей. Но страшнее всего потерять возможность познания нового, уйти и никогда не узнать, что будет после тебя...

Сердце вдруг встрепенулось в груди испуганной птицей, тяжело сдавило дыхание, перед глазами поплыли радужные пятна боли – вечный враг подстерег Ибн Сину, в тот самый момент, когда он хотел нанести ему упреждающий удар. Успел ли юноша сделать все, что нужно? Надо позвать его, немедленно позвать! Но язык уже не слушается...

Ученик клинком разжал стиснутые зубы Ибн Сины, поднес чашу с питьем к его похолодевшим губам и влил в рот немного темного, остро пахнувшего настоя. Потянулись томительные минуты тревожного ожидания. Наконец, тонкая синеватая жилка на безжизненном виске чуть приметно дрогнула. Юноша затаил дыхание, не спуская с нее глаз. Вот она дрогнула еще раз, еще...

Боясь поверить, молодой человек судорожно вытер о полу халата маленькое зеркальце из полированной бронзы и поднес его к губам Аш Шейха. Поверхность металла слегка помутнела, и ученик едва сдержал крик радости: Ибн Сина дышал! Юноша отбросил зеркало и вновь принялся вливать настой в рот Учителя – медленно, стараясь не пролить ни одной капли драгоценного бальзама. Вскоре щеки умирающего порозовели, с них стала сходить мертвенная бледность. Из груди Ибн Сины вырвался едва слышный сдавленный стон, ноздри его тонкого носа шевельнулись...

Молодой человек заботливо приподнял голову Учителя. Рядом на длинном столе, около слабо мерцавшего светильника, стояли три маленьких глиняных кувшинчика. Один из них был уже пуст.

Неожиданно дверь хижины затрещала под ударами и рухнула. Подняв над головами чадно дымящие факелы, в дом ворвались стражники. Мускулистые руки грубо схватили ученика и отбросили к стене. Чаша с питьем выскользнула из его пальцев и разбилась. Мертвенная бледность вновь начала заливать щеки Ибн Сины, юноша рванулся к Учителю, но стражники держали его крепко.

Длинная тень медленно вползла в комнату: появился высокий, одетый во все черное человек с безбородым лицом скопца. Его глаза быстро скользнули по распростертому на топчане обнаженному телу.

– Вот он! – Фарух наклонился к Ибн Сине и настороженно принюхался. – Что ты давал ему?

Юноша молчал. Визирь выпрямился и усмехнулся:

– Твой Учитель велел всегда говорить правду. Ну?! Что ты давал ему? Говори или я прикажу ускорить его смерть!

– Отпустите меня.

Фарух кивнул, и воины отступили. Юноша метнулся к столу и опрокинул его. Жалобно хрустнули черепки кувшинчиков, темные настои смешались, и маслянистая лужица быстро впиталась в земляной пол.

– Собака! – Визирь ударил ученика по лицу. – Что там было?

– Аш Шейх Урранс умер! – По щеке юноши скатилась слеза.

– Но ты еще жив! – Фарух толкнул ученика в руки стражников. – Ты давал ему бальзам? И ты посмел уничтожить снадобье! Но тебе должна быть известна тайна его приготовления, и ты откроешь ее мне!

Каменные ступени лестницы, поросшие бледным лишайником и скользкие от сырости, уводили в темноту затхлых подвалов, где по стенам сочилась черная вода. С одной стороны – гулкий провал колодца, с другой – шершавые камни старой кладки. Изредка лестница сменялась небольшими площадками, на которые выходили глубоко врезаемые в толщу башни узкие двери. Потом снова крутые ступени. Находясь внутри такого подвала, никто не смог бы определить: ночь или день царят на воле. Здесь хранились тайны империи.

Иногда к стенам башни приходили мрачные молчаливые люди и сбрасывали в колодец что-то завернутое в грубые холсты. Сбрасывали и молча ждали, пока не раздавался внизу далекий всплеск. Воины, стоявшие на часах в башне, рассказывали жуткие истории о слепом чудовище, живущем в глубине колодца. Одни говорили, что оно похоже на гигантского крокодила, другие считали его огромным змеем с завораживающим взглядом василиска...

Спускаясь следом за двумя стражниками, освещавшими путь факелами, и стариком ключником, визирь невольно поежился, услышав тяжкий вздох в глубине темного провала. Один из воинов вздрогнул от ужаса, пламя факела качнулось. По сырым стенам заматались уродливые тени. Фарух недовольно поморщился.

– Долго еще?

– Уже пришли, о могущественный, – засуетился ключник.

Лязгнув засов, тяжелая дверь распахнулась. Визирь взял факел и шагнул в камеру, велел страже ждать на площадке.

Оборванный, до глаз заросший бородой человек заслонился ладонью от света и загремел цепью. Фарух вставил факел в кованое кольцо на стене.

– У тебя было достаточно времени подумать. Что ты решил?

Узник молчал, опустив лохматую голову. Визирь потрогал кончиками пальцев сырую кладку стены и брезгливо вытер руку о полу дорогого халата.

– Ты странный. Кому лучше от твоего молчания? Скажи – и ты получишь свободу, богатство, лучшие женщины будут в твоём гареме. Не веришь? Я обещаю сам позаботиться о тебе! Если не желаешь жить при дворе, иди куда вздумается: с деньгами ты везде господин... Не хочешь богатства – иди так! Подумай, наверху свобода, солнце. Молчишь? – Фарух остановился напротив узника.

Пленник глядел себе под ноги. Он был похож на каменное изваяние – безучастный и недвижимый. Визирь воздел руки к низкому потолку:

– Что ты за человек? Тебя не прельщают ни золото, ни власть, тебя не сломили пытки и не ослабило вино! Ты отказываешься даже от жизни и свободы! Почему? Ибн Сина давно умер. Умер! А султан Махмуд жив! Он даст тебе все. Ты можешь прославить и обессмертить свое имя. Свое, а не Ибн Сины!.. Опять молчишь? Ладно, мне надоело уговаривать тебя. Хасан!

В узкую дверь протиснулся один из стражников. В руках он держал большой мешок из грубого холста.

– Погоди, – глухо сказал узник.

Фарух быстро обернулся: неужели упрямец сдался?

– Поклянись, что выведешь меня из темницы и позволишь собрать все необходимое для приготовления снадобья. Учти, некоторые травы не растут здесь. За ними придется послать.

– Мы пошлем. – Визирь задрожал от нетерпения.

– Еще мне нужен помощник.

– Любой подданный султана в твоём распоряжении, – заверил Фарух.

– Мне не нужен любой. Помощника выберу сам. Вот мои условия. Если ты готов выполнить их, я приготовлю бальзам.

Визирь торопливо забормотал слова клятвы, призывая в свидетели Аллаха, но узник, казалось, не слушал его: он о чем-то размышлял, задумчиво поглаживая ладонью длинную спутанную бороду.

– Все ли ты понял? Сможешь ли ты сделать это как нужно?

– Будь спокоен, брат.

– Все ли ты хорошо запомнил? Не перепутай, кувшинов три, и они должны быть обязательно из глины. Настоям нельзя соприкасаться с металлами.

– Я помню.

– Знание не должно умереть вместе с тобой и не должно попасть в злые руки. Так завещал великий Аш Шейх Урранс! А теперь иди. Нужно еще многое успеть, а время бежит.

Ученик поклонился и вышел. Бывший узник поглядел ему вслед. Правильно ли он сделал, взвалив тяжкую ношу на плечи юноши? Сколько труда стоило отыскать его, скрыть имя, усыпить бдительность визиря и его наушников. Он брал то одного, то другого помощника, тянул время, потом под разными предлогами отказывался от них. Да простит Аллах его лицемерие! А сам тем временем втайне отыскал и приблизил родного брата. И вот теперь отправил его в долгий, полный опасностей путь, надеясь спасти знание: больше некому доверить тайну, пусть брат еще и совсем мальчишка...

Скрипнула дверь, в комнату заглянул слуга: визирь приказал докладывать ему об успехах трижды в день.

– Передай господину, что я готов обрадовать его, – сказал узник.

Фарух вошел торопливой походкой вечно занятого человека. Быстро окинул взглядом комнату, остановил пытливый взгляд на склонившемся в поклоне узнике.

– Ты отослал помощника? Куда, зачем?

– За травами. Ему не следует всего знать и видеть.

– Разумно. – Фарух кивнул. – Я тоже так считаю, поэтому велел сопровождать его двум стражникам. Твой помощник причастен к тайне!

Узник, не дрогнув, выдержал взгляд визиря. Скопцу не откажешь в хитрости, однако они предусмотрели и это: брат не только хорошо знает, какие травы вызывают крепкий сон и беспамятство, но и прекрасно владеет длинным кинжалом, спрятанным под одеждой. Знание не должно умереть!

– Мне передали, что ты готов обрадовать нас, – продолжал Фарух. – Я давно жду и уже устал успокаивать султана.

– Все здесь. – Узник протянул руку в сторону трех маленьких кувшинчиков из глины.

– Вот как? – Визирь оживился. – Но нам нужно проверить действие бальзама! Я прикажу найти умирающего...

– Это не обязательно, – остановил его узник.

– А рецепт? Ты написал рецепт? – Фарух нетерпеливо прищелкнул пальцами.

– Написать недолго. Что стоит подождать лишний час человеку, который собирается приобщиться к вечности? – Узник налил остро пахнувшей темной жидкости в чашу и подал ее визирю.

Фарух понюхал настой.

– Заманчиво. – Он взболтнул лекарство. – Меня давно беспокоит один недуг, но даже Ибн Сина не смог бы вылечить его... Пей первым!

Он вернул чашу узнику. Под пристальным взглядом визиря тот с поклоном принял ее и отпил половину. Фарух немедленно забрал у него чашу и, немного поколебавшись, сделал глоток.

– Станный вкус. – Он причмокнул губами и удивленно воскликнул: – Мне хочется еще!

– Пей, и тебе уже ничего не будет страшно.

– Да? – Визирь поднес чашу к губам, но вдруг решительно отставил ее. – Нет, на первый раз хватит.

– Вполне, – глухо подтвердил узник.

– Наконец-то ты одумался, – похвалил его Фарух. – Теперь напиши рецепт бальзама.

Узник не ответил. Прислонившись спиной к стене, он пристально смотрел на визиря, и на лице его застыла улыбка.

– Ты оглох? – Фарух рассерженно толкнул его и с воплем отскочил: мертвое тело с деревянным стуком рухнуло на пол. – О Аллах! – Визирь обессиленно сел. – Он принял яд! А я?..

Он хотел крикнуть, позвать на помощь: пусть скорее дадут воды, чтобы промыть желудок, пусть принесут его шкатулку с противоядиями, но язык уже не слушался, и челюсти свело судорогой. И тут визирь почувствовал, как неведомая, страшная сила выпрямляет его, превращая позвоночник в негнущуюся палку. В зеркале он увидел свое отражение и ужаснулся: рот оскалился в жуткой ухмылке, глаза вылезли из орбит и остекленели. Прямой и неподвижный, словно деревянная кукла, он сидел на топчане и ощущал, как леденеет все внутри. А у его ног лежал мертвый узник, пригласивший его пройти путь к вечности...

В покоях султана было тихо и тепло. В душноватом сумраке, напоенном запахами благовоний, слабо мерцали светильники. Седобородый визирь, недавно получивший громкий титул Говорящего Прямо в Уши Владыки Мира, развлекал властелина последними дворцовыми сплетнями.

– И тогда твой недостойный слуга, сын собаки Фарух решил утаить секрет бальзама. Но всевидящий Аллах наказал его за коварство. Фарух стал недвижим, лишился речи, не принимал пищу и воду, отправлял естественные надобности под себя и так мучился тридцать три дня, пока шайтаны не унесли его душу в ад!

– Еще один стал бессмертным, – усмехнулся Махмуд.

– Хи-хи-хи, – угодливо засмеялся визирь.

– А что узник? – Владыка взял с блюда персик и подбросил его на ладони.

– Он тоже умер.

– Умер? – задумчиво повторил Махмуд. – Владел ли он тайной бессмертия?

– Не знаю, государь. – Визирь прижал руку к сердцу. – Я слышал, что недостойный Фарух искал тайну бальзама Ибн Сины не только по твоему повелению. Мне донесли, что он был исполнителем воли Имама исмаилитов².

– Шайтан! – Персик, как снаряд, полетел в стену и оставил на ней мокрое пятно. Султан сердито пристукнул кулаком по колену. – Следи за всеми, Умар! Выискивай людей, которые живут долго, подозрительно долго! Узнавай, почему они слишком задержались на свете. Следи за учениками Ибн Сины, за врачевателями, знахарями, костоправами. За всеми! Тайна бессмертия должна принадлежать только мне!

Визирь согласно кивал и незаметно загибал пальцы, стараясь получше удержать в слабеющей памяти повеления грозного владыки. А в голове уже свербела, не давая покоя, шальная мысль: вдруг ему повезет больше, чем околевавшему в мучениях Фаруху? Никто не прочь вернуть молодость и здоровье, никто не откажется избавиться от груза лет и болезней. Если удастся узнать тайну бальзама Ибн Сины, то еще поглядим, кому она будет принадлежать.

Мерно вышагивала по коридорам стража. За темными узкими окнами дворца спала огромная империя, раскинувшаяся от предгорий Северной Индии до берегов Хазарского моря...

² Исмаилиты – мусульманская шиитская секта, возникшая в раннем Средневековье.

Часть первая Слепой шейх

Глава 1

Больше всего в этой древней рукописной книге Томасу Роу нравились цветные миниатюры в персидском стиле, выполненные неизвестным художником. Он всегда снимал фолиант с полки старинного книжного шкафа с особенным удовольствием, предвкушая новое, неизменно приятное свидание с творениями великого восточного поэта и иллюстратора. Наверное, не зря злые языки называли библиотеки гаремами стариков: книги не обманывали ожиданий владельцев и всегда были готовы к встрече с ними.

– Роу криво улыбнулся, сунул том под мышку и, шаркая домашними туфлями по роскошному ковру на полу, доплелся до письменного стола. Усевшись поудобнее, он вынул закладку, раскрыл том на нужной странице, взял в руку сильную лупу с длинной ручкой из слоновой кости и взглянул через увеличительное стекло на закорючки арабского письма. Да, вот они, бессмертные строки:

У шаха – это всем известно нам —
Хранится чудодейственный бальзам.
Врачует он своею силой,
Даруя жизнь стоящим над Могилой!
Так пусть же царь бальзама мне нальет
В кувшин с вином и поскорей пришлет.

Томас отбросил лупу, захлопнул книгу и положил ладони на переплет. За долгие годы кожа стала шероховатой и бугристой и по краям вытерлась. Но все равно книга прожила больше, чем ее хозяин. Значительно больше!

Роу прикрыл глаза. Неужели он начинает завидовать вещам, которые могут пережить его? Вещь бездушна, у нее нет разума и воли, она полностью зависит от прихотей хозяина. А он? Разве у него нет бессмертной души и разума, разве ослабела с годами воля, разве он готов признать себя рабом судьбы? Нет, Роу никогда им не был и не будет! В его полной власти уничтожить все, чем он владеет: не продать, не подарить, а именно уничтожить, приказать предать огню, изрубить на мелкие кусочки, развеять их по ветру и, как король Лир, уйти в пустыню нищим и нагим, в ожидании смерти. Но стоит ли уподобляться безумцам и злиться на ни в чем не повинные вещи?

Томас слегка побарабанил пальцами по переплету и желчно усмехнулся: все, что напридумывал поэт, – только сказки! В отличие от легендарного героя Роу не может попросить ни одного из земных царей прислать бальзам, дающий жизнь стоящим над могилой. Печально, но факт: природу еще никому не удалось обмануть. Хотя как знать?.. Не только гениальный поэт, но и сам великий Бабур, ферганский правитель, в XVI веке ставший падишахом Индии и основавший династию Великих Моголов, тоже упоминал о бальзаме бессмертия. Правда, вскользь и весьма невнятно, однако людям Востока издревле присущи скрытность и склонность туманно излагать свои мысли, старательно скрывая их действительный смысл за ничего не значащими цветистыми метафорами.

– Неужели он существует? – чуть слышно прошептал Роу, словно боясь, что его могут подслушать.

За высокими окнами тихо угасал серый день, и по углам начали сгущаться тени. Мрачно и неуютно в такое время без огня. Томас взял серебряный колокольчик и позвонил. Тут же отворилась дверь, и вошел одетый в темное плотный мужчина с грубыми чертами лица и густой гривой вьющихся волос, спадавших на широкие плечи.

– Дэвид! – Роу повернул к нему голову. – Я хочу прогуляться, пусть пока разожгут камин.

Слуга вышел из комнаты и вскоре вернулся с тростью, теплым пальто и шляпой. Следом, неслышно ступая, появились двое других слуг: один нес охапку дров для камина, а другой – канделябры со свечами. Дэвид заботливо помог Роу выбраться из кресла и надеть пальто, подал шляпу и трость. Опираясь левой рукой на его плечо, а правой на трость, Томас медленно побрел по анфиладе комнат к выходу из дома. Обычно Роу одевался в прихожей, но сегодня он чувствовал себя на редкость отвратительно.

За дверями сразу налетел сырой ветер, бросил в лицо холодную водяную пыль, просвистел между деревьев парка и унесся прочь. В мокрых ветвях висели ключья желтоватого тумана. Старик нахохлился, втянул голову в плечи и, постукивая тростью по каменным плитам, направился вокруг дома: ему хотелось взглянуть на море.

Принадлежавший Роу дом являл собой странное смешение разных архитектурных стилей: нагромождение башен и башенок с остроконечными кровлями, украшенный колоннами фасад, широкие – почти до пола – окна первого этажа и маленькие – в частых переплетах казавшиеся подслеповатыми – окна второго, словно бы приставленного от другого здания. Это не раз достраивавшееся и перестраивавшееся родовое гнездо некогда владетельных лордов стояло на краю утеса, возвышавшегося над бухтой, на берегу которой раскинулся чистенький городок. Много лет назад прежние хозяева разорились, и Томас купил у них дом вместе со всей обстановкой и библиотекой. Особняк нравился ему своей необычностью, запутанными переходами и тихими укромными уголками. Из окон открывался прекрасный вид на бухту, и вечерами Роу смотрел на огоньки проходивших мимо кораблей или наблюдал, как медленно и величественно опускается в море багровое солнце, заливая морскую гладь расплавленным червонным золотом прощальных лучей.

Старик свернул за угол и, чуть прихрамывая, подошел к парапету. Далеко внизу колыбалась серо-зеленая поверхность моря. Мачты стоявших в бухте кораблей и рыбацких баркасов раскачивались, словно деревья под ветром. Пролетавшие над волнами чайки казались отсюда маленькими белыми пятнышками, а их пронзительные крики заглушал рокот волн. В домиках городка уже светились окна, а из труб ключьями тянулся дым. Роу поморщился, уловив запах угольной гари: он никогда не разрешал топить в своем доме печи и камины углем, но люди в городке предпочитали не тратить зря денег и пользовались дешевым топливом. От этого туман казался чуть желтоватым. Но ведь нельзя же всем приказать жить так, как нравится тебе!

Равнодушно отвернувшись от кораблей (он всегда испытывал непреодолимое отвращение к морским путешествиям), Томас посмотрел на полоску пляжа, тянувшегося справа от бухты. Захотелось туда, на мокрый песок, и чтобы он скрипел под подошвами, а в лицо бы летели соленые брызги. Однако сегодня предстояло еще множество дел, да и самочувствие не позволяло поддаваться соблазну.

Кстати, не исключено, что причиной плохого самочувствия стал вчерашний ужин у Адмирала. Кажется, Томас чуточку перебрал хереса: трудно устоять перед искушением, ведь погреб Адмирала всегда полон прекрасных марочных и коллекционных вин, и хозяин, как истинный знаток, не преминул похвастать перед гостем своими богатствами.

– Это марочные. – Адмирал собрал лукавые морщинки у глаз, с улыбкой демонстрируя Роу покрытые благородной пылью темные бутылки. – Они проходят выдержку в бочках. Десертные – двухгодичную, портвейны – трехгодичную, а мадера – пятилетнюю. Но коллекционными вина становятся только после бутылочной выдержки: можно пролежать бутылке два года, а можно и два столетия! Попробуйте это: испанский херес «де ля Фронтера» урожая 1675

года. Представьте, вино в полном расцвете сил! Только стало немного светлее, как человек в почтенном возрасте.

– Просто волшебный джинн из бутылки, – промолвил Томас. – Что ж, давайте выпустим его на волю!

Пригубив бокал, он покачал полысевшей головой:

– Хотел бы я так сохраниться, как это чудесное вино!

– Увы, – засмеялся старый лорд. – Те, кто собрал и выжал виноград, из которого сделали херес, давно в раю!

– Но мы имеем счастье наслаждаться плодами их труда, – заметил Роу.

Потом они долго говорили о том, какой путь проделывают плывущие из Индии корабли, и о проекте Суэцкого канала, о трудностях колониальной службы и еще о многом-многом другом. Ужин удался как нельзя лучше. Главное, Адмирал обещал Томасу помощь и поддержку, и это было весьма важно.

Томас медленно развернулся и побрел обратно. Дэвид следовал за ним, чтобы в любой момент прийти на помощь старику. Войдя в дом, Роу освободился от пальто, отдал трость и шляпу дворецкому, потом направился в кабинет.

Жарко пылавший камин заметно улучшил его настроение: дрова весело потрескивали, а угли светились малиновым жаром. На столе горели свечи и лежала стопка чистой бумаги. Томас подошел к огромному глобусу, укрепленному на подставке из мореного дуба, под цвет стенных панелей и высоких книжных шкафов. Легкий толчок – и глобус медленно повернулся на оси, показывая голубовато-синие разводы океанов и желтые пятна пустынь. Роу толкнул его еще раз, заставляя крутиться быстрее, и подумал: если бы он жил так же долго, как вино в бутылках Адмирала, весь мир мог бы принадлежать ему! Но...

Оставив глобус, Роу сел за стол и принялся писать. Время от времени он поднимал голову и пристально смотрел на замерший глобус. Наконец, последнее письмо закончено. Запечатав послания своим перстнем, старик позвонил в колокольчик. Появился Дэвид.

– Где Мирадор? – не оборачиваясь, поинтересовался Роу.

– Ждет, – лаконично ответил слуга.

– Зови!

В кабинет вошел худощавый блондин с холодными светлыми глазами. Почтительно поклонившись, он остановился в трех шагах от кресла старика.

– Прочтите. – Роу подал блондину несколько листов бумаги, исписанных мелким, убогим почерком. – Вам надлежит это крепко запомнить.

Мирадор взял бумаги, и его глаза быстро забегали по строчкам. Исподтишка наблюдавший за ним Роу отметил: на лице гостя не дрогнул ни один мускул. Тишину в кабинете нарушали лишь легкое потрескивание свечей да шуршание бумаг в руках невозмутимого блондина. Хозяин, казалось, полностью утратил всякий интерес к окружающему миру, он притих в глубоком кресле и блаженно закрыл глаза. Мирадор, закончив читать, аккуратно сложил листы и бросил взгляд на старика, лицо которого в багровых отблесках догоравшего камина походило на маску сатира.

– Прочли? – Роу открыл глаза и требовательно протянул длинную худую руку.

Мирадор вложил листы в его ладонь.

– Да, прочел и запомнил.

– Важно не перепутать последовательность. – Хозяин поднес бумаги к пламени свечи, дождался, пока они разгорелись, и швырнул пылающий ком в камин. – Время движения по маршруту рассчитано точно, поэтому вам следует появляться в назначенных пунктах именно в те дни, когда вас будут там ждать. Наши друзья в Лондоне открыли на ваше имя счет в банке. Отдохните недельку в столице, а заодно посмотрите: не потащился ли кто следом за вами?

– Хорошо, – сказал Мирадор. – И еще раз проверюсь на том берегу Канала.

– Логично, – согласился Томас. Несколько минут он молчал, целиком погрузившись в свои мысли, потом поднял глаза на гостя. – Я не могу сам отправиться в это путешествие. Поэтому вам придется стать моими глазами, ушами и руками. Понимаете?

– Да, – кивнул Мирадор.

– Спрос с вас будет особый, – усмехнулся Роу. – Зато и награда ждет поистине королевская. Отправляйтесь, сударь, желаю себе и вам удачи!

Мирадор сдержанно поклонился и вышел. Старик поглядел на календарь: сегодня первое марта 1863 года. Хотя нет, уже второе – часы на каминной полке только что пробили двенадцать и хочешь не хочешь, а придется лечь в постель... Еще одна кошмарная ночь, когда ворочаешься с боку на бок и нет сил заснуть, когда тревожные мысли беспокоят душу и боли не прекращаются даже под утро. Больше всего хотелось покоя. Вечного и незыблемого, как смерть. Но смерти Томас Роу страшился сильнее всего...

К Зимнему дворцу Александр Михайлович подъехал в сумерках. Из низко повисших над городом лохматых туч густо валил мокрый снег. Налетавший с Невы пронизывающий ветер собирал этот снег в охапки, закручивал невообразимыми спиралями и бросал дальше, во тьму, разорванную редкими фонарями. От подъезда не видно даже Александрийской колонны посередине площади, и министр поспешил войти в предупредительно распахнутые лакеями двери. Дворцовые слуги помогли ему снять теплый плащ, приняли шапку и трость. Придирчиво оглядев себя в высоком зеркале, князь прижал локтем к боку сафьяновую папку с бумагами и поднялся по лестнице.

Наверху его ждал дежурный генерал. Следом за царским адъютантом князь прошел несколько залов, привычно не обращая внимания на роскошное убранство парадных покоев. Сейчас, перед встречей с императором, необходимо сосредоточиться: зачем он понадобился самодержцу в неурочное время? Тем более что разговаривать с царем всегда непросто: прекрасно образованный, умный, любивший щегольнуть метким словом, Александр Второй часто поражал весьма искушенного в политических играх князя неожиданными решениями и дальновидными прогнозами. Однако царь обычно прислушивался к мнению министра иностранных дел и с благодарностью принимал его советы. Они быстро научились понимать друг друга, и Александру Михайловичу в чем-то даже льстило уважительное отношение самодержца, столь не похожего на своего покойного отца.

Не похожего не внешне: рослый, с густыми усами и пышными рыжеватыми бакенбардами, хорошо сложенный, но в свои сорок пять немного отяжелевший, старший сын Николая Первого внешне как раз очень напоминал родителя. Отличались они другим...

Генерал открыл перед князем двери царского кабинета, и министр невольно улыбнулся, переступив порог: вот и первое отличие. В кабинет Николая все входили на цыпочках. Смело шагать по коврам и паркету позволялось лишь всесильным Бенкендорфу и Аракчееву. Александр это правило немедленно упразднил.

Император курил, стоя у письменного стола. Увидев князя, он пошел ему навстречу, взял под руку и усадил в кресло.

– Рад вам, Александр Михайлович. – Царь выпустил густой клуб табачного дыма и помаhal ладонью перед лицом, разгоняя синеватое облако. – Простите, что побеспокоил, но есть нужда.

– Всегда готов служить Вашему Величеству, – немедленно откликнулся министр.

– Весна слякотная. – Александр неожиданно переменял тему. – Но, я вижу, погода не испортила вам настроения: вы улыбались, входя в мой кабинет?

– Да, государь. – Князь решил немного слухавить. – Увидев вас курящим, я тут же вспомнил, как по восшествии на престол Ваше Величество милостиво разрешили курить в общественных местах. И все тут же поняли: Россия стоит на пороге великих перемен.

– Ну-ну, князь. – Император весело рассмеялся и шутливо погрозил пальцем. – Так я вам и поверил! Впрочем, лучше сразу к делу.

Широкими шагами он подошел к висевшей на стене огромной карте и крепкой ладонью накрыл все пространство правее Каспия:

– Нам нужен Туркестан³.

Александр Михайлович почувствовал, как у него пересохло во рту от волнения. Бог мой! Еще продолжалась страшно затянувшаяся Кавказская война: почти четыре года назад, 26 августа 1859 года, в ауле Гуниб русские солдаты взяли в плен последнего имама Чечни и Дагестана знаменитого Шамиля, но и это не остановило военные действия. В Польше опять все набухло кровавым нарывом, и даже слепому видно: началось новое восстание. А приведение поляков в чувство неизбежно потребует войск и, следовательно, новых расходов: война – это в первую очередь деньги!

И как забыть, что Россия ослабила свои позиции на юге, после поражения в Крымской войне? И что до сего времени не разрешены проблемы освобождения славян, стонущих под османским игом, – там все сплелось в тугой узел!

Конечно, русская армия не топчется на месте. Поражение в Крымской войне не прошло даром, и уроки обороны Севастополя усвоены крепко: в 1861 году освободили от крепостной зависимости крестьян, срок службы в армии теперь сокращен до пятнадцати лет – десять в строю и пять в запасе. Но не хочет ли царь, замыслив очередную войну на Востоке, испытать армию перед другими серьезными сражениями? Вдруг он решил проверить ее в боях, а потом перебросить обстрелянные батальоны на Запад? Князь знал: Александр болезненно переживал подписание многих статей Парижского мира 1856 года, когда Англия, Франция и Турция навязали России ряд позорных кабальных условий.

– Вы хотите?.. – начал министр, но император тут же перебил его:

– Нужно больше простора, больше земли! Что бы ни было потом, но нам это нужно!

– Конкиста. – Александр Михайлович осуждающе покачал головой. – Колониальная война, Государь!

– Колониальная? – Царь поднял правую бровь, словно изумился услышанному. – Позвольте, сударь мой, напомнить: там процветает работоторговля и следует окончательно положить предел набегам на наши приграничные селения. Русских женщин содержат в гаремах, а пленных мальчиков превращают в евнухов! Не-е-е-т, Александр Михайлович, пора покончить с работоторговлей и наказать проклятую Хиву! Мы принесем в Туркестан свет европейской цивилизации.

«Давно ли мы сами покончили с работоторговлей?» – горько усмехнулся про себя князь, а император словно прочел его тайные мысли.

– Да, мы и сами не так давно упразднили рабскую зависимость крестьян, а теперь хотим распространить свободы в ближайших пределах Державы!

– Там не одна Хива, – вздохнул министр. – Ташкент, Бухара, Самарканд, Мерв... Везде свои эмиры и ханы, племенные царьки. А рядом Афганистан, где постоянно сталкиваются интересы России и Британии. Туркестан – подбрюшье Индии! Через афганские и туркестанские перевалы до нее рукой подать! Англичане считают Индию жемчужиной короны. Сейчас, Ваше Величество, не времена Иоанна Грозного и атамана Ермака, примучившего Сибирь!

– Альбион поневоле станет сговорчивее, когда наш штык окажется около их подбрюшья. – Царь зло закусил кончик уса, и князь понял: Александр пытается побороть ярость, всегда охватывавшую его при воспоминании об унижениях Парижского трактата (как ни крути, а первую скрипку там играли британцы!).

³ В тот период Туркестаном называли территорию современных Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и части Казахстана.

Вызывать на свою седую голову гнев императора не очень хотелось, но дело было серьезным, поэтому и князь решился идти до конца и надавил на еще одну большую мозоль.

– Осмелюсь напомнить Вашему Величеству, что в 1839 году уже был предпринят неудачный поход Перовского к Хиве и потери...

– Пустое, Александр Михайлович, – перебил его император. Он уже улыбался и с удовольствием попыхивал папиросой. – Пустое! Сейчас Таврия – наша губерния, и в Ливадии отдыхает моя семья. А сколько мы неудачно ходили завоевывать Крым? Минимум дважды, пока князь Долгоруков не покорил гордых Гиреев.

«Я прав, – подумал министр и устало закрыл глаза. – Он желает обстрелять солдат и офицеров, готовясь к другой, более серьезной войне! Коль скоро мы уже имели опыт Кавказа и сейчас собираемся действовать в жаркой, горной и пустынной местности, можно предположить, что следующий удар мы нанесем либо в Балканах, либо на Ближнем Востоке... Господи! Дай мне силы и смири сердце помазанника Твоего Александра».

– Да простит меня Государь, – не открывая глаз, чтобы не встречаться взглядом с царем, тихо произнес Александр Михайлович, – но ваш дед уже пытался...

– Довольно, князь! – Голос императора чуть не сорвался, но министр безошибочно уловил: самодержец прервал его не в порыве гнева, а лишь не желая услышать продолжение. В давних и не столь давних поражениях не было его вины, но они жгли душу императора, вызывая мучительный стыд, бессильную ярость и неутолимую жажду мести.

Однако Александр желал отомстить не какому-то племени, народу или стране, заставив их подчиниться своей воле. Нет, он жаждал добиться такого возвышения России, чтобы изумленные народы не только Европы, но и всего мира вдруг оглянулись и склонили головы перед величием и могуществом северного исполина.

Царь жадно затянулся и медленно выпустил струю дыма в сторону прикрытого тяжелыми гардинами окна. Он прекрасно понял, на что намекал министр: император Павел Первый уже предпринимал поход в Индию. По его приказу подняли Всевеликое войско Донское и походным порядком направили через степи к Каспийскому морю, но далеко храбрые казаки уйти не успели: Павел скончался!

И ни к чему лицемерить перед самим собой, когда всем прекрасно известна причина смерти императора: убили заговорщики. И как любопытно: заговор и гибель Павла удивительно совпали по времени с началом беспримерного похода. Сколько раз потом было говорено, что деда убило английское золото! А вот покойный дядя Александр Первый с британцами дружил. Зато вошел в Париж победителем и помог окончательно сломать хребет Наполеону при Ватерлоо.

Император Николай не вынес горечи поражения России в Крымской войне и умер. Что ждет его, Александра Второго, решившего мечом раздвинуть пределы Державы на востоке? Ведь при этом острие меча больно кольнет Англию! Подумают, что он мстит за отца и деда!

Но стоит ли без конца оглядываться на Европу? Хивинский хан высылает на Орский тракт орды разбойников: пленных оскоряют, выкалывают им глаза, мучают, продают на невольничьих рынках. Да только ли в этом дело? Конечно, надо прекратить набеги и дать покой подданным, защитив их силой государства, но и о развитии Державы, врученной ему Богом, следует подумать, чтобы потомки не осудили.

– И все же мы пойдем туда!

Александр Михайлович открыл глаза и взглянул на царя. Император улыбался, но его крепкие пальцы, смявшие окурок в пепельнице, выдавали тщательно скрываемое напряжение. И князь подумал, что обманчиво мягкий на вид, вроде бы либеральный, склонный к реформам Александр на самом деле обладает железной волей и правит Державой жесткою рукой.

– Гигантские просторы, Государь! – Министр с облегчением вздохнул: царь не разгневался на его замечание, гроза, кажется, прошла стороной. – Там оставили следы Александр Македонский и римские легионы, но всех их поглотили пески пустыни.

– Нас не поглотят!

Император весело поглядел на сидевшего в кресле изысканно одетого пожилого человека. Некоторые дипломаты втихомолку беззлобно подшучивали над министром иностранных дел, уделявшим чрезмерное внимание своей внешности. Но Александр считал: дипломат всегда должен выглядеть блестяще, а самое главное – блистать умом! По его мнению, министр еще не сказал своего главного слова в мировой политике и, несмотря на почтенный возраст, время его впереди⁴.

– Не поглотят! – с уверенностью повторил царь. – Римляне несли новое рабство, а мы понесем избавление от него! Я уже приказал главному управлению Генерального штаба готовить карты. Трудная, должен признаться, задача: Азия мало изучена! Придется посылать офицеров для новых съемок местности и уточнения старых планов.

– Ваше Величество, может быть, стоит прибегнуть к помощи Императорского географического общества и Российского общества востоковедения? Появление на границах с Туркестаном русских офицеров может вызвать нежелательные осложнения. Господин Семенов еще в 1856 году дошел до северной части Ала-Тоо, посетил побережье Иссык-Куля, отыскал истоки рек Нарын и Сары-Джаз, описал долины Тюпа и Каркары и первым из европейцев достиг знаменитого загадочного Хан-Тенгри.

– Это великий научный и гражданский подвиг Петра Петровича, – согласился царь. – Его сведения неоценимы для науки, но нам нужны военные карты! Следует знать, где пройдет пехота, а где конница и артиллерия, сколько воды могут дать колодцы, и многое другое, необходимое для успешных действий армии. Ваше дело, князь, подготовить политику!

Министр задумчиво почесал мизинцем седеющую бровь – нелегкий труд возлагался на его плечи. Придется лавировать среди хитроумных политических ловушек и, как затравленному волку, запутывать следы. У всех свои интересы, и, все, как один, с жадным любопытством устремят взоры к восточным границам России. В первую очередь – британцы. Естественно, не останутся в стороне ни французы, ни австрийцы, ни давний знакомый Отто Бисмарк, усиленно сгребаящий в охапку всю Германию, чтобы подчинить ее Пруссии и надеть на голову каждому немцу стальной военной шлем. М-да...

– Позволю напомнить вам, Государь, о неблагоприятной обстановке в царстве Польском. – Александр Михайлович сделал небольшую паузу. – Польские события становятся еще одним очагом напряжения в Европе и, как магнитом, притягивают австрийцев.

– Мы думали об этом, – кивнул император. – Наверное, следует направить в Польшу генерала Бакланова, нашего кавказского героя. Конечно, он не Паскевич и не Дибич, но...

– Согласен, Ваше Величество, – поняв, что разговор закончен и главное уже сказано, князь встал и поклонился. – Однако Дибичу три десятка лет назад пришлось действовать в Польше против регулярных, хорошо обученных войск повстанцев под командованием генерала Хлопицкого...

– Вот именно, дорогой Александр Михайлович, – улыбнулся царь. – Зато Бакланов – знаток партизанской войны, мастер стремительных набегов. Сейчас у поляков нет регулярных войск, и нам пригодится опыт действия малыми отрядами. Однако не будем торопиться, время покажет, ехать туда генерал-лейтенанту Бакланову или нет.

Александр сам проводил министра до дверей. Дежурный генерал ждал в приемной и провел князя к выходу.

⁴ В 1867 году министр иностранных дел князь А.М. Горчаков стал государственным канцлером (высший чин в Российской Империи). Известен как блестящий дипломат, получивший мировое признание.

Усаживаясь в карету, Александр Михайлович решил лечь спать сегодня попозже: стоило хорошенько обдумать все сказанное императором и прикинуть, какие политические неожиданности могут подстергать Россию, когда она двинется на завоевание Средней Азии. Царь твердо вознамерился наложить свою руку на Ташкент и древнюю Фергану, залпы русских пушек загремят под стенами Бухары и Хивы, горные егеря полезут на кручи Гиссарского хребта и отважные генералы, используя опыт Кавказской войны, поведут полки к Памиру. Может, совсем не зря путешествовал по Азии господин Семенов? Не исключено, что его экспедицию финансировал и поддерживал Генеральный штаб.

– Поджарый, золотистой масти ахалтекинец вынес всадника на вершину бархана и остановился как вкопанный, настороженно прядая ушами. Нафтулла привстал на стременах и осмотрелся, отыскивая среди бескрайней пустыни движущуюся точку или дымок далекого костра. Но вокруг было голо и безлюдно. Высоко в небе медленно плыл добела раскаленный шар безжалостного солнца. Бледно-голубой, как застиранный лоскут, небосвод дышал зноем. Горячий воздух поднимался от барханов и колыхался, словно занавес, мешая разглядеть линию горизонта. Нафтулла сдвинул на затылок лохматую, папаху – тельфек, приложил ладонь козырьком ко лбу, прищурил глаза и снова осмотрелся. Слева ничего, справа тоже. Позади ближайшее селение в нескольких днях пути, а впереди – только пустыня.

Он развалился в седле и довольно усмехнулся: Аллах в своем милосердии посылает ему удачу. Пусть он и дальше не забудет про бедного Нафтуллу!

Всадник слегка тронул коня каблуками, заставив его спуститься с бархана, и направил туда, где далеко-далеко должен был быть старый колодец и в нем – вода. Для каравана маловато, для отары или стада тоже не хватит, а вот для одинокого путника и его коня – в самый раз. А где вода, там и неприхотливая верблюжья колючка, готовая сгореть в жарком пламени костра, согревая чай. Только бы у колодца не остановился передохнуть другой путник: Нафтулле ни с кем не хотелось сейчас встречаться. Ну, да ладно, еще до наступления сумерек он доберется до чахлой роши и узнает, есть там кто-нибудь или нет.

Ахалтекинца Нафтулла не понукал, дав ему волю выбирать дорогу и аллюр: умное животное понимает, что идет к воде, где его ждет отдых после трудного пути, а Нафтулла тем временем может подумать о делах.

В размышлениях время пролетело незаметно. Солнце стало уже не ярко-белым, а красноватым и клонилось к закату, собираясь спрятаться за дальней кромкой бескрайних песков. Небо заметно изменило цвет, превратившись из бледно-бирюзового в синее: близился вечер. Ахалтекинец вскинул сухую голову и чуть слышно заржал. Нафтулла ласково потрепал его по холке и легко спрыгнул с седла. Перед ним был старый колодец Эн-Наджаф, что в переводе с арабского означало «холм». Наверное, в незапамятные времена здесь действительно был оазис на холме, поэтому купцы из далеких арабских стран и дали ему такое имя, принятое и сохраненное местными жителями. Но теперь тут остались лишь несколько уродливых, скрюченных жарким ветром деревьев, редкие кустики торчащей из песка жесткой, будто проволока, пожелтевшей травы да полузасыпанная песком кладка из потрескавшихся от времени кирпичей – развалины древнего караван-сарая.

Нафтулла привязал поводья коня к ветке низкорослого деревца и прошелся, разминая затекшие в седле ноги и присматриваясь, нет ли следов чужих людей. Следов не было...

Между деревьев-уродцев, почти незаметная глазу, пряталась главная ценность этого места – вода! Несведущий человек прошел бы мимо, ничего не заметив, но любой из местных жителей безошибочно умел отыскивать колодцы: от этого зависела жизнь! Поэтому Нафтулла, ничуть не смущаясь видом неприглядного песчаного холмика, опустил перед ним на колени и начал разгребать сухой песок. Вскоре его пальцы наткнулись на каменную кладку, выложенную кругом из плотно пригнанных друг к другу булыжников. Теперь нужно рыть внутри круга.

Постепенно песок стал влажным, потом мокрым, еще одно усилие – и Нафтулла увидел, как тоненькая струйка мутной воды забила маленьким фонтанчиком.

Он принес кожаный бурдюк и наполнил его живительной влагой, стараясь не уронить ни капли. Потом наполнил помятый медный кувшин, отставил его в сторону и набрал воды во второй бурдюк. Хорошо, когда есть вода и соль – без них в пустыне пропадешь! В дикий зной человек терял не только влагу, но и соль из организма, а это быстро приводило к упадку сил. Внезапно подкрадывалось головокружение, потом начиналась тошнота, перед глазами плыли радужные мошки-искорки и... темнота, обморок. За ним второй, третий, а там уже нет больше сил подняться на ноги и сесть в седло...

Нафтулла вырыл в песке ямку и перенес в нее наполненные бурдюки. Потом наломал веток и высек огонь. Заплясали веселые, казавшиеся бесцветными язычки пламени. Нафтулла поставил на костер помятый медный кувшин с водой. Проверив, остыл ли конь после долгой дороги, напоил его из кожаного ведра, расстелил кошму и улегся, окружив себя кольцом волосяного аркана: по местным поверьям, он прекрасно предохранял от змей и ядовитых пауков. Теперь оставалось только ждать.

Вода в кувшине еще не успела закипеть, когда ахалтекинец вскинул голову, начал перебирать задними ногами и захрапел, почуяв чужую лошадь. Нафтулла вскочил и посмотрел на запад: тот, кого он ждал, мог приехать только оттуда. Действительно, там появился всадник, плохо различимый в слепящих глаза лучах заходящего солнца. Через несколько минут Нафтулла разглядел его.

– Эй, Магсум! – Нафтулла сорвал с головы тельфек и начал размахивать им, чтобы привлечь внимание всадника. – Мой жеребец уже почуял твою кобылу. Привяжи ее с другой стороны.

– Хоп! – откликнулся Магсум и пустился в объезд рощицы.

Вскоре он подошел к костру, приветливо поздоровался с Нафтуллой и сел рядом на кошму.

– Салам, салам! – заулыбался в ответ Нафтулла, хитро прищулив быстрые глаза. И, как предписывал обычай, поинтересовался: – Хороша ли была твоя дорога?

– Да, хвала Аллаху, – важно кивнул Магсум, выуживая из складок халата маленький холщовый мешочек с колотым сахаром.

Нафтулла ехидно ухмыльнулся: обычай повсюду таскать с собой мешочек с сахаром появился на Востоке не от хорошей жизни. Слишком часто мирная беседа за чаем кончалась смертью хозяина или гостя. Месть – святое дело! В чай сыпали яд, чтобы отомстить обидчику рода или сопернику в борьбе за власть. Когда появился сахар, сметливые люди заметили: смоченный в отравленном питье, он менял свой цвет, приобретая особый оттенок. С той поры каждый, кто отправлялся в дальний путь или просто шел навестить соседа, на всякий случай клал в карман спасительный мешочек с колотым сахаром.

Нафтулла бросил в кипящую воду несколько щепоток заварки, достал две пиалы, сплоснул их, налил ароматный напиток и с улыбкой подал одну пиалу Магсуму.

– Спасибо, – поблагодарил тот и опустил в чай кусочек сахара. Вынув его, придирчиво оглядел со всех сторон и, убедившись, что все нормально, осторожно отхлебнул из пиалы.

Чай пили молча, мелкими глотками, словно священнодействуя. Наконец, Нафтулла отставил пустую пиалу, достал трубку с длинным тонким чубуком, набил ее табаком из кожаного кисета и прикурил от уголька.

– Какие новости ты привез, Магсум? – выпустив струйку синеватого дыма, спросил он.

– Разные. Есть хорошие, а есть и плохие. На границе песков и степи снова появился Желтый человек.

– Мирт? – Нафтулла удивленно поднял брови.

– Да, так он себя называет, – подтвердил Магсум. – Он идет по следу.

– Имам знает об этом?

– Имам знает все. – Магсум загадочно улыбнулся, как человек, посвященный в тайны, недоступные другим. – Его люди будут ждать тебя у развалин старой крепости. Знаешь, где это?

– Найду с завязанными глазами, – заверил Нафтулла. – Когда я должен быть там и что сделать?

– Люди Имама повезут добычу в горы. Их путь лежит мимо развалин. Через две луны ты встретишь их там вместе с Сеидом и постарайся сбить Желтого человека с истинного следа. Имам хочет, чтобы он навсегда остался в песках.

Нафтулла глубоко затянулся и медленно выпустил табачный дым из широких ноздрей. Предстояло веселенькое дельце: Мирт, которого прозвали Желтым человеком, не настолько глуп, чтобы позволить одурачить себя и завести в гиблые места. Скорее он сам устроит засаду и загонит тебя в ад, к шайтанам! Этот человек имел множество помощников, появлялся неизвестно откуда и неизвестно куда исчезал. Многие видели его и говорили с ним, многие слышали о нем, но никто не мог точно сказать, кто он и где его дом. Теперь Имам хочет, чтобы Нафтулла, пусть даже с отрядом вооруженных всадников, уничтожил Желтого человека? Не исключено, что Мирт знает не меньше, если не больше самого Имама: как он иначе напал на след добычи, за которой Имам охотится уже много лет?

– У Мирта много людей? – с деланным безразличием поинтересовался Нафтулла.

– Узнаешь, когда поведешь его за собой в пески. – Магсум весело оскалил кривые желтоватые зубы.

– А как русские?

– Сидят в крепостях. Говорят, часто стали приезжать новые начальники. У них мало солдат, но много бумаг. Они любят долгие прогулки по степи и пескам. И все, что увидят, рисуют на бумаге.

– Понятно, – пробормотал Нафтулла. – Что скажешь еще?

Магсум наклонился и нарисовал пальцем на песке несколько линий. Солнце уже почти село, и в его косых лучах бороздки казались почти черными на фоне белого песка.

– Смотри! – Магсум показал на самую длинную линию. – Вот путь, где повезут добычу, а тут, – Магсум ткнул пальцем в конец линии, – ты должен ждать людей Имама. Понял? Через две луны!

– Это все? – бесстрастно спросил Нафтулла.

– Да, – буркнул Магсум, но тут же захрипел и скорчился: Нафтулла неожиданно вогнал в его грудь нож, всадив тот по самую рукоять.

Выдернув окровавленное лезвие, он ногой пнул Магсума, свалил его рядом с костром и перерезал горло. Потом отволоч труп в развалины караван-сарая, вырыл в песке глубокую яму, столкнул в нее тело, закидал его обломками кирпичей и засыпал песком. Все, нет больше Магсума, и никто не дознается, куда он пропал. Вернувшись к костру, Нафтулла перевернул песок, скрывая следы крови, затоптал угли, привязал к седлу ахалтекинца медный кувшин, из которого угощал чаем убитого, и приторочил бурдюки с водой. Что-то тонко хрустнуло под подошвой сапога, и Нафтулла наклонился, напрягая глаза: уже сгущались сумерки.

О Аллах! Да это же кусочек сахара, выпавший из мешочка Магсума. Бедняга так боялся яда и совсем не подумал, что его могут просто прирезать. Что поделать – у каждого своя судьба, и человек, не зная, какие невзгоды или радости его ждут впереди, торопится навстречу неизбежному.

Нафтулла легко прыгнул в седло, подъехал к кобыле Магсума, отвязал повод и потянул лошадь за собой. Теперь его путь лежал туда, где не проходила ни одна караванная тропа и где нельзя было найти ни капли воды. Посланец Имама должен исчезнуть бесследно. Поэтому Нафтулла даже не стал обыскивать труп, хотя у Магсума за матерчатым широким поясом наверняка остался кошелек с монетами. Ни одна вещь не должна выдать тайны его исчезнове-

ния, и прекрасная кобыла тоже обречена, хотя за нее и можно было взять приличную цену на любом базаре. Но... многих сгубила жадность, а Нафтулла не желал рисковать.

Ехать в темноте он не опасался: здешние места ему так же хорошо знакомы, как линии на собственной ладони. Конечно, в пустыне есть и такие уголки, куда не согласишься отправиться ни за какие деньги, но они находились далеко отсюда.

Примерно через час Нафтулла ненадолго остановился, слез с седла, вытащил нож, зло ощерился и подрезал кобыле Магсума сухожилия. Несчастное животное тут же осело на песок. Его судьба была решена: передвигаться лошадь не сможет, а палящее солнце быстро сделает свое дело; пройдет не так много времени и от кобылы останется только выбеленный ветрами скелет – кто узнает в нем лошадь Магсума?

К рассвету ахалтекинец вынес седока к Старому колодцу. Здесь, по меркам кочевников, начинались обжитые места. Вокруг колодца росло значительно больше деревьев, чем у Эн-Наджафа, и трава здесь заставила пески отступить, а сама драгоценная влага хранилась в огромном подземном резервуаре, сделанном в незапамятные времена. Наверх выходил только узкий кирпичный ствол колодца, закрытый массивной крышкой. Рядом стояли вытесанные из камня корыта для лошадей и скота.

Нафтулла привязал коня и возблагодарил Аллаха, что в эту ночь никакой караван не остановился здесь на отдых. Отсчитав от крайней колоды десять шагов на север, он опустился на колени и начал рыть песок, нетерпеливо отгребая его ладонями в сторону. На глубине двух локтей его пальцы наткнулись на гладкий твердый предмет. Есть!

Вытащив из ямки грязную бутылку темного стекла, Нафтулла выдернул пробку и вытряхнул на свет записку – послание Желтого человека, называвшего себя Миртом. Развернув ее, Нафтулла жадно впился глазами в неровные строчки торопливой арабской вязи, но тонкая полоска зари еще только зарождалась. Пришлось высечь огонь. Прочитав записку, Нафтулла сжег ее, затоптал пепел и снова зарыл бутылку в песок.

Восход солнца он встретил, сидя на кошке в позе Будды. Со стороны могло показаться, что неутомимый наездник погружен в молитвенный транс, но на самом деле он напряженно размышлял, сопоставляя рассказанное Магсумом и прочитанное в записке Мирта. К этому следовало добавить сведения, известные ему самому, и решить, как поступить дальше. Неподвижно сидя на кошке, он слушал древнюю бесконечную песню песков – тонкий посвист ветерка, шорох перетекавших песчинок, позвякивание уздечки беспокойно ступавшего ахалтекинца. Если бы записку Желтого человека привез нарочный, его постигла бы та же участь, что и Магсума: Нафтулла желал быть спокойным и свободным.

На что же решиться? Стоит ли сейчас окончательно определяться, с кем и за кого воевать? Ведь в запасе почти два месяца! Магсума хватятся не скоро, а Мирт не настаивал на немедленном ответе. Так зачем торопиться? Восточная мудрость гласит: сиди спокойно и жди, тогда рано или поздно мимо тебя пронесут труп твоего врага.

Нафтулла стряхнул с себя оцепенение и потянулся, улыбаясь ярким солнечным лучам. Хорошо, когда ты ничем не обременен и не связан обязательствами, по которым придется платить кровью. Но уж если платить, то лучше – чужой! В конце концов, в нескольких днях пути отсюда есть селение, где он без труда добудет пару лошадей и какой-нибудь немудреный товар, чтобы под видом купца побывать в разных местах и самому посмотреть, что там делается. Пожалуй, такое решение – самое правильное.

Ахалтекинец уже отдохнул и, увидев подошедшего хозяина, тихонько заржал. Нафтулла наполнил бурдюки свежей водой и покинул маленький оазис. Путь его лежал на северо-восток.

Дорога до окраин огромной империи оказалась нелегкой. Добравшись до Оренбурга, Кутергин уже порядком намаялся. А впереди еще Верхнеозерная, Орск, и только за ними – форты на границах степи.

Вместе с капитаном Генерального штаба Федором Андреевичем Кутергиным делил тяготы походного быта унтер из старослужащих Аким Епифанов, на котором лежала обязанность сохранять геодезические инструменты, помогать при съемках местности и за отдельную плату решать хозяйственные дела офицера. Почти саженого роста, сивоусый Аким был незаменимым помощником и мастером на все руки. Он почти не брал в рот хмельного, но раздражал капитана неумейной страстью к нюхательному табаку, который таскал в самодельной табакерке, вырезанной из березового нароста, да могучим храпом по ночам – иногда волею судеб им приходилось ночевать в одной комнатке почтовой станции. Но на такие мелочи Федор Андреевич быстро перестал обращать внимание.

Оренбургский генерал-губернатор принял Кутергина радушно. Прочитав предъявленные им бумаги, он небрежно отложил их на край стола и долго расспрашивал о последних столичных новостях, вспоминал знакомых, состоявших на военной и статской службе. К немалому удовольствию Федора Андреевича, обожавшего итальянскую оперу и ради этого увлечения даже изучавшего итальянский язык, генерал тоже оказался меломаном, и они почти по-приятельски обсудили музыкальные новинки сезона, о которых губернатор был только наслышан.

На прощание генерал пригласил Кутергина на обратном пути погостить у него и пообещал:

– Я дам вам в помощь толкового офицера. И прикажу подготовить письмо к коменданту форта. Получите его завтра в моей канцелярии. А теперь, голубчик, прошу извинить, дела! С превеликой радостью поболтал бы с вами еще, но, как говорится, рад бы в рай, да грехи не пускают.

На другой день капитан получил в канцелярии генерал-губернатора обещанное письмо к коменданту форта и познакомился с выделенным ему в помощь офицером. Им оказался чистенький румяный блондин в чине поручика;

– Николай Эрнестович фон Требин, – представился он. – Вместе со мной к вам прикомандирован один нижний чин.

Держался фон Требин просто: не заискивал перед столичной «штучкой», но и не панибратствовал. О себе он сообщил, что мечтает поступить в Николаевскую инженерную академию и надеется выдержать конкурс. Родом он из остзейских немцев, учился в Санкт-Петербурге, а служить в Оренбург попросился сам.

– Там, – Николай Эрнестович показал на юго-восток, – Россию ждет великая будущность. Кавказская война, наверное, скоро закончится, а здесь все еще только начинается.

– Да, насчет Кавказской войны вы правы, – кивнул Федор Андреевич. – Она слишком затянута.

– Вам доводилось бывать на Кавказе?

– Награжден медалью «За покорение Чечни и Дагестана».

– Значит, бывали в деле? – Фон Требин еще больше раздумялся, глаза у него загорелись. – Участвовали в пленении Шамиля?

– Должен вас разочаровать, – улыбнулся Кутергин, видя искреннюю горячность собеседника. – Этой медалью награждались все участники военных действий против горцев на левом фланге кавказской линии. В деле мне бывать довелось, но в пленении Шамиля и взятии аула Гуниб я не участвовал.

– Все равно, Федор Андреевич, сколько вы уже успели: воевали на Кавказе, закончили Академию Генерального штаба... А мне пока удалось сделать так мало.

Кутергин промолчал. Может быть, счастье фон Требина как раз и заключается в том, что он никогда не лазил по скалам и не продирался с ружьем в руках через страшные леса Чечни, не слышал свиста пуль горцев и не видел, как сверкают их острые кривые шашки. Воевать с мюридами Шамиля совсем несладко! На Кавказе даже для заготовки дров частенько приходилось посылать хорошо вооруженные команды, не говоря уже о рубке леса при прокладыва-

нии просек. Недаром некоторые русские полки получали в знак отличия красные отвороты на сапоги, символизирующие битвы по колено в крови! Страшная память для потомков...

Из Оренбурга отправились уже вчетвером: с поручиком прибыл шустрый рябоватый солдат по фамилии Рогожин. Так Кутергин стал начальником маленькой партии.

Офицеры ехали впереди, на бричке. Следом пылила телега с геодезическим инструментом, унтером и солдатом на передке.

С каждым днем становилось все теплее, потом стало просто-таки жарко. Слякотный Петербург с пронизывающими ветрами, снег с дождем, раскисшие российские дороги – все это казалось таким далеким, словно привиделось во сне.

Первое знакомство с фортом вызвало у Федора Андреевича разочарование: он увидел приземистые серовато-желтые строения, обнесенные стеной с воротами и вышками для часовых. Ворота распахнулись, и повозки вкатились во двор, одновременно служивший плацем. Со всех сторон его обступали вплотную прилепившиеся к стенам домики с плоскими крышами и узкими террасами. Крыши домиков служили помостом для часовых, расхаживавших вдоль стен, и площадками для пушек. На высоком шесте обвис выгоревший на солнце флаг.

Встречать прибывших вышел комендант – средних лет армейский капитан с коротко остриженной, густо поседевшей головой.

– Тученков Петр Петрович. – Комендант поздоровался с приезжими, потом привычным жестом снял фуражку и вытер ее подкладку платком. Лоб Тученкова казался мучнисто-белым по сравнению с загорелым до черноты лицом. – Отдохните с дороги, а вечером милости прошу отведать моего хлеба-соли. Дом мой искать не придется: у нас тут все хозяйство курица пешком за день обойдет.

Комендант скромничал: форт оказался не таким уж и маленьким: рота солдат, несколько орудий. У колодца расхаживал часовой, положив на плечо ружье с примкнутым штыком. В конюшне ржали лошади, в хлеву мычали коровы, а по двору прошли несколько русских баб, неся на коромыслах ведра. В углу рылись в куче мусора рябые куры. Видно по всему – русский человек обустраивался здесь всерьез и надолго.

Вечером в доме Тученкова собралось местное общество: сам комендант со своей дородной супругой, несколько гарнизонных офицеров, Кутергин, фон Требин и недавно заглянувшие в форт по делам доктор и священник отец Иоанн.

Федор Андреевич принес пару бутылок французского коньяка, что вызвало оживление за столом. Угощали бараниной, жареными курами, вкусными лепешками, орехами, водкой и дешевым привозным вином. Поначалу гости чувствовали себя немного скованно, но вскоре освоились. Разговор вертелся вокруг освобождения крестьян и изменения сроков службы.

– Много ли душ отпустили? – с провинциальной непосредственностью поинтересовался отец Иоанн, подслеповато щурясь на Кутергина и фон Требина.

Федор Андреевич объяснил: его семья никогда крепостных не имела, поскольку он происходил из мелкопоместного служивого дворянства, а Николай Эрнестович отчего-то вспыхнул:

– У нас имение в Лифляндии, но крепостных не было.

Кутергин ловко перевел разговор на другую тему и провозгласил тост за хозяйку дома. Дружно выпили, после чего сама хозяйка, сославшись на заботы, вышла из-за стола. Комендант, на правах хозяина, разрешил мужчинам курить.

– Полагаю, господин капитан, завтра вы нам найдете проводника? – раскурив от свечки тонкую сигару, спросил фон Требин. – Я видел во дворе одного азиата, может, он годится? В Оренбурге говорят, что у вас, Петр Петрович, везде свои людишки среди местных киргизцев⁵.

⁵ Киргизцами (киргиз-кайсаками) в середине XIX века называли казахов. Собственно же киргизов называли дикокаменными киргизами.

– Нет, голубчик, и не просите. – Комендант поднял руки, и сидевший напротив Кутергин заметил обтрепанные манжеты домашней сорочки, выглядывавшие из-под обшлагов его мундира. – Без конвоя не отпущу!

– Отчего же непременно нужен конвой? – улыбнулся Федор Андреевич.

– Вам, господа, мнится слава первопроходцев, как у знаменитого путешественника Семёнова, а мне перед начальством держать ответ. – Тученков покрутил в пальцах пузатую стеклянную рюмочку. – И, опять же, лошади! А хорошие лошади только у казаков. Вот погодите, придет Денисов, с ним и отправлю. Азиатам не доверюсь!

– А вот известный путешественник господин Семёнов доверялся, – заметил фон Требин. – Неужели и здесь, на самом краю России-матушки, без служивого казака не сделать и шагу? Тем более что наша миссия значительно скромнее, чем у Семёнова: всего лишь пере-проверить старые карты и составить новые...

– Куда же без казаков? – Доктор опрокинул в рот стаканчик с вином и раскурил потухшую трубку. – С двумя солдатами?

– В степь, к киргизцам, – задорно рассмеялся фон Требин. – Не воевать же мы собираемся, в самом-то деле? Пойдем к Амударье, проверим некоторые колодцы, а там и дальше.

Кутергин негромко кашлянул и предостерегающе взглянул на слегка захмелевшего поручика. Перехватив его взгляд, Тученков махнул короткопалой рукой.

– Бросьте, голубчик, здесь все свои: который год вместе, почитай, живем как одна семья. Извольте не опасаться. Лучше остерегайтесь там. – Он показал большим пальцем себе за спину, где за глухой стеной дома раскинулась бескрайняя черная ночная степь.

– Вы, может быть, и не собираетесь воевать, – вступил в разговор один из офицеров форта. – Но те, кто повыше нас с вами, не примите в обиду, господа, вдруг да собираются? Пойдете к Хиве, а там и Бухара, за ней Гиссар! Глядь, уже и британская Индия перед тобой. Британская!

– Я знаком с географией, – примирительно улыбнулся Федор Андреевич. – Однако Николай Эрнестович прав: время, отпущенное нам для экспедиции, уходит с каждым часом.

– В том-то и дело, – согласился Тученков. – Но все равно нужно ждать хорунжего Денисова. Азиатам я не доверюсь!

Доктор потянулся к графину с вином, наполнил стаканы и, неловко повернувшись, уронил на простенькую белую скатерть несколько крупных красных капель.

«Как кровь на снегу, – почему-то подумал Кутергин. – Или на песке пустыни».

Он обвел глазами комнату. Побеленные стены, зеркало на стене, тахта, покрытая чернорубовым ковром, наверное, местной работы или привезенным из Хивы вездесущими купцами. За узким окном на черном небе мигали крупные яркие звезды. Протяжно перекликались часовые на стенах и вышках форта.

– Давайте лучше выпьем, – предложил комендант. – Дай вам Бог удачи!

– Аминь. – Отец Иоанн перекрестился и медленно выцедил спиртное.

Кутергин чокнулся с Тученковым и фон Требиным, потом с доктором и офицером, имени-отчества которого он так и не запомнил.

– Когда можно надеяться выйти из форта? – Николай Эрнестович отставил пустой стакан и поглядел на коменданта.

– Думаю, со дня на день. Денисов с казаками придет, и – в добрый путь! А что он сам с дороги будет, так не сомневайтесь: ему привычно.

Доктор сидел, полуприкрыв глаза, и посасывал потухшую трубку. Отец Иоанн тихо задремал, чуть слышно посвистывая припухшим носом. Офицеры гарнизона потихоньку, не прощаясь, разбрелись по домам. Благо, идти недалеко, все тут же, в одном дворе. Да и офицеров-то здесь – раз, два и обчелся.

«Боже мой, – подумал Кутергин. – Ведь они наверняка собираются так частенько, чуть ли не каждый вечер, поскольку делать больше здесь совершенно нечего. Вяло перебрасываются давно избитыми остротами, лениво играют в карты. Пьют дешевенькое винцо и – по домам».

Он грустно улыбнулся и достал портсигар, но тот выскользнул из руки и завалился под стол. Федор Андреевич нагнулся за ним, а комендант услужливо посветил, подвинув канделябр. Выпрямившись, Федор Андреевич бросил взгляд в зеркало, висевшее напротив: причудливо преломившись в графине с вином, свет упал на его белую рубашку, и она казалась залитой свежей, дымящейся кровью. Дурной знак? Он резко потряхнул головой, отгоняя навязчивое видение, и спросил:

– А вы, Петр Петрович, ходили в степь?

– Нет, – криво усмехнулся Тученков. – Так, поблизости только. Да и зачем? Рожи их мерзкие глядеть? Тьфу!.. Вот Денисов что ни день гоняет к киргизцам. И, представьте себе, никакой известности не имеет, в отличие от путешественника Семенова.

– Азия страшна, – неожиданно вмешался доктор. – Грязь, узкие темные улочки без единого окна, а посредине – сток для нечистот. Шелудивые собаки, голод, нищета. На базарах продают мальчиков и девочек лет восьми. Похотливые купцы щупают детские тельца... Гадко! А рядом – величественные дворцы и минареты.

Он залпом выпил вино и снова наполнил стакан, не обращая внимания на осуждающий взгляд коменданта.

– И все они больны нехорошими болезнями! – Доктор обиженно оттопырил нижнюю губу, пошатнулся на стуле и вцепился в столешницу, потянув на себя скатерть.

– Э-э, голубчик. – Тученков брезгливо сморщил загорелое лицо. – Кажется, вам пора почивать?

– Отнюдь. – Доктор попытался встать.

Комендант щелкнул пальцами. Вбежал босой солдат в полотняной рубахе, подхватил под мышки пьяного эскулапа и потащил к выходу.

– Вот так и живем, – вздохнул Петр Петрович. – Вы, господа, не судите его строго. Он свое дело знает и киргизцев пытается лечить. Правда, без особого толку... Ну, еще по стаканчику на сон грядущий?..

До «квартиры» Кутергина и фон Требина проводил с фонарем все тот же босой солдат. Отпустив его, Федор Андреевич пожелал поручику спокойной ночи и остался на крылечке покурить. В голове слегка шумело от выпитого вина, духоты и разговоров за столом. Чиркнув спичкой, капитан вдруг увидел в нескольких шагах неясную фигуру. Вспомнив, что он безоружен, Кутергин хотел кликнуть часового, но вовремя спохватился: какая опасность может угрожать ему во дворе охраняемого форта?

– Кто здесь? – спросил он.

– Не бойса, урус-тюра, – ответил из темноты гортанный голос. – Говорить хочу.

«Кажется, “тюра” на местном наречии означает “большой начальник”? – вспомнил Федор Андреевич. – Сдается, это тот азиат, о котором говорил фон Требин?»

– Чего тебе?

– Твоя степь идет? – Азиат подошел ближе, но в темноте капитан не мог разглядеть его лица. – Возьми меня!

– Зачем? – Кутергин стряхнул пепел с кончика сигары и сдавленно зевнул. Он уже успокоился: конечно, это всего лишь купец.

– Твоя много солдат, а моя везет товар. Вместе ехать хорошо, я много дорог знаю, все покажу. Возьми?

Ответить Федор Андреевич не успел. Скрипнула дверь, и появился заспанный Епифанов, белея в темноте исподним бельем. Азиат отступил в темноту и пропал, словно его и не было.

– Звиняйте, ваш высокородь, – прогудел Аким, бочком протиснувшись мимо Кутергина, и рысцой припустил за угол.

– Азия! – Капитан беззлобно выругался, бросил окурок и вошел в дом.

Отведенную ему комнату слабо освещала горевшая на столе свеча, прилепленная к глиняному черепку. В углу лежали какие-то тюки, а на них валялся номер Санкт-Петербургского «Русского базара», наверняка оставленный кем-то из проезжих офицеров. Заметив на столе толстую книгу, Федор Андреевич наугад раскрыл ее и прочитал: «...не заводи ссоры со вспыльчивым и не проходи с ним через пустыню, потому что кровь – это ничто в глазах его, и, где нет помощи, он поразит тебя. Не советуйся с глупым, ибо он не может умолчать о деле. При чужом не делай тайного, ибо не знаешь, что он сделает...»

Слова эти поразили капитана: странным образом они отвечали тому, что он собирался делать здесь, в диком краю кочевников и бескрайних пустынь. Кутергин поглядел на переплет. Но он оказался настолько засаленным от прикосновений многих рук, что название прочитать оказалось невозможным, а титульный лист был кем-то вырван.

Неужто есть некий тайный, неразгаданный смысл в том, что он увидел свое отражение в зеркале окровавленным и открыл неизвестную книгу именно на этой странице? Или просто разыгралось воображение и сказывается выпитое за ужином вино?

Решив не поддаваться мистическим настроениям, Федор Андреевич скинул мундир, снял походные темно-зеленые рейтузы, стянул с ног штиблеты и завалился на жесткую кровать.

Разбудил капитана рокот барабанов и хриплый зов трубы, нервно выпевавшей тревогу. За оконцем занимался серенький рассвет. На дворе громко топали сапогами солдаты и осипшими голосами выкрикивали команды офицеры. Лязгало железо, а со стороны степи доносился глухой гул. Что стряслось?

Готовность к любым неожиданностям и умение собираться в считанные секунды Кутергину привили еще в кадетском корпусе. Он вскочил с постели, торопливо оделся, схватил пашку, приоткрыл дверь и осторожно выглянул: кто знает, какие тут заварились дела? Граница есть граница! На Кавказе капитан не раз слышал горскую пословицу: у осторожного сына мать не плачет раньше времени. Огорчать же свою матушку Федору Андреевичу не хотелось.

Он увидел строившихся на плацу солдат, тонкие дымки, поднимавшиеся от пальников в руках артиллеристов, стоявших наготове у орудий, и неприкаянно топтавшихся у крыльца Елифанова и Рогожина – они явно не знали, что делать: хватать ружье и привычно вставать в строй или... Капитан приказал им охранять имущество и вышел во двор. Следом выскочил взъерошенный фон Требин.

– Доброе утро, Федор Андреевич, – поздоровался он. – Почему тревога?

– Узнаем у коменданта. – Кутергин показал на Тученкова, занявшего наблюдательный пост рядом с артиллеристами.

Офицеры влезли по приставной деревянной лестнице на стену, и все стало ясно без слов – примерно в полуверсте от форта плотной массой гуляла по степи конница. Тучи пыли почти скрывали всадников. От топота коней гудела земля. Временами из пыльного облака выскакивали несколько верховых и на полном аллюре мчались к форту, но, не доскакав даже на расстояние ружейного выстрела, резко разворачивались и уносились обратно.

– Сукины дети, – наблюдая за ними, зло процедил комендант. – А ну, ребятки, пошлите-ка им гостинец!

Артиллеристы навели пушку. Она рывкнула, окутавшись синеватым кислым пороховым дымом, и ядро полетело в степь. Конные отхлынули подальше от стен форта, но не ушли. Тученков зло сплюнул от досады.

– Кто это? – спросил фон Требин, с любопытством разглядывая всадников. – Хивинцы?

– А черт их знает, – пожал плечами комендант. – Может, хивинцы. Или еще кто: степь большая...

– Атаковать нас они не собираются. – Кутергин опытным взглядом окинул конницу. – Выманить хотят или обложат до подхода основных сил.

– Дураков пусть ищут в зеркале, – заржал Тученков и по-свойски хлопнул Федора Андреевича по плечу. – Выманить? Во им!

Он сложил кукиш и показал его всадникам. Федор Андреевич попросил у него подзорную трубу, но как следует разглядеть конников мешала стоявшая столбом пыль: мелькали цветастые халаты, лохматые бараньи шапки, взблескивало оружие, метались разномастные кони. У азиатов не было даже подобия хоть какого-то строя, но в беспорядочном кружении верховых угадывалась непонятная европейцам тактика и серьезная угроза.

Направив трубу правее, Кутергин увидел далеко в степи еще одно облачко пыли, и оно росло буквально на глазах. Неужели к басурманам идет подкрепление и они вознамерились штурмовать форт? В любом случае им придется спешиться; выстоять же в пешем строю против русских солдат у азиатов нет никаких шансов: пушки ударят картечью, и дело довершат меткие пули и граненые штыки. Но кто знает, какие замыслы родились в головах местных башибузуков?

– Взгляните туда, – вернув подзорную трубу, Федор Андреевич показал коменданту на далекое облако пыли.

Тученков схватил трубу и жадно приник к ней глазом.

– Ага. – Он ехидно засмеялся. – Сейчас начнется потеха!

– Что такое? – Фон Требин вытянул шею, чтобы лучше видеть.

– Денисов идет, – с мрачной торжественностью сообщил Петр Петрович. – Сейчас он им насыпет перцу на хвост! Дайте, ребятки, еще разок!

Артиллеристы снова выкатили орудие, навели его и бахнули по конным. Те отхлынули еще дальше от стен и начали уходить в степь: видимо, они тоже заметили приближавшихся казаков и не хотели принимать бой вблизи форта.

– Все, – буркнул Тученков и поскущел. – Простите, господа, за беспокойство.

Кутергин и фон Требин спустились со стены. Чувствовалось, что поручик разочарован. Наверное, он ожидал начала ожесточенной схватки и мысленно уже представлял себя раненым героем, спасающим форт. Федор Андреевич улыбнулся про себя и решил: со временем это пройдет, особенно если Николай Эрнестович останется жив в первом бою. Капитану и самому были знакомы подобные мечтания, но от них быстро излечили кровавые стычки в горных ущельях и лесах Кавказа.

Вернувшись к себе, Кутергин умылся, привел одежду в порядок, позавтракал и от нечего делать присел к столу – полистать номер «Русского базара». Услышав за спиной тяжелые шаги и осторожное покашливание, он обернулся. В дверях стоял Аким Епифанов.

– Ваше высокородие, там казак пришел.

– Казак? Зови сюда...

Звать не пришлось. Отстранив рослого Епифанова, в дверь протиснулся кряжистый детина с бородищей вполлица. От него крепко пахло терпким лошадиным потом и пылью. Скинув на земляной пол комнаты какую-то хламиду из рыже-коричневой верблюжьей шерсти, он остался в темно-синем ладном чекмене, обшитом тонкой кожей, и в лохматой черной папахе. На боку у детины висела тяжелая шашка в окованных медью ножнах.

Показав в улыбке крепкие белые зубы, казак стянул с головы папаху, и Кутергин увидел, что голова гостя обрита наголо, как у азиата, а в правом ухе качается серебряная серьга. Никаких знаков различия на чекмене казака не было. По-свойски подмигнув серым озорным глазом, станичник сел на лавку у стола.

«Флибустьер степей, – подумал Федор Андреевич. – Разбойник, вылитый разбойник».

– Ты и есть капитан Генерального штаба? – хрипловатым баском спросил казак.

– Я, – ответил Кутергин. – Но должен вам заметить...

– Не нравится, что на «ты» говорю? – засмеялся гость. – Вижу! Однако стерпел, в бутылку не полез. Молодец! Мне про тебя комендант сказал. Нам с тобой, капитан, в степь идти.

– Значит, вы – хорунжий Денисов?

– Он самый. Матвей Иванович. Зови на «ты», без церемоний. Надо сразу друг дружку понять, а то у нас путь дальний и всяко может приключиться. Лучше иметь ясность: будем друзьями или...

«Однако... – удивился Федор Андреевич. – Лихо заворачивает. Впрочем, чиниться и чваниться действительно ни к чему».

Он подошел и протянул Денисову руку:

– Федор Андреевич! Рад знакомству!

Ладонь у Денисова оказалась жесткой, огрубевшей от поводов и оружия. Он стиснул пальцы капитана железной хваткой и пытливо заглянул ему в глаза: как, мол, тебе это понравится? Кутергин не уступил: отец еще в детстве приучил его к гимнастическим упражнениям, а позже Федор Андреевич серьезно увлекся верховой ездой и штыковым боем, а в фехтовании на эспадронах был одним из первых в училище; не избежал он и модных одно время в Санкт-Петербургском обществе уроков английского бокса, а у мирных горцев учился приемам борьбы.

– Сойдемся! – выпустив его руку, заключил Денисов и одним махом сгреб все со стола в сторону. – За встречу да со знакомством не грех и по чарочке! А то в степу ни-ни, только при болезни или ранении, спаси Бог!

Кутергин достал из походного саквояжа бутылку французского коньяка. Матвей Иванович с любопытством поглядел на этикетку и, к удивлению капитана, презрительно хмыкнул.

– Убери! Вино нам ни к чему. Ты молочную водку пил?

– Молочную? – недоуменно переспросил Федор Андреевич. – Нет, не доводилось.

– Вот и попробуешь. Кузьма!

В комнату влетел шустрый маленький казачок, похожий на щуплого подростка. Но на лице у него красовались пышные усы. Одной рукой он придерживал ножны шашки, а другой – бережно прижимал к груди липовый жбан. В мгновение ока на столе появились деревянные пиалы, каравай хлеба и огромный кусок вяленой баранины. С непостижимой ловкостью Кузьма шашкой нарезал хлеб и мясо, налил в пиалы водки и положил рядом с ними пучки зеленого дикого лука.

– Видал? – улыбнулся Денисов. – Урядник мой, Кузьма Бессмертный; за все и про все у него шашка! Чего же ты доблестью казачьей баранину кромсаешь, а, Кузька?

– Так ить всю жисть ей мясо кромсаешь, – хитро ухмыльнулся урядник. – То овечье, то человечье.

– Философ! – Матвей Иванович поднял пиалу. – Ну, будем здоровы и за благополучное возвращение.

Капитан вдруг почувствовал себя в обществе этих совершенно незнакомых ему людей легко и просто, словно он тоже давно насквозь пропах конским потом и горькой полынью. Предстоящая долгая дорога через дику степь и жаркие пески представилась ему совсем не опасной, а еще вчера мучившие сомнения и предчувствия – просто бредом. Федору-Андреевичу уже не казалось противоестественным пить с утра странную молочную водку с казачьим хорунжим и урядником, закусывать ее бараниной и непонятной зеленью. Будто он был уже там, в знойной полуденной стороне, и сидел с ними на привале у костра, а рядом, позвякивая удилами, паслись стреноженные кони. И капитан тоже поднял пиалу:

– С богом, Матвей Иванович! Будь здоров, Кузьма!

Напиток обжег гортань, и перехватило дыхание. Не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть, Федор Андреевич покраснел, чувствуя, как из глаз покатались слезы. Денисов хлопнул его по

спине ладонью и сунул в широко раскрытый рот пучок дикого лука. Капитан сдавил его зубами, и горьковатый едкий сок сразу снял обжигающую боль. Казачье питье оказалось огненным.

– Колодцы будем проверять? – Матвей Иванович жадно глотал большие куски баранины, стараясь поскорее насытиться.

– Надо, – подтвердил Кутергин. Он уже успел немного отдышаться. – Надо знать, сколько воды можно взять из них, где какой рельеф местности и твердость почвы. Определить места переправ через реки.

– Стало быть, война скоро? – Денисов помрачнел. – Пойдут ребяташки на Хиву, а может, еще дальше?

– Не знаю, – честно ответил капитан. И, вспомнив ночной разговор, сообщил: – Тут какой-то азиат просился со мной в степь.

– Здесь, в форте? – живо заинтересовался Матвей Иванович. – Носатый такой, глаза черные, ходит вразвалочку, на ворону похож? Этот? Конь у него ахалтекинец, золотистой масти.

– Ночью я с ним говорил, – извиняюще улыбнулся Федор Андреевич. – Не то что коня, его самого не разглядел.

– Нафтулла, – уверенно сказал Бессмертный. – Он, больше некому.

– А ну, сгоняй-ка за ним, – приказал хорунжий.

Бессмертный пулей выскочил за дверь.

– Ты знаешь этого Нафтуллу? – удивился капитан. Неужели Денисову известен каждый азиат, бывающий в форте?

– Мутный человечиска! – Казак заговорщически понизил голос. – Никак не могу понять, какому Богу он молится? Не иначе, всем сразу и от всех хочет хоть что-то, да получить. Но иногда он приносит интересные новости из степи. Ничего, сейчас его Кузьма доставит, а я по-своейски поспрошаю: зачем ему с тобой ехать захотелось?

Однако Бессмертный вернулся один: Нафтулла исчез! Кто-то недавно видел его на плацу, кто-то у коновязей, кто-то около дома коменданта, а часовые сказали, что он уехал почти сразу же после прибытия полусотни Денисова. Услышав об этом, Матвей Иванович предложил выпить еще: не забивать же голову каким-то Нафтуллой?

Кутергин пригласил фон Требина. Тот не стал отказываться и поддержал компанию, хотя Федор Андреевич видел: поручик сделал это лишь из стремления подражать ему, капитану Генерального штаба. Потом вдруг откуда ни возьмись появились доктор, за ним отец Иоанн и комендант. В комнате стало тесно, шумно, весело. Слойми поплыл табачный дым, и пришлось настезь распахнуть окно. Бессмертный, как факир в цирке, доставал новые и новые жбаны с водкой, куски жирной баранины и караваи хлеба...

Как уходили гости, Федор Андреевич уже не помнил. Заботливый Епифанов помог ему лечь на кровать. Уже проваливаясь в сон, капитан слышал, как Аким пошептался с Кузьмой Бессмертным и тот с готовностью выбил крышку из очередного липового жбана...

Когда форт скрылся из вида, Нафтулла пустил ахалтекинца шагом – надо дать отдохнуть верному скакуну и заводным лошадям, навьюченным тюками с товаром. Лжекупцу не хотелось сейчас встречаться с Денисом-бала – сыном Дениса, как называли степняки хорунжего, помня его отца, лихого рубаку и отважного следопыта, пользовавшегося уважением в кочевьях. Денис-бала недоверчив и подозрителен, поэтому при его появлении Нафтулла счел за благо немедленно покинуть пограничную крепость.

Но более всего его занимали мысли об урус-тюре – приехавшем в укрепление русском начальнике в темно-зеленом мундире с серебряными погонами. С первого же взгляда лжекупец прямо-таки всей кожей ощутил: в облике этого офицера было нечто неуловимое, роднившее его с Желтым человеком, называвшим себя Миртом. Казалось, сама всемогущая судьба толкает его к русскому: он притягивал Нафтуллу; как магнит. Наверное, так возникает любовь с первого взгляда, о которой на Востоке говорят, что она приходит через глаза, или так тянутся

друг к другу, внутренне ужасаясь этого, убийца и его жертва. И нет силы, способной оборвать возникшую между ними незримую связь, сплетающую в тугой узел нити жизней. Склонный к мистицизму, Нафтулла считал, что воспротивиться этому притяжению – все равно что пойти наперекор предначертанному в Книге судеб! Видимо, его встреча с русским на пыльном дворе маленькой крепости predetermined свыше.

Издали наблюдая за урус-тюрой, Нафтулла отметил, как он отличался от других офицеров; буквально на всем – на его осанке, манере держаться и даже на выражении глаз – лежала печать неразгаданной тайны. И хотя он держался просто, Нафтулла по многим приметам безошибочно определил в нем бывшего воина. Второй русский – молодой румяный офицер, приехавший с урус-тюрой, особого впечатления на лжекупца не произвел: он не вызывал в нем никакого беспокойства.

Целый день Нафтулла толкался среди солдат, внимательно прислушивался к их разговорам и узнал, что урус-тюра собирался ехать в степь и ждал, пока появится Денис-бала, который должен охранять его. Интересно, зачем русским в степь, опять рисовать ее на бумаге или у них другое на уме? Но что? Нафтулла не очень хорошо говорил по-русски, но прекрасно понимал язык северных пришельцев и, пользуясь тем, что солдаты почти не обращали на него внимания, слушал, слушал и слушал...

Наконец, он решил сам поговорить с урус-тюрой и терпеливо караулил около его дома, но не вовремя выскочивший по нужде огромного роста солдат прервал их разговор. А как было бы хорошо репьем вцепиться в хвост чужого коня и тянуться следом, играя роль недалекого, боязливого купчишки. Потом появился Денис-бала, и Нафтулле пришлось исчезнуть. Что делать теперь, куда направить бег коня? Разум подсказывал ехать в одну сторону, жадность подталкивала в другую, а хитрость советовала выбрать третье и поступить совершенно неожиданным образом. Чему же лучше довериться – разуму, жадности или хитрости?

Что же все-таки общего между урус-тюрой и Желтым человеком? Нафтулла никак не мог понять этого и от досады даже пристукнул кулаком по луке седла. Может быть, внешность? Да нет, какое там! Урус-тюра – высокий, широкоплечий, поджарый молодой мужчина с красиво подбритыми усами на матово-бледном лице. У него серые глаза и волосы цвета мокрого песка, и он носит форму. Мирт не такой. Он не стар, но его лицо до глаз заросло клочковатой рыжей бородой; желтые, как старый мед, глаза – внимательные, немигающие, холодные. Ростом он ниже, хотя тоже очень широк в плечах и сухощав. Одежду он предпочитал желтого цвета: халат, сапоги из козловой кожи, текинская рубашка, сшитая из желтого китайского шелка. И даже конь под ним светло-рыжий! Но все же есть в них нечто общее, как в непохожих друг на друга родных братьях.

Переночевал Нафтулла под открытым небом у костерка. Лошадей он стреножил и пустил рядом с расстеленной вместо постели кошмой, а с первыми лучами солнца вновь был в седле и скакал на юго-восток.

Через несколько часов лжекупец подъехал к бедной юрте. Почуввав чужого, лохматые псы подняли неистовый лай, и из юрты вышел сгорбленный годами старик с редкой седой бородой на темном лице.

– Салам, Балтай! – крикнул ему Нафтулла. – Принимаешь гостей?

Старик прикрыл ладонью глаза от солнца и взгляделся в лицо всадника. Узнав его, он схватил ахалтекинца за повод, помогая Нафтулле слезть с седла.

– Давненько тебя не было видно.

– Дела, Балтай, дела. Что у вас нового? – Нафтулла решил не обременять себя традиционными вежливыми расспросами: стоит ли зря тратить время на старого табунщика? – Все печешься о своих лошадях?

– Кони принадлежат Масымхану. – Балтай растянул беззубый рот в улыбке. – Кстати, если ты хочешь новостей, то у него родился внук.

– О! – Нафтулла прищелкнул языком и задумался. Рождение первого внука у богатого и влиятельного Масымхана значило многое: непременно будет пир, скачки, состязания борцов и певцов. Такое событие нельзя не отметить.

Тем временем старик провел его в юрту, усадил на кошму, рядом с вбитым в землю сучковатым колом, на котором висели котлы и казаны – обычная кухня кочевников. Взяв чанач, бурдюк из кожи барана, табунщик налил кумыса в пиалу и подал гостю: путника надо приветовать, таков закон предков.

Потягивая забродившее кобылье молоко, Нафтулла искоса поглядывал на Балтая и решал: как его использовать в своих интересах, в какой мере можно довериться старику?

– Сколько лет мы знаем друг друга, и ты всегда оказывал мне гостеприимство, – вкрадчиво сказал Нафтулла. – Наверное, пришла пора и мне оказать тебе услугу?

Старый табунщик настороженно поднял голову, и его слезящиеся глаза вопросительно уставились на гостя: наверное, он шутит?

– Масымхан честлюбив, – прищурился Нафтулла. – Он хочет во всем быть первым и щедро наградит тебя за хорошую новость.

– Какую новость? – осторожно поинтересовался Балтай.

– У твоего хозяина будет праздник, придет множество гостей, – словно и не слышал вопроса Нафтулла. – Соберутся старейшины всех родов, но истинным украшением праздника станет приезд урус-тюры.

– Урус-тюры? – ошарашенно переспросил старик. – Ты говоришь о начальнике из крепости или о Денис-бала?

– Нет, я говорю о настоящем урус-тюре, – усмехнулся лжекупец. – Урус-тюре с далекого севера, приближенном самого Белого царя!

Табунщик раскрыл рот от изумления и прошептал: «О Аллах!» Но как этот большой русский начальник попадет на пир его хозяина?

– Через несколько дней на юго-восток пройдет отряд Денис-бала. Он охраняет урус-тюру, – будто подслушав мысли Балтая, сказал Нафтулла. – Масымхан сам найдет, как пригласить их к себе, и тогда аксакалы и сердары увидят, насколько он велик и почитаем, если к нему приезжают такие гости. За эту весть хозяин не пожалеет для тебя барана или жеребенка.

Это была сушая правда: за подобную новость Балтай мог рассчитывать на хорошую награду; обстоятельства просто заставят Масымхана стать щедрым.

– Почему ты не хочешь сделать это сам? – простодушно удивился старый табунщик.

– У меня другие заботы, – хитро усмехнулся лжекупец. – Не сомневайся, поезжай к Масымхану, я не обманываю тебя.

Балтай сдвинул набок драную войлочную шапку и грязными ногтями поскреб в затылке. Отправить к хозяину кого-нибудь из сыновей, помогавших ему пасти табуны, или сделать все самому? Пожалуй, лучше самому. Сегодня же он заседает резвого жеребца и поскачет в ставку хозяина.

Нафтулла с ехидной улыбкой наблюдал за стариком: все сомнения отражались на лице табунщика, как в зеркале, и без особого усилия лжекупец мог прочесть каждую мысль Балтая. Тот был человеком его мира, ясным и понятным. Да и сам Масымхан – пусть он богат и знатен, пусть у него множество лошадей и овец и юрта устлана коврами, а вход в нее охраняют вооруженные нукеры, но он тоже прост и понятен Нафтулле. Не то что урус-тюра или Желтый человек.

И тут Нафтулла привстал с кошмы и от волнения чуть не расплескал кумыс из пиалы: как он раньше не догадался? Облезлый ишак, вообразивший себя мудрецом! Зачем искать внешнее сходство между Миртом и русским офицером, зачем сравнивать их лица и одежду, коней и оружие? Все это ничего не значит – их роднит совсем иное! Русский пришел с далекого загадочного севера, он появился из чужого, непонятного для Нафтуллы мира словно некий дух,

вырвавшийся из потусторонних царств. Именно это и роднит его с Желтым человеком! Пусть Мирт носил одежду кочевников и говорил на их языке, но его сущность все равно оставалась сущностью пришельца – такой же чужой и непонятной, как у русского. Действительно, сама судьба столкнула урус-тюру с Нафтуллой, чтобы наконец развеять тревожившие душу сомнения относительно Мирта и дать выход давно скопившимся подозрениям. Вот оно что! Однако кто же тогда Желтый человек, какие ветры и откуда занесли его на землю степей и пустынь?

– Что с тобой? – встревожился Балтай.

Нафтулла опустил на кошму и постарался принять безмятежно-спокойный вид: он был сердит на себя за то, что позволил чувствам вырваться наружу, что не сумел совладать с ними в присутствии постороннего. Пусть это всего лишь старый глупый табунщик, но все же!

– Ничего, – небрежно махнул рукой лжекупец. – Просто вспомнил кое-что... Так ты едешь к хозяину?

– Сегодня же! – Балтай растянул в улыбке беззубый рот...

Глава 2

Мерно постукивая тростью по плитам тротуара, Мирадор медленно шел по бульвару Мальзерб. Парижский воздух пьянил, навеяв приятные воспоминания молодости. Светло-серое небо с полосками розовых от закатного солнца облаков, яркие пятна света из окон кафе, сверкание сбруи и лакированной обшивки карет, отражавшей блики газовых фонарей, яркие пятна дамских туалетов, причудливая архитектура высоких домов, легкие порывы ласкового теплого ветра – все создавало ощущение праздника. Вернее, предвкушение праздника и большой удачи, которая непременно ждет впереди.

Мирадор отыскал улицу Монсо и остановился перед воротами особняка, спрятавшегося от досужих взглядов в глубине густого сада. Позвонив, он дождался появления привратника и объяснил ему, что желает видеть господина секретаря, который назначил встречу на этот час. Привратник молча открыл калитку и проводил гостя в дом, передав его ливрейному лакею. Тот провел Мирадора в приемную, где за столом из красного дерева сидел бледный молодой человек в темном платье. Подняв глаза на вошедших, он небрежным жестом отпустил лакея и улыбнулся визитеру:

– Чем могу служить, мсье?

– Я хотел бы видеть господина Лантье.

Секретарь быстро окинул взглядом дорожный костюм Мирадора, и улыбка на его лице стала похожей на кислую гримасу.

– Господин Лантье очень занят. Не могли бы вы, мсье, изложить мне суть вашего дела?

Мирадор вынул из кармашка жилета визитную карточку и положил ее на стол перед секретарем. Взглянув на нее, молодой человек моментально вскочил и поклонился:

– Прошу извинить, мсье! Будьте так любезны подождать, вас сейчас примут.

Он юркнул за тяжелую бархатную портьеру, скрывавшую двери кабинета, и тут же появился вновь:

– Входите, мсье, входите! Господин Лантье ждет вас.

Мирадор прошел в кабинет, неслышно ступая грубыми башмаками по толстому ковру. Его встретил высокий седой человек с пышными бакенбардами на холеном розовом лице. Он крепко пожал руку гостя, усадил его в кресло и предложил сигару.

– Я рад видеть вас, брат. Великий Мастер предупредил о вашем приезде.

– Все ли готово? – сухо поинтересовался Мирадор, не обратив внимания на раскрытый ящичек с сигарами.

– О да! – заверил Лантье. Он вытянул из кармана связку ключей на цепочке, открыл стоявший в углу кабинета сейф и достал из него небольшую шкатулку. – Здесь все необходимое.

– Отлично! – Мирадор взял из его рук шкатулку и приоткрыл крышку. Внутри лежали чек Лионского банка и несколько украшенных перламутром безделушек. – Отлично, – повторил гость и захлопнул крышку шкатулки.

Лантье подошел к столу, черкнул несколько строк на листе бумаги, сложил его и подал Мирадору. Тот спрятал листок в карман, а шкатулку убрал в портфель. Потом протянул руку и нетерпеливо пошевелил пальцами. Без слов поняв его, хозяин вернул визитку.

– Не смею вас больше задерживать. – Гость встал. – Надеюсь, ваш секретарь?..

– Один из братьев, – успокоил его Лантье, провожая до дверей. – Не прикажете ли подать экипаж?

– Благодарю, – отрицательно мотнул головой Мирадор. – Я предпочитаю передвигаться по Парижу пешком. Кроме пользы это доставляет мне массу удовольствия.

Через несколько минут он вновь вышел на бульвар Мальзерб и направился в сторону проспекта королевы Гортензии, где быстро затерялся в шумной толпе, наполнявшей парижские улицы в этот теплый вечер...

Утром следующего дня Мирадор посетил предместье Сент-Оноре. Беспечно прогуливаясь, он зашел в несколько магазинчиков, выпил чашечку кофе в маленьком бистро и ближе к полудню оказался на улице Пентьевр около старого пятиэтажного дома, украшенного по прихоти архитектора маленькими балкончиками с витыми чугунными перилами. Поднявшись по темноватой, пропахшей кошками лестнице на последний этаж, Мирадор вошел в нотариальную контору «Саккер и Фиш» и как старому знакомому улыбнулся полному человеку с длинными вьющимися волосами, разбиравшему бумаги:

– Привет, Эммануэль!

Карие глаза нотариуса близоруко сощурились. И тут же скучное выражение его лица сменилось радушной улыбкой.

– Ха! Мирадор! – Эммануэль выплюнул в корзину для бумаг изжеванный окурок сигары и ногой подвинул стул, предлагая присесть.

– Ты стал младшим компаньоном? – Мирадор уселся верхом на предложенный стул и кивнул на груды документов, кипами лежавших на конторке.

– Лучше быть старшим компаньоном, – весело заржал Фиш и закурил новую сигару. – Тогда есть на кого свалить работу, а сейчас Саккер сваливает ее на меня.

Слушая, Мирадор разглядывал Эммануэля: все-таки с момента их последней встречи прошло без малого пять лет. Фиш еще больше раздобрел, в волосах пробилась седина, под глазами появились нездоровые мешочки. Сколько ему сейчас, сорок два или сорок три? Сюртук, как и прежде, весь засыпан сигарным пеплом, а на крышке конторки острый глаз Мирадора заметил круглые пятна от винной бутылки и стакана: господин нотариус не отказывал себе в мелких радостях бытия.

Вряд ли дела компаньонов блестящи: помещение конторы – на чердаке старого дома на окраине, комнат всего две, и те обставлены обшарпанной мебелью.

– Где ты пропадал? – Фиш небрежно стряхнул пепел на пол и часто заморгал воспаленными веками.

– Так, – Мирадор неопределенно покрутил рукой в воздухе. Этот жест мог означать все что угодно.

Эммануэль по-прежнему улыбался, но глаза его немного потемнели, и он пару раз шмыгнул носом: это были верные признаки раздражения. Мирадор понял, что, никак не удовлетворив любопытство знакомого, он слегка переборщил, а злить Фиша не входило в его планы. Видимо, пришла пора выказать нотариусу дружеское расположение.

– Ты же знаешь, я не люблю присутственные места, – примирительно улыбнулся Мирадор, показав тростью на стены конторы. – На некоторое время мне пришлось сменить климат и пожить по ту сторону Ла-Манша.

Этот ответ вполне удовлетворил Фиша. Он хлопнул Мирадора тяжелой рукой по плечу, сдвинул в сторону бумаги и вытащил из ящика конторки бутылку и два мутных стакана. Гость отметил, что бутылку юрист поставил точно на место большого пятна.

– Мне обрыдло сидеть в этой вонючей дыре и разбирать пыльные бумаги, – пожаловался Эммануэль. Он зубами вытащил пробку и разлил вино по стаканам. – Но ты можешь говорить здесь открыто, никто не подслушает. У тебя дело?

– Да, – кивнул гость.

– За твое дело! Не важно, какое оно, лишь бы поскорее убраться из этой дыры! – Фиш залпом выпил и запыхтел сигарой.

Мирадор осторожно пригубил свой стакан и удивился: вино оказалось отличным. Кстати, справедливости ради стоило отметить, что засыпанный пеплом сюртук Эммануэля сшит из

дорогого материала, а башмаки на его ногах – из прекрасной кожи. На себе господин нотариус никогда не экономил.

– Говори, говори, – потирая мясистые ладони, поторопил Фиш. – Я сгораю от нетерпения! Не волнуйся, мы тут одни и никто не придет.

Вместо ответа Мирадор расстегнул сюртук, потом верхние пуговицы жилета и рубашки. Нащупав висевшую на шее цепочку, он потянул за нее и показал нотариусу небольшой серебряный медальон. На нем были изображены две перламутровые рыбы, плывущие навстречу друг другу.

– О! – Эммануэль подобрался и перестал паясничать. – Я весь внимание.

Гость подал ему небольшой конвертик. Открыв его, нотариус достал листочек бумаги с изображением пучеглазой рыбы, похожим на неумелые детские каракули. Спрятав листок в конверт, Эммануэль вытащил из кармана небольшую изящную табакерку: на ее крышке тоже были изображены две перламутровые рыбы, игравшие в радужно переливавшихся струях. И они тоже плыли навстречу друг другу.

– Все верно, – удовлетворенно кивнул Мирадор. – Где Шарль?

– Тоже пересиживает, – доливая вино в стаканы, откликнулся нотариус.

– Возьмешь его, – приказал гость. – Он ловкий малый. Когда ты сможешь с ним увидеться?

– Через несколько дней. Его сейчас нет в Париже. Нам нужно торопиться? Тогда я отправлюсь на поиски Шарля немедленно.

– Шарля придется искать? – Мирадор недовольно поморщился.

– Нет, – успокоил Фиш. – Просто он отъехал и скоро вернется. Мне известна его берлога.

– Ладно, время пока терпит. Возьми. – Гость подал Эммануэлю еще два конверта: один тоненький, а второй пухлый. – Тут деньги и адрес. Как только вернется Шарль, тут же начинайте.

Нотариус бережно спрятал конверты во внутренний карман сюртука и, наклонившись к Мирадору, понизил голос:

– Ты можешь мне сказать, чего он хочет на этот раз?

Гость взял Фиша за ухо, притянул его голову к своим губам и шепнул несколько слов.

– Мой Бог! – отшатнулся правовед. – Определенно, кто-то из нас выжил из ума!

– Тс-с-с! – Мирадор приложил палец к губам. – Допивай вино и пошли. Надеюсь, ты можешь оставить свою контору?

– С превеликим удовольствием. – Эммануэль допил вино, взял трость и шляпу. – Куда мы отправимся?

– В какое-нибудь кафе.

– Лучше в ресторан, – немедленно предложил Фиш. – Там есть отдельные кабинеты.

– Отлично, – согласился Мирадор. – Там я и введу тебя в курс дела...

Из форта выступили затемно, рассчитывая до наступления знойного пекла пройти как можно большее расстояние. Заспанный отец Иоанн на скорую руку отслужил напутственный молебен. Тонкими, невесомыми струями плыл синий дымок росного ладана, смешиваясь с терпкими ароматами дикой степи. Заскрипели тяжелые ворота укрепления, и через них потекла в предрассветный сумрак жидкая цепочка хмурых, невыспавшихся казаков. За ними пропылила пароконная повозка с геодезическим имуществом. На ее козлах сидели Епифанов и Рогожин.

Последними выехали на казачьих лошадях Денисов, фон Требин и Кутергин. Рядом с ними шел комендант Тученков, решивший проводить уходивших в неведомое.

– Ну, с богом! – Он поочередно обнял спешившихся офицеров, царапая их небритой щекой. Ненадолго задержал в своей ладони руку Федора Андреевича и глухо сказал: – Берегите

себя, голубчик. Знаете, береженого и Бог бережет. Ладно, езжайте, а мы тут вас ждать станем. Да Денисова-то слушайте, он худого не присоветует!

Услышав совет коменданта, хорунжий только весело оскалился и одним махом взлетел в седло. Поправил ремень шашки, разобрал поводья и нарочито грубовато пробасил:

– Долгие проводы – лишние слезы. Здоровьица вам, Петр Петрович!

Немного отъехав, Кутергин не выдержал и оглянулся – к воротам форта, светлея непокрытой седой головой, четко, как на параде, вышагивал комендант Тученков.

– Пошли, пошли! – Денисов слегка хлестнул плетью коней фон Требина и капитана. Резвые лошади сразу рванули рысью, нагоняя успевших уйти чуть не на версту казаков и повозку. – Не оглядывайся, капитан, не то путя не будет! – Хорунжий подмигнул и лихо сдвинул лохматую папаху набок.

Где-то среди растянувшихся по еще сумрачной степи всадников вдруг словно сама собой возникла песня. Казаки пели протяжно, слаженно, оттеняя каждое слово верно взятой нотой. Федор Андреевич поразился, что так могут петь люди, никогда не учившиеся музыке.

Соловей кукушку уговаривал-да,
Полетим, кукушка, в теплые края-да,
Мы соведем, кукушка, себе гнездышко-да,
Выведем, кукушка, два детеныша-да,
Тебе – кукушонка, а мне – соловья-да...

Песня росла, ширилась, расцветала многоголосьем. Основную мелодию вел высокий чистый тенор, которому могли бы позавидовать многие профессиональные оперные певцы. Ему глухо и гулко вторили басы, а между ними красиво переливались подголоски, подхватывая слова, поднимая мелодию все выше и выше – к голубеющему небу.

Федор Андреевич заслушался, привычно покачиваясь в седле. Поручик фон Требин тоже притих, зачарованный пением, а Денисов ласково шурился и поглаживал окладистую бороду.

– Во как дишкантил, – с гордостью сказал он, когда песня кончилась. – Талант у шельмы!

– Кто же это? – изумился Кутергин.

– Да Кузьма Бессмертный!

Поручик недоверчиво хмыкнул, но тут казаки завели новую песню, и над просыпавшейся степью опять жаворонком взлетел знакомый голос Кузьмы. Его бы в Петербург или Москву с таким-то голосом, а он живет на границе дикой степи. Хотя, кто знает, вдруг, оторвавшись от родных корней, талант зачахнет или не примет его душа чужих, незнакомых с детства мелодий?

– Пускай поют, – вздохнул хорунжий. – Жен и детишков в станицах оставили, а дорога дальняя. Вот душа и тоскует, наружу просится.

– Налегке пошли, – заметил поручик.

– Так казаку много ли надо, – откликнулся Денисов. – Лошадь, ружье, шашка. Остальное в тороках. А там, гляди, добудем чего на пропитание.

На востоке из-за пологих холмов медленно выплывало солнце, и под его лучами степь из призрачно-серой превращалась в диковинный, расшитый цветными шелками ковер. Изумрудно зеленела молодая трава, а уже успевшая пожухнуть на вершинах курганов казалась рыже-бурой, как клочья верблюжьей шерсти. Местами желтели проплешины песчаников. Забравшись в невообразимую высь, парил на широких крыльях беркут.

– Матвей Иванович, ты женат? – поинтересовался Кутергин.

– С чего решил? – вскинулся хорунжий, очнувшись от своих мыслей. – Нет, не венчанный пока, все недосуг. Отец ругает, а я отнекиваюсь: мол, успею еще. Ты не смотри, что у меня волос сивый. Я с малолетства такой, в станице Седым дразнили. А так мне двадцать пятый годок пошел.

Федор Андреевич удивился: он полагал, что Денисов значительно старше. Наверное, бороду хорунжий отпустил для солидности: степняки уважают старость и опыт, а Матвею Ивановичу постоянно приходится вести с ними дела. Кстати, судя по рассказам казаков и коменданта Тученкова, мирный покой в здешних краях – не более как призрак. Множество различных родов кочевников делились еще на колена, а между ними тянулась застарелая вражда, причин возникновения которой не помнили даже древние аксакалы. О вражде же между родами и говорить нечего. Постоянно угоняли друг у друга баранов, лошадей и коров. Племенные и родовые князьки содержали вооруженные отряды, похожие на разбойничьи шайки с большой дороги. Однако комендант и хорунжий в один голос твердили, что, несмотря на грабежи и междоусобицу, киргизцы – люди хорошие, приветливые, даже смирные. Вот и разберись тут.

– Ну а ты? – Денисов обернулся к капитану. – Женат?

– Вдовец, – глухо ответил Федор Андреевич. – И месяца не прожили. Простудилась и в одночасье сгорела.

– Царствие небесное. – Казак небрежно сотворил крестное знамение. – Детишков, стало быть, не осталось? Родни то есть?

– Родители, брат младший, сестра.

– Ну и слава богу, – кивнул Матвей Иванович. Некоторое время ехали молча. Свежие лошади бежали бодро. Казаки перестали играть песни, сбились плотнее, выслали вперед и по сторонам разьезды, рыскавшие по степи и осматривавшие ее с курганов. Солдаты натянули тент над повозкой, так как солнышко припекало все сильнее. Остро запахло травой и терпким конским потом. Над степью повисла легкая дымка испарений, а небо на востоке стало пыльно-серым, обещая удушливую жару.

– Чего опасался Тученков? – Фон Требин привстал на стременах и огляделся. – Тут и следа человека не найти.

– Раз на раз не приходится, – усмехнулся хорунжий.

– Шалят? – оживился Николай Эрнестович.

– Бывает, – лениво согласился Матвей Иванович.

А вокруг лежала степь без конца и без края, то плоская, как стол, то покрытая неровными складками курганов и балок. И тянулись по ней под палящим солнцем почти три десятка людей с одной повозкой и выючными лошадьми. Мерный стук копыт, монотонное покачивание в седлах, надоедливый скрип колес: Епифанов и Рогожин уже несколько раз смазывали втулки дегтем, но колеса упрямо скрипели, будто задались целью вымотать людям нервы, и без того взвинченные нескончаемой жарой.

И еще сильно досаждала пыль – казалось, она была везде: оседала на одежде, оружии, шкуре коней, ложилась на щеки и волосы, скрипела мельчайшими песчинками на зубах, забивалась в ноздри. Всадники, лошади и даже повозка вскоре стали похожи на серых призраков, неведомо откуда появившихся в степи и тенями скользивших неведомо куда. Федор Андреевич понял, почему казаки укрывались похожими на бурки хламидами из верблюжьей шерсти и возили ружья в чехлах. Его собственная одежда, такая привычная и сидевшая как влитая, казалась ему теперь тяжелой, душной и страшно неудобной. Он позавидовал станичникам, вольно чувствовавшим себя в чекменях и шароварах.

Самое лютное пекло переживали в заросших кустарником балках. Обед, короткий отдых и чуть спадет жара – снова в седла. И опять вокруг степь, степь... Ночевка, подъем задолго до рассвета и – дорога, пыль, жара, спекшиеся в ком губы. Так прошло несколько дней...

Однажды, ближе к полудню, когда уже начали подыскивать подходящее место для дневки, дозорные вдруг подали сигнал тревоги. Разморенные жарой, дремавшие в седлах казаки разом стряхнули сонную одурь и подтянулись. Они ловко выдернули из чехлов ружья

и проверили, легко ли выходят из ножен клинки. Глядя на них, забеспокоились Епифанов и Рогожин.

Вскоре показался казак передового разъезда. Рядом с ним скакали два незнакомых всадника. Увидев их, Денисов облегченно вздохнул и махнул рукой, давая знак отставить приготовления к бою. Казаки спрятали ружья и успокоились, только солдаты все еще настороженно вглядывались в приближающихся конных.

Подъехав к капитану и поручику, Матвей Иванович показал плетью на незнакомых степняков:

– Киргизцы едут. Наверное, в гости звать. Пойдем?

– Как они нашли нас? – подозрительно сощурился фон Требин.

– Ты, поручик, газету в городе читаешь? Там про все новости печатают.

– Газету? – недоумевающе поглядел на него Николай Эрнестович. – При чем здесь газеты?

– Здесь вместо газеты степь и слухи, – засмеялся хорунжий. – Киргизец следы поглядел и узнал: кто, куда, а то и зачем едет? Вот нас и нашли. Моего жеребца они по следам знают.

Всадники приблизились. Федор Андреевич с любопытством глядел на первых встреченных им настоящих кочевников. На всадниках были засаленные бараньи шубы, темные халаты и разноцветные рубашки без воротников. Головы киргизцев покрывали войлочные шапки. Старший из них старательно сохранял серьезность. Второй, молодой парень с быстрыми темными глазами на скуластом широком лице, улыбался и кланялся направо и налево, приветствуя казаков как давних знакомых.

– Здесь род Хардыша кочует, – объяснил Денисов. – Князьком у них Масымхан. Молодой парень – его нукер Агон. А который постарше – сын моего знакомого табунщика.

– Салам алейкум, Денис-бала! – Кочевники соскочили с коней и, показывая уважение к русским, подошли к офицерам пешими.

Матвей Иванович тоже спешил и подал старшему руку:

– Салам, Уалихан! Как поживает твой отец, почтенный Балтай?

– Хорошо, все хорошо. – Сын табунщика расплылся в улыбке, двумя руками почтительно пожал ладонь хорунжего и гордо поглядел на спутника.

– Салам, Агон! – Денисов обернулся к нукеру. – Как здоровье высокочтимого и мудрого Масымхана?

Агон тоже почтительно пожал руку казака и начал сыпать словами, беспрестанно улыбаясь и низко кланяясь. Кутергин достаточно хорошо знал арабский, но понять речь нукера не мог, если не считать отдельных знакомых слов, которые турки заимствовали у арабов. Похоже, нукер о чем-то действительно просил хорунжего или уговаривал его.

– У Масымхана внук родился, – перевел Денисов офицерам. – В гости приглашают. Отказываться неудобно: обидится. Он людей специально за нами послал. К тому же Масымхан мне чуть не родня: Гришке, меньшому брату, крестный отец.

– Да ведь этот князек магометанин! – удивился Федор Андреевич. – Как же так?

– А-а, – беспечно махнул рукой Матвей Иванович. – Ну и что с того? Баранов рядом пасем, табуны гоняем. То они у нас защиты просят, то мы у них какой помощи. Что он, не человек, что ли? Сосед как-никак.

Федора Андреевича поразило столь простое и терпимое отношение казака к иноверцам-кочевникам. Сосед! А до этого соседа три-четыре дня скакать, если не больше. До чего же широка русская натура! И вот живут мирно рядом люди разных религий и укладов, считая, что степь велика и при дружной жизни места в ней хватит на всех. Причем не просто дружно живут, а стараются упрочить хорошие отношения.

– Сколько мы там пробудем? – поинтересовался капитан.

– Не меньше суток.

– Долго, – недовольно заметил фон Требин.

– Зато узнаем все, что в степи делается, – возразил Денисов. – И заручимся поддержкой Масымхана, а он у них влиятельный князек.

– Хорошо, поехали, – решил Кутергин.

– От молодец. – Матвей Иванович посветлел лицом и что-то сказал киргизцам.

Те заулыбались еще шире, начали кланяться ниже, прижимая руки к груди. Казаки радостно загалдели: гостевание в ставке Масымхана сулило передышку в долгом, нелегком пути. Кочевники побежали к своим лошадям, вскочили в седла и выехали вперед: показывать дорогу.

Ставка Масымхана встретила путников залиvistым ржанием множества коней, истошным собачьим лаем и ревом презрительно поглядывавших вокруг медлительных верблюдов. Почти полторы сотни юрт в живописном беспорядке стояли в широкой, красивой долине. Между ними вились синеватые дымки кизячных костров, принося запахи жареной баранины и жирного плова.

За несколько верст до кочевья русских встретил старший сын хозяина Табагай, недавно ставший счастливым отцом: жена подарила ему сына, а Масымхану – первого внука. Вместе с Табагаем встречать дорогих гостей приехали три десятка нукеров и толпа любопытных на разномастных лошадях. Нукеры каруселью закружились вокруг партии, горяча коней гортанными выкриками, а остальные пялили глаза на зеленый форменный сюртук Кутергина с красивым шитьем на стоячем черном бархатном воротнике, серебряные погоны с одним просветом и орленые пуговицы в два ряда. Таких русских они никогда не видели. Большое впечатление произвела и шашка Федора Андреевича – он привез с Кавказа несколько отличных клинков, оправленных в серебро, и, отправляясь по приказу командования в степь, взял один из них с собой.

– Урус-тюра, урус-тюра, – слышалось в толпе кочевников.

Масымхан ждал дорогих гостей у дверей огромной белой юрты. Оказывая почет урусам и хвастаясь богатством, князек приказал выстелить дорогу к юрте дорогими коврами. Доехав до них, Кутергин хотел спешиться, но Денисов шепнул:

– Езжай по коврам и глазом не моргни! Решив ничему не удивляться, капитан направил коня прямо ко входу в юрту. За ним последовали фон Требин и хорунжий. Толпа встречавших ответила на это восторженным гулом.

Масымхан, еще не старый, крепко сложенный мужчина с длинными черными усами и аккуратно подбритой бородой, ловко схватил повод коня капитана и подержал стремя, пока тот слезал с седла. Потом он вцепился в руку гостя и сделал вид, что без его помощи не может ступить и шагу: это было высшим проявлением гостеприимства и уважения среди кочевников. Семеня рядом с Федором Андреевичем, Масымхан зорко поглядывал по сторонам: все ли видят, как он ведет в свою юрту урус-тюру?

Денисову и фон Требину тоже помогли слезть с коней и повели следом за капитаном. Казаки, во главе с урядником Бессмертным, направились к другим юртам. За ними покатила повозка с солдатами. Увидев, как казаки и солдаты удаляются, Федор Андреевич беспомощно оглянулся, но Денисов успокаивающе подмигнул: все в порядке.

Юрта Масымхана поражала размерами и богатством убранства. Нукеры с низким поклоном распахнули резные двери, и капитан переступил порог. Везде лежали дорогие ковры с разбросанными по ним шелковыми подушками. Кутергина бережно усадили на почетное место, рядом с хозяином, с другой стороны сел древний старик с длинной седой бородой, а Денисова и фон Требина устроили напротив.

Гости рассаживались долго и церемонно. Несмотря на жару, аксакалы шеголяли в шелковых халатах на меху и в шапках из рыси, выдры, степной лисы или волка. Масымхан сидел в зеленом парчовом халате и собольей шапке. Наконец, расселись, поджав под себя ноги в мяг-

ких, расшитых яркими узорами сапогах. Табагай, на правах сына хозяина, начал разливать в пиалы кумыс. Кобылье молоко Федору Андреевичу не понравилось, но он заставил себя выпить все до дна. Фон Требин зажмурился, как перед прыжком в омут, и в три больших глотка осушил пиалу, и ему кумыс тоже пришлось не по нраву. Прислужники-мужчины внесли блюда с пловом и казан с каким-то варевом.

– Кавардак, – шепнул Денисов. – Мясо в соусе из овощей.

Следом появились серебряные подносы с огромными кусками жареной и вареной баранины, румяными лепешками и незнакомой зеленью. Завязалась беседа. Матвей Иванович как мог переводил ее содержание Кутергину и фон Требину. Хозяин и аксакалы говорили о дорогах. Эта тема считалась наиболее достойной настоящего мужчины: здесь все имели табуны и отары, которые перегоняли с пастбища на пастбище, поэтому дороги значили очень многое.

Потом начали дарить подарки: камчу с рукоятью из слоновой кости, инкрустированную золотой проволокой, ловчего беркута, кровного скакуна, редкие меха. Когда очередь дошла до русских, капитан решил не ударить в грязь лицом. Он приказал принести бутылку французского коньяка, вручил ее Масымхану, а потом снял с себя горскую шашку и на вытянутых руках протянул хозяину:

– Дарю твоему внуку и желаю, чтобы он вырос таким же смелым джигитом, как его дед и отец!

Матвей Иванович перевел. Эффект превзошел все ожидания: казалось, в юрте разорвалась бомба! Степенные аксакалы повскакивали с мест и тянулись потрогать подарок урустюры, а Масымхан светился от счастья и пыжился от гордости. Он вытянул из ножен клинок и показал его присутствующим, что-то быстро приговаривая на своем языке.

– Лопочет, что это ему прислал в подарок Белый царь, – с лукавой усмешкой перевел Денисов. Кутергину осталось только беспомощно развести руками. Он уже понял: коварные и хитрые азиаты во многом простодушны как дети.

Постепенно шум утих, все расселись по местам. Масымхан как-то обмяк, подобрел, загадочно улыбался. Он наклонился к Матвею Ивановичу и что-то шепнул. Тот усмехнулся:

– Федор Андреевич! Хозяин спрашивает, откуда ты родом?

– Скажи, что родился я в Москве, а приехал из Санкт-Петербурга.

Масымхан, выслушав ответ, согласно закивал и вновь бросил какой-то вопрос.

– Спрашивает, долго ли ехал?

– Долго, – улыбнулся капитан. – Очень долго.

– Илик-чакрым? – заинтересованно повернулся к нему князек.

Федор Андреевич уже знал: чакрым – расстояние слышимости человеческого голоса. Но как и все в Азии, чакрым был очень неопределенной мерой, и илик-чакрым, или пятьдесят расстояний, могло означать и десяток верст и три-четыре недели пути.

– Да, примерно столько, – не стал разочаровывать хозяина гость.

– Хорошо, – неожиданно сказал по-русски Масымхан и звонко хлопнул в ладоши. В юрту заглянула закутанная во все черное старуха. Хозяин крикнул ей непонятное слово, и старуха исчезла.

– Теперь держись, – засмеялся Матвей Иванович.

– Что тут затевают? – насторожился немного захмелевший Николай Эрнестович, но ему никто не ответил.

Вдруг двери юрты распахнулись, и вошла девушка. Увидев ее, Федор Андреевич обомлел: до чего же хороша! На ней был халат из тонкого желтого бархата, а поверх него переливался узором камзол из золотой парчи. Густые черные волосы, заплетенные в косы, покрывала вышитая бисером фиолетовая плоская шапочка, отороченная мехом выдры. А лицо, какое лицо – богиня! Тонкие брови вразлет, жаркие миндалевидные глаза, прямой нос, высокие скулы и матово-смуглая кожа.

Маленький рот с красиво очерченными губами чуть приоткрылся в приветливой улыбке, показывая ровный жемчуг зубов. Острые упругие груди высоко поднимали ткань халата, тонкую талию туго перехватывал чеканный серебряный пояс, а на запястьях бренчали браслеты, украшенные кораллами и бирюзой. Легко ступая стройными ногами, обутыми в узорчатые сафьяновые сапожки, девушка направилась прямо к капитану, держа в руках поднос с позолоченной пиалой. Качнув тяжелыми серьгами, она поклонилась Федору Андреевичу.

Кутергин встал. Девушка поглядела ему в глаза, и темный румянец выступил у нее на скулах. Капитан заметил, как мелко дрожали унизанные дорогими перстнями пальцы красавицы.

– Пей, – подбодрил Матвей Иванович. – Только не вздумай потом целовать! Отдари чем-нибудь.

Федор Андреевич как в тумане кивнул. К его удивлению, в пиале оказался не кумыс, а прекрасная мадера. Ну, Масымхан, ну, лукавый! Скосив глаза, Кутергин поймал на себе острый, испытующий взгляд хозяина.

Осушив пиалу до дна, капитан достал из кошелька золотой, бросил в посудину и поставил ее на поднос. Почему-то вдруг вспомнилось, как подносили заздравную чару цыганки в Стрельне, но там все было по-другому – иной мир, совершенно непохожий на этот.

Девушка поклонилась еще ниже и, не поднимая глаз, попятилась к выходу. Федор Андреевич проводил ее восхищенным взглядом.

– Зейнаб. – Палец Масымхана показал на закрывшиеся за девушкой двери юрты. – Хорош девка? Бери в жены!

– Так сразу? – опешил Кутергин.

Нет слов, Зейнаб красива, как сказочная пери, но – жениться?.. Увидеть невесту один раз и повенчаться на всю оставшуюся жизнь? А как они будут говорить, если она не знает русского?

Масымхан сладко щурился и внимательно наблюдал за гостем. Наверное, на лице капитана отразилось удивление, и хозяин, не прибегая больше к помощи Денисова, повел разговор сам.

– Нравится девка? Зачем думать? Хорош жена будет, джигит рожать будет, слушать тебя будет!

На русском он говорил с жутким акцентом, с трудом подбирая слова, и от этого каждая его фраза, оттененная непередаваемой интонацией привыкшего повелевать степняка, казалось, приобретала особый, не угадываемый до конца смысл.

– Зейнаб здоровая, молодая. – Масымхан на пальцах показал: его дочери шестнадцать лет. – Хочешь – себе вези, хочешь – здесь живи!

Осоловевшие от кумыса и жирной обильной пищи аксакалы и племенные князьки не прислушивались к их тихой беседе. Фон Требин уже клевал носом, и лишь Денисов сидел как ни в чем не бывало и доброжелательно улыбался.

– Такие серьезные дела не решают в одночасье, – вяло отбивался Федор Андреевич.

Масымхан его не понял, и Матвею Ивановичу пришлось перевести.

– Зачем сразу? – Выслушав перевод, хозяин поднял руки ладонями вверх. – Мала-мала думай!

Он выбрал на блюде жирный кусок мяса с мозговой костью и подал его капитану. Потом вытер сальные пальцы о голенища сапог.

– Смотрины устроили? – улыбнулся Кутергин и покачал головой.

– Любимую дочь сватает, – заметил хорунжий. – Он тут вроде царька. Породнитесь – и ему, и тебе хорошо.

– Какая же во мне корысть? – удивился капитан. – Я человек небогатый.

– Зато он богат, – бубнил Денисов. – Знаешь, что для него значит иметь зятя из самого Петербурга?

– Многа, ой, многа, – подтвердил Масымхан.

Федор Андреевич вспомнил жаркие, миндалевидные глаза Зейнаб, ее высокую грудь, маленькие ноги в сафьяновых сапожках, и сердце у него сладко заныло. Одеть ее в приличное европейское платье, сделать прическу, научить вести себя в обществе... Бог мой, а как она ходит, какая природная грация!

Тем временем в юрте появился старик с домброй. Он сел неподалеку от входа и ударил по струнам. Шум голосов утих. Кутергин сразу понял: перед аксакалами выступал незаурядный актер. На глазах зачарованных слушателей он превращался то в грозного владыку, то в юную девушку, то в могучего богатыря. Казалось, его высокий голос звал в простор степей, к заснеженным вершинам гор, сочным пастбищам. Мелодия будила жажду любви чернооких красавиц, ради которых мужчина должен совершать ратные подвиги. И в то же время она незаметно убаюкивала, принося душе покой умиротворения, глаза начали слипаться, и Федор Андреевич задремал.

Очнулся он от громких криков: гости бурно выражали восторг пению старика. К удивлению капитана, фон Требин исчез.

– Спать увели, – объяснил Денисов. – Ты, я вижу, тоже притомился. Иди отдыхай, нукер проводит. Не сомневайся, здесь никто худого не сделает. А я еще с хозяином потолкую.

Масымхан встал, помог подняться Федору Андреевичу и почтительно проводил его до дверей. На улице уже стемнело, закат догорел, и над степью повисли яркие звезды. Кутергин пошел за нукером к юрте, специально поставленной для русских. Войдя в нее, он увидел фон Требина; по-детски приоткрыв рот, Николай Эрнестович разметался на подушках и крепко спал. Кутергин не стал его будить, разделся и лег.

Денисов явился далеко за полночь. От него крепко пахло диким чесноком и прогорклым бараньим жиром. Присев на ковер, хорунжий стянул сапоги и шепотом спросил:

– Андреич, ты спишь?

– Нет еще.

– Слышь. – Матвей Иванович на четвереньках подполз ближе и зашептал почти в самое ухо Кутергина: – Вернуться нам никак нельзя?

– Вернуться? – Удивленный капитан приподнялся на локте. – Что стряслось?

– Пока ничего. – Хорунжий отвел глаза. – Так как?

– Вернуться без карт я не могу, Матвей Иванович. А ты не крути, давай начистоту.

Денисов вздохнул и сел, поджав под себя ноги. Почесал бороду и скучно сказал:

– Людишки Масымхана следы чужие видели, в неделе пути отсюда. Как раз там, куда нам идти. Надо бы поберечься: за речкой места дикие.

– Следы? Конные прошли? Сколько?

– Не знаю, – еще больше поскущнел хорунжий. – Масымхан говорил: след свежий, но плохой. Может, и врет, черт нерусский... М-да, а дочка у него огонь! Жена такая и должна быть, чтобы крылья у тебя за спиной росли, как у орла. Решайся, капитан, Масымхан за ней большое приданое даст. Разве в Москве такую невесту найдешь?

– А ты бывал в Москве? – улыбнулся Федор Андреевич.

– Нет, не доводилось. Вот в Оренбурге бывал. Но ежели в Москву или Петербург соберусь, на постой примешь?

– Непременно, – заверил Кутергин. – Однако сдается, ты не все сказал?

– Ладно, – примирительно похлопал его по руке Матвей Иванович. – Вот в гости зовешь, молодец... Думаю, ночами дойдем до нужных мест. Здешние лихие людишки хорошо стреляют по неподвижной цели, а в темноте по всаднику ни в жисть не попадут. Да и побоятся моих казаков. По крайней мере, на то надеюсь.

Денисов подтянул к себе сумку, порылся в ней и вытащил маленький узелок, развязал засаленную тряпку и отдал Кутергину винтовочный патрон. Скорее всего английского производства: свеженький, желтенький, без единого пятнышка грязи или ржавчины.

– Ну и что? – Федор Андреевич повертел патрон в пальцах.

– Людишки Масымхана нашли там, где начинаются пески. Ни у киргизцев, ни у хивинцев, ни у текинцев винтовок нет, капитан!..

Масымхан за долгий, полный событий и серьезных разговоров день устал, а завтра праздник будет продолжаться: состоится кутерма-байга, скачки в поводу. Это очень важное дело – его часто приравнивали к поединку, а старики считали победу в скачках выражением воли Аллаха. Многие джигиты сядут на горячих коней, и каждый постарается показать себя, надеясь привлечь внимание самого Масымхана и его красавиц дочерей Зейнаб и Алии. Пусть тешатся несбыточными надеждами: Масымхан знает, чего хочет, и давно твердо решил породниться с урусами. Красота дочерей и его богатство позволяли рассчитывать на успех. Сегодня он видел, как разгорелись глаза урус-тюры при виде Зейнаб.

Нет, Масымхан не слепой, он многое видит и понимает. Пройдет время, и все в степи переменится. Белый царь урусов станет главным хозяином этих мест, а не китайцы, хивинцы или инглизы, как думают некоторые пустоголовые. Китай и инглизы далеко, а урусы – вот они, рядом! Их большой начальник сидел сегодня в его юрте и подарил прекрасный дорогой клинок в украшенных черненым серебром ножнах. Все видели это, все поняли, какой почет оказан хозяину! Что такое Хива рядом с урусами? Пыль под копытами!

Масымхан распустил пояс и скинул парчовый халат, оставшись в шелковой рубаше с закругленным воротом. Не утерпев, он подошел к стене и снял с колышка подаренную урус-тюрой шашку, чтобы еще раз полюбоваться ею. А услышав за спиной шорох, резко обернулся и наполовину вытянул клинок из ножен.

У дверей юрты стоял человек. Блики масляных светильников бегали по переливающемуся желтому шелку его халата, пятна света и тени дрожали на белом войлоке юрты и на фигуре вошедшего. От этого выражение лица незваного гостя постоянно менялось, а его глаза прятались в темных глазницах.

– Не бойся, я не причиню тебе зла, – усмехнулся он.

– Мне нечего бояться. – Масымхан со стуком вдвинул шашку в ножны и повесил ее на место. – Зачем пожаловал, Нафтулла?

– Разве так принимают путника в день праздника? – Не дожидаясь приглашения, гость опустился на подушки. – Я пришел поздравить тебя с первым внуком.

Хозяин в ответ лишь кивнул и хлопнул в ладоши. Появился нукер и поставил перед Нафтуллой блюдо с мясом и пиалу с кумысом. Масымхан устроился напротив и, глядя на двигавшийся кадык гостя, подумал: хорошо бы сейчас приказать нукерам удавить эту лису, чтобы она больше не шастала по степи и пескам, сея раздоры. Удавить, конечно, недолго, но потом, когда понадобятся услуги этого пройдохи, где найти нового Нафтуллу, готового на все ради золота?

Гость сделал несколько глотков из пиалы, потом взял с блюда кусок мяса и разломил лепешку:

– Пусть Аллах ниспошлет удачу твоему роду и долгие счастливые годы жизни младенцу!

– Жри и проваливай, – зло ощерился Масымхан. – Не утомляй меня своим видом, не то...

– Тихо, тихо! – Нафтулла округлил глаза и с притворным сочувствием заметил: – Ты устал сегодня, я понимаю. Но если из твоей юрты выволокут мой труп, кое-кто может решить, что ты устал от жизни!

Хозяин задохнулся от ярости. Не глядя, он протянул руку назад и схватил тяжелую камчу – сплетенную из жил плетъ с зашитой в кожу свинчаткой на конце. С ней он охотился в степи на волков и одним ударом пробивал череп хищника, догнав его на легконогом скакуне. Сейчас он проверит, насколько крепок череп степной лисы!

– Остынь! – прошипел Нафтулла. – Имам не простит тебе этого!

Масымхан грязно выругался и отбросил плеть. Так вот кто прислал к нему этого бекор-адема, никчемного человечешку, – глава секты убийц и торговцев опиумом, не гнушавшихся никакими темными делами, – Имам исмаилитов! Проклятье! Теперь придется дать этой лисе уйти целой. Хотя какая лиса – змея!.. И надо быть очень осторожным, чтобы тебя не ужалили в сердце. Исмаилиты коварны и злопамятны и способны на все: отравить дочь или выкрасть ее, убить внука. И никогда не узнаешь, кто это сделал.

– Чего тебе надо? – глухо спросил Масымхан.

– Совсем мало. – Нафтулла растянул широкий рот в ухмылке. – Узнать, куда направится отсюда урус-тюра?

– И все? А если я не знаю?

– Знаешь. – Гость бросил в рот крошку хлеба и покатал ее на языке. – От тебя недавно вышел Денис-бала.

– Зачем тебе?

– Моими устами спрашивает сам Имам. Он найдет способ проверить, насколько правдив твой ответ.

Мысли Масымхана разбежались, как испуганные зайцы, увидевшие над собой тень крыльев беркута: открытая вражда с Имамом могла принести неисчислимые беды, но и предать русских – все равно, что собственными руками вырыть могилу не только себе, но и потомкам. Что же делать? Солгать? Однако исмаилиты найдут способ проверить, насколько ты правдив. И кто знает, как они это сделают? Сказать все как есть и предупредить Дениса-балу? Опять нехорошо, потому что кроме проклятого Нафтуллы у Имама найдутся другие глаза и уши. Они донесут о двойной игре.

Наконец, Масымхан нашел решение. Он скажет правду, а русским даст своих нукеров, усилив их отряд. Пусть его всадники проводят урус-тюру хотя бы до Амударьи. Тогда хитрый и осторожный Денис-бала многое поймет без лишних слов. Тем более он уже предупрежден о чужих людях на границе песков и степи.

– Урусы идут к реке, – медленно роняя слова, процедил Масымхан. – Хотят рисовать землю на бумаге и проверять колодцы в пустыне. Теперь уходи!

– Ладно. – Нафтулла легко поднялся и направился к двери, но неожиданно обернулся и прямо спросил: – Ты обещал им дать своих джигитов?

– Их проводят только до реки, – нехотя выдавил из себя хозяин, с трудом сдерживая желание сорвать с колышка дареную пашку и снести голову нежданному гостю. Ничего, пусть степь широка и люди встречаются в ней нечасто, настанет день, когда он сможет раздавить эту змею!

– Спасибо. – Нафтулла издевательски ухмыльнулся. – Имам не забудет твоей услуги.

Бесшумно открыв двери юрты, он растворился в темноте, радуясь, что убрался от вспыльчивого Масымхана живым и здоровым да еще заставил гордого и высокомерного князька развязать язык. Конечно, после этого с ним лучше не сталкиваться нос к носу, особенно там, где негде спрятаться от его гнева или найти защиту. Однако подобные сложности неизбежны, когда начинаешь действовать на свой страх и риск. Очень вовремя пришло в голову воспользоваться именем всесильного Имама и заставить хозяина стать разговорчивым, но задерживаться в его ставке не стоило.

Лишь отъехав на значительное расстояние от кочевья и убедившись, что за ним нет погони, лжекупец вздохнул с облегчением: Имам не приставит тебе новую голову, если ее сбредут с плеч сабли нукеров Масымхана. Слава Аллаху, князек не заподозрил обмана. Тем не менее лучше хорошенько запутать следы.

Подняв лицо к звездному небу, Нафтулла рассмеялся: теперь он знает о намерениях русских, исмаилитов и Мирта. Значит, можно решить, как поступать дальше. Пожалуй, первым

делом он напишет записку для Желтого человека и зароет ее в условном месте, а потом даст знать о себе людям Имама. Что же касается русских, то пусть пока они движутся к реке.

Желтый человек снял сапоги и, расстелив на земляном полу убогой хижины саджад – молитвенный коврик, привезенный из Мекки, совершал аль-иша – молитву при наступлении ночи. На западе догорала узкая полоска багрового заката, в темном небе затеплились первые звезды, и в этот час каждый истинный правоверный должен возблагодарить Небесного Владыку за прожитый день и попросить милостей и защиты Аллаха. Молился Мирт всегда в одиночестве, а его люди совершали молитву во дворе, чтобы не мешать предводителю разговаривать с Богом. В их беспокойной жизни редко удавалось побывать в мечети, поэтому утренней и вечерней молитвам придавалось особое значение: из пяти намазов два совершались неукоснительно, а остальные – по мере возможности.

Мирт как раз совершил итидаль – выпрямление после заключительного поклона, – когда нестройный хор голосов во дворе пророкотал: «Амен». И тут же послышался дробный стук копыт. Он выглянул в узкое оконце: во двор влетел всадник на взмыленном коне. Мирт сложил коврик, натянул сапоги и надел пояс с оружием. Скрипнув, чуть приоткрылась дверь, и в щель заглянул Хамид – ближайший помощник предводителя вольных всадников, как любил именовать свое воинство Мирт.

– Гонец! – шепнул Хамид.

Желтый человек дал знак привести прибывшего, и вскоре в хижину ввели с ног до головы покрытого пылью тощего человека в полосатом халате.

– Оставьте нас, – негромко приказал Мирт. Когда его приближенные вышли, он подошел к гонцу вплотную и жарко выдохнул: – Ну?

– Плохие вести...

– Говори, говори!

– Добыча в руках Имама. Мы опоздали, они успели все сделать на несколько часов раньше.

– Вот как? – По губам Мирта скользнула недобрая усмешка. – Где они теперь? Неужели успели утянуть добычу в одно из своих тайных убежищ?

– Нет, они пошли через пески на Мешхед.

Желтый человек недоверчиво прищурился: вряд ли драгоценную добычу потащат так далеко. Скорее сведения о Мешхеде – просто уловка, но то, что люди Имама пошли через пески, вселяет надежду: может быть, еще не все потеряно? Сейчас нет толку корить своих соглядатаев за промах. Надо действовать, иначе потеряешь все!

– Хамид! – позвал Мирт и, когда помощник появился, приказал: – Выступаем. Немедля!

Хамид опрометью кинулся выполнять распоряжение предводителя. А Желтый человек прошел в угол хижины, открыл хурджин из ковровой ткани, достал темную бутылку, плеснул из нее в пиалу и подал ее гонцу:

– Выпей! Это поможет тебе продержаться несколько часов, пока ты не выведешь нас на их след. Хочешь, тебя привяжут к седлу?

– Не нужно, – отрицательно мотнул головой гонец и припал губами к пиале.

Пока он пил, Мирт прикинул: на сколько опередили его люди Имама? Гонец добирался до стоянки отряда не менее десяти часов. Еще около суток потеряно в городе, где захватили добычу. Следует добавить к этому еще минимум половину суток на разные задержки и проволочки. Итак, два дня. Много! Даже догнав людей Имама в песках, сразу по ним не ударишь: придется кружить и выжидать удобный момент. Однако стоит ли гадать и зря терять драгоценное время?

Через полчаса несколько десятков до зубов вооруженных всадников на отличных лошадях покинули маленький бедный кишлак и устремились в ночь. Впереди на рыжем высоком жеребце мчался Мирт. По одну сторону от него скакал Хамид, а по другую – гонец. Когда

селение осталось далеко позади и под копытами коней поднялась пыль дикой земли, вольные всадники затянули боевую песню:

В конном беге качаются бунчуки,
На них звенят серебряные монеты.
Наши кони бегут туда, где опускается солнце.
Если твоего коня обременяет золото, сожги его!
Пусть душа твоя будет свободна...

Глава 3

Спустя пять дней после встречи с Мирадором нотариус отправился в публичный дом под игровым названием «Добрый вечер». Часы показывали одиннадцать утра, а заведение начало работу в семь, однако это ничуть не смущало мсье Фиша. Прекрасно осведомленный о здешних порядках, он не стал ломиться в закрытые парадные двери: правовед обошел здание и проник в него с черного хода. Пытавшаяся преградить ему дорогу пожилая неопрятная консьержка, получив подачку, тут же исчезла, и Эммануэль поднялся на второй этаж.

Очутившись в длинном узком коридоре, в который выходили двери комнат «девушек», он отыскал тринадцатый номер и постучал. Никакого ответа. Мсье Фиш постучал снова, уже громче, и услышал в ответ пожелание немедленно убираться по известному ему адресу, выказанное хриплым женским голосом. Но это ничуть не смутило настойчивого правоведа.

– Жюли, солнышко! – проворковал он. – Открой, детка. Это Эммануэль.

– Да хоть сам английский король! Какого черта?

Тем не менее дверь приоткрылась и выглянула смазливая девица с опухшим лицом. Ее белокурые волосы украшали папильотки из газетной бумаги, а круглые белые плечи покрывал несвежий пеньюар.

Эммануэль просунул в щель носок башмака, чтобы красotka не вздумала захлопнуть дверь перед его носом, и одновременно сильно нажал на нее плечом. Его маневр увенчался успехом: мсье Фиш проник в будуар кокотки.

– Скотина! – громко взвизгнула Жюли. – Что тебе надо? Я закричу!

– Тихо! – Нотариус попытался зажать ей рот, но она укусила его за палец. Тогда Эммануэль схватил ее за горло и прошипел: – Заткнись, или я сверну тебе шею! Где Шарль?

– Откуда я знаю? – просипела проститутка, тщетно стараясь угодить коленом в пах юриста.

– Лгать нехорошо. – Мсье Фиш сердито встряхнул ее, как тряпичную куклу. – Где Шарль?

Почувствовав, что кто-то появился у него за спиной, Эммануэль шархнулся в сторону, но не удержался на ногах и повалился на пол, увлекая за собой отчаянно отбивавшуюся Жюли. Над их головами просвистела дубинка – на счастье нотариуса, нападавший промахнулся.

Увидев над собой полуодетого поджарого смуглого человека, замахнувшегося дубинкой для нового удара, Эммануэль выпустил кокотку и завопил:

– Шарль! Это я, Шарль!

Нападавший, как ни в чем не бывало, сунул дубинку под мышку и протянул мсье Фишу руку, помогая подняться. На Жюли он не обратил внимания.

– Я думал, приперся какой-то легавый. – Шарль подтолкнул приятеля в смежную комнату и бросил подруге: – Добудь нам бутылочку: в горле пересохло.

– Иди ты... – Жюли на четвереньках доползла до дивана, легла и моментально провалилась в сон.

В смежной комнате Шарль Рико, почесывая мускулистую грудь, равнодушно поинтересовался у нотариуса:

– Чего тебя принесло в такую рань? Я только ночью приехал.

– Скоро полдень! – Эммануэль вытащил часы, щелкнул крышкой и поднес циферблат к самому носу Рико. – И у меня важное дело.

В сонных глазах Шарля мелькнуло подобие заинтересованности, но тут же пропало. Он пошарил за кроватью и вытащил початую бутылку вина. Посмотрел на свет, сколько осталось, и хотел припасть губами к горлышку, однако мсье Фиш одной рукой отвел в сторону бутылку, а другой показал Шарлю листок бумаги с нарисованной на нем пучеглазой рыбой.

Сонливость Рико сняло как рукой. Он оставил бутылку и настороженно взглянул на приятеля, а тот уже достал изящную табакерку с перламутровыми рыбками на крышке. Шарль порылся в своей одежде, в беспорядке сваленной около постели, и вытянул за цепочку брелок – на нем играли в волнах две перламутровые рыбки, плывущие навстречу друг другу.

– Одевайся, – распорядился мсье Фиш, усаживаясь в продавленное кресло.

Рико открыл створки встроенного в стену умывальника, ополоснул лицо холодной водой из кувшина, намылил щеки и быстро побрился. Потом надел рубашку, повязал пестрый галстук и заколол его булавкой с фальшивой жемчужиной. Его наряд довершили жилет с низким вырезом, полосатый сюртук и касторовая шляпа. Свою дубинку он засунул за пояс брюк.

– Куда мы направляемся? – глотнув из бутылки, поинтересовался он.

– В Швейцарию, – невозмутимо ответил Эммануэль.

– Вот как? – Рико сдернул с тумбочки плюшевую салфетку и смахнул ею пыль с сапог. – Позволь полюбопытствовать: зачем?

– У меня есть адресок. – Мсье Фиш похлопал по карману, где лежал полученный от Мирадора конверт. – Навестим одного почтенного человека.

– А потом?

– Потом увидим. – Нотариус встал. – Ты готов? Пошли. Все необходимое купим по дороге.

Выйдя в будуар, Шарль подошел к спящей Жюли и ласково похлопал ее пониже спины:

– Я ухожу!

– Можешь не возвращаться, – не открывая глаз, пробурчала проститутка.

– Пожалуй, я так и сделаю, – заключил Рико, выходя следом за Эммануэлем в коридор...

Провожали русских торжественно. Масымхан подарил Кутергину саблю с украшенным бирюзой эфесом, помог ему сесть в седло и показал на вооруженных нукеров, застывших в плотном конном строю:

– Они поедут с вами.

– Зачем? – удивился Федор Андреевич.

– Нехорошо урус-тюре путешествовать, как простому человеку. – Масымхан хитро улыбнулся. – Мои джигиты проводят тебя до реки.

Капитан решил не спорить: у кочевников свои обычаи и, если не хочешь испортить отношения с местным князьком, лучше не пытаться отговорить его от задуманного. Денисов подкручивал сивый ус и хмурился: навязанный им не то эскорт, не то конвой его насторожил.

Однако, вопреки дурным предчувствиям Матвея Ивановича, все шло нормально. Отдохнувшие кони бежали весело, партия двигалась быстро, а нукеры Масымхана вели себя предельно дружелюбно. Понемногу хорунжий успокоился и попросил Федора Андреевича показать дареный клинок.

– Твоя шашка была значительно лучше, – вернув капитану саблю, заметил Денисов.

Чтобы скоротать время в дороге, Матвей Иванович принялся рассказывать Кутергину и фон Требину об обычаях киргизцев и родословной Масымхана. В древности якобы жил великий полководец и у него были три выдающихся военачальника, от одного из которых вел свой род Масымхан, считавшийся степным аристократом. Согласно обычаям кочевников, он не мог разориться: если родовитый князек терял все, он вновь получал коней, овец, юрты и подчиненных людей от своего рода или других, близких родов. Поэтому такие, как Масымхан, страшились только смерти.

– Наверное, полководца звали Батый или Чингис, – предположил Федор Андреевич. – Других великих завоевателей среди кочевников я что-то не припомню.

– Тамерлан, – напомнил Николай Эрнестович. – А еще Бабур, основатель династии Великих Моголов.

– Да, но они не кочевники, – возразил Кутергин. – Один правил в Самарканде, а другой – в Фергане. Вряд ли князек ведет свой род от военачальников оседлых народов.

– Наверное, – согласился Матвей Иванович. – Знаете, как они меряют богатство? Лошадьми! Видели соболю шапку Масымхана? Она стоит несколько десятков лошадей...

Проходили день за днем. Экспедиция двигалась на юго-восток, и природа вокруг постоянно менялась – свежие краски степи поблекли, уступая желто-серому однообразию песка. Ветер стал горячим, словно дыхание раскаленной печи, и жаркий воздух струился над вершинами холмов, как призрачное колеблющееся покрывало, за которым, скрываясь от глаз людей, кривляясь и гримасничая, танцевали бестелесные духи пустыни. О них рассказывали сопровождавшие русских нукеры шепотом, добавляя: тот, кто увидит их, сойдет с ума или умрет от страха.

Кутергин постоянно делал короткие остановки, определялся на местности и сверялся с картами, снятыми ранее побывавшими в этих неприветливых местах офицерами-картографами. Ему помогали фон Требин и солдаты. Казаки смотрели на них со снисходительными улыбками – рисование песков на бумажках казалось им заумной блажью господ офицеров из петербургских штабов. Любой станичник ориентировался в бескрайней степи, как во дворе своего дома, и поэтому плохо понимал, зачем нужно тратить столько времени и сил на то, что каждый из них уразумел с малолетства, чуть ли не впитав с молоком матери. Нукеры, как все степняки, отличались крайним любопытством, хотя тщательно скрывали это, но вскоре и они потеряли интерес к занятиям Кутергина и его солдат. Ничего угрожающего в непонятных действиях русских киргизцы не увидели. Им даже не было смешно. Но, самое главное, тут не пахло злым колдовством, и кочевники успокоились.

После нескольких долгих утомительных переходов экспедиция, наконец, вышла к реке. Казаки начали ладить «салы», готовясь к переправе. Надули пустые бурдюки, привязали к ним пучки камыша, прикрепили утлые плотки к хвостам лошадей и погрузили на них седла, оружие и одежду, а сами остались в чем мать родила. Серо-желтые воды равнодушно приняли плывущих и позволили им без потерь перебраться на другой берег. Нукеры прикрывали переправу. На следующее утро они распрощались с русскими и отправились в обратный путь.

– Не нравится мне все это, – проводив их взглядом, заметил хорунжий. – Не зря их Масымхан посылал.

– Тебе не дает покоя патрон? – тихо спросил Федор Андреевич.

– Да нет, – протянул Денисов. – Ломаю голову: отчего князек не открылся до конца? Что-то он знает, но молчит!

– Не мучайся сомнениями, Матвей Иванович, – посоветовал фон Требин. – Азиаты они и есть азиаты. Смотрите, кругом ни души!

Хорунжий только угрюмо хмыкнул. Здесь начинался практически неведомый европейцам край древних караванных троп, редких колодцев и неожиданных набегов воинственных текинцев. Здесь люто казнили отступников: зашивали их в сырые бараньи шкуры и обрекали на мучительную смерть от зноя и разъедающих тело ненасытных червей. Здесь гулял по просторам ветер-афганец и солнце иссушало тело человека, а ночь пронизывала холодом до костей и заставляла с нетерпением ждать утра. С восходом все начиналось сначала...

На дневке Кутергин обсудил с Денисовым и фон Требиным дальнейший маршрут: предстояло проверить несколько колодцев, взять пробы почвы, снять местность на карту и отыскать удобные места для переправы через реку. Но это уже на обратном пути, а сейчас главное – вода!

– Понятно. – Матвей Иванович сдвинул лохматую папаху на затылок и принялся разглядывать карту капитана, похожую на весьма схематичный рисунок местности: неточный, сделанный в приблизительном масштабе, зато ориентированный по странам света.

– К этим колодцам я доведу. – Хорунжий указал на несколько точек. – Но тут не все отмечены, есть и другие.

– Ты знаешь к ним дорогу? – поинтересовался Федор Андреевич.

– Найдем, – кивнул казак. – В общем, помотаться придется.

– Ничего, справимся. – Николай Эрнестович растянул в улыбке запекшиеся губы. – И дальше пройдем.

– Не люблю загадывать, – отрезал хорунжий.

Теперь движение экспедиции замедлилось: много внимания уделяли съемкам местности. Рутинное однообразие пейзажа и нелегкой работы утомляло, однако люди не сдавались.

В один из дней, абсолютно ничем не отличавшийся от других, дозорные казаки сообщили, что видели всадника с заводными лошадьми: промелькнул далеко в стороне и скрылся. Денисов дотошно расспросил дозорных и заключил, что это кто-то из местных: для них проделать даже четыре сотни верст по пескам – обычное дело. Однако почему текинец не отправился в пустыню на верблюдах?

День спустя сомнения разрешились: дозорные привели в лагерь давешнего всадника. Он ехал на поджаром ахалтекинце. У седла в чехле висело ружье. На него капитан взглянул с особым интересом, но тут же опытным взглядом определил – это не винтовка. Лицом всадник чем-то напоминал галку – носатый, с широким тонкогубым ртом, скрытым черными усами и короткой бородой. Едва увидев его, Матвей Иванович усмехнулся.

– Здорово, Нафтулла!

– Салам, Денис-бала. – Нафтулла спешился, снял тельфек и обнажил бритую голову, прикрытую засаленной тюбетейкой. Поклонился русским офицерам, как заведенный повторяя: – Садам алейкум, салам!

– Ты чего за нами тянешься? – прямо спросил хорунжий.

– Ай, не нужно сердиться. – Нафтулла в притворном испуге выставил перед собой ладони. – Земля принадлежит не тебе, а Аллаху! И он позволяет каждому ехать куда вздумается.

Кутергин прислушался к его голосу: интонации азиата показались Федору Андреевичу знакомыми. Точно, этот человек говорил с ним ночью в форте.

– Он просился ехать с нами, – шепнул капитан казаку.

Словно подслушав, Нафтулла на ломаном русском языке начал путано объяснять, что он бедный мелкий торговец и разбойники могут разорить его, отобрав товар. Разные племена и роды враждуют между собой, и им ничего не стоит обидеть одинокого путника. Хорошо, если только ограбят, но вдруг убьют? А на казаков Дениса-бала никто не решится напасть. Поэтому Нафтулла и держался поближе к ним. Напрасно русские подозревают его в чем-то недостойном: он никогда не замышлял против них дурного.

– Зарекалась ворона говно клевать, да все никак мимо пролететь не может, – заключил хорунжий.

Станичники дружно заржали, Кутергин и фон Требин тоже не удержались от улыбок: азиат действительно внешне очень походил на ворону. Не понимавший причины их веселья Нафтулла заискивающе заглядывал в лица офицеров и тоже улыбался, хотя ему было совсем невесело: отпущенные Имамом две луны истекали!

– Прилипнет теперь, как смола, – сердито сплюнул Кузьма Бессмертный. – Я его поганые повадки знаю: ни в жисть не отвяжется.

– Ладно. – Капитан махнул рукой. – Пусть, если так хочет, едет за нами. Когда-нибудь это ему надоест.

– Ага, – поддакнул Денисов. – Все высмотрит и наведет кого...

– Так что же нам, убить его? – возмутился фон Требин. – Тогда уж точно никому ничего не скажет.

– Николай Эрнестович прав, – поддержал его Кутергин. – Не убивать же его в самом деле?

– Как знаете, а по мне так лучше порешить, – глухо ответил Денисов.

– Ну, знаете ли, Матвей Иванович! – Фон Требин даже задохнулся от негодования, но под взглядом капитана сдержался и замолчал.

Хорунжий мрачно поглядел на него и дал знак казакам отпустить Нафтуллу. Азиат кланялся офицерам и благодарил, потом прыгнул на ахалтекинца, взял повод заводных лошадей, нагруженных тюками, и выехал из маленького лагеря русских. Проезжая мимо Федора Андреевича, он неожиданно обернулся к нему:

– Денис-бала не верит. А ты верь! Ты и я один кисмет!

Когда он скрылся в песках, капитан окликнул урядника Бессмертного:

– Кузьма! Скажи-ка, что означает у местных словечко «кисмет»?

– Кысмэт? – на манер степняков повторил казак. – А это у них так называется судьба...

Все случилось неожиданно, ранним утром, когда уже растаяли пряные ароматы ночи и солнце успело растворить в своих лучах краски земли, сделав ее бесцветной. С ног до головы покрытые пылью, два казака передового дозора вымахали на гребень бархана, и тут же хлопнул выстрел. Сипя простреленной грудью, один из дозорных начал сползать с седла, а другой не стал ждать следующего выстрела, развернул жеребца и помчался назад. Он привстал на стременах, сорвал с головы лохматую папаху и, размахивая ею, на всем скаку заорал:

– Эгей, эй-эгей!

В погоню за ним полетели десятка полтора конных, беспорядочно стреляя из ружей и размахивая сверкавшими кривыми клинками.

Казаки в мгновение ока расчехлили ружья и дали ответный залп, разом выбив из седел половину нападавших, потом рванули из ножен тяжелые шашки. Пригнувшись в седлах и опустив руки с клинками вниз, чтобы затекли они злой горячей кровью для смертельного удара, станичники развернулись полумесяцем жидкой лавы. На коне да во поле казака не тронь! Кочевники давно знали, что в открытом бою один казак стоил десятка и взять жизнь этих осторожных и смелых всадников можно только хитростью. Горе тому, кто не знал этого!

Дрогнула прокаленная зноем земля под копытами коней. Окружить и вырубить басурманов до единого! Пластать их острой шашкой, до боли в плече, до багровой темноты в глазах.

– Ур-р-а-а-а!..

Федор Андреевич, поддавшись общему порыву, тоже выхватил подаренную Масымханом саблю и пустил коня в галоп. Рядом, размахивая шашкой, скакал бледный фон Требин. Кутергин оглянулся: как там Епифанов с Рогожиным? Солдаты уже примкнули к ружьям штыки и на всякий случай разворачивали повозку. Позади них на дальнем бархане темнел силуэт всадника на высоком тонконогом коне. «Нафтулла», – понял капитан.

Враги повернули коней и скрылись за барханом, оставив убитых валяться на песке. Перевалив через гребень холма, Кутергин увидел небольшой караван и скакавших навстречу казакам всадников в пестрых одеждах. Привстав на стременах, они крутили над головами саблями, раздирая рот в крике:

– Алла-а-а...

С лязгом и воплями конные сшиблись. Фон Требин тоже устремился в беспорядочную, как ему показалось, сумасшедшую схватку. На миг рядом промелькнуло лицо Денисова с налитыми кровью выпученными глазами, и он услышал злой окрик:

– Не ломай строй, мать твою!..

«Какой строй?» – подумал Николай Эрнестович. Какой тут строй, если здесь рубят налево и направо, отражая удары и вертясь в седлах, как на карусели? Хрипели и кружились под взбешенными седоками взмыленные кони. Все смешалось: свои и чужие.

На поручика наскочил молодой азиат с тонкими усами на узком смуглом лице. Короткий замах саблей – и Николай Эрнестович ощутил тупой удар по голове. Боли не было, только солнце вдруг показалось черным и неестественно большим – оно неимоверно расширилось, стало величиной во все небо, а в середине его открылась мрачная бездна и помимо воли фон

Требина втянула его в себя, словно всасывая, как невесомую пушинку. Поручик хотел вцепиться в гриву коня и закричать, но силы покинули его, и он полетел в эту бездну, растворяясь в ней...

Федор Андреевич увидел, как сползал с седла окровавленный Николай Эрнестович, и сам налетел на тонкоусого. Высекая синеватые искры, скрестились их клинки. Азиат оказался проворным и ловким. Кутергин едва поспевал отбивать его удары: они градом сыпались один за другим, быстрые, безжалостные. Срубить гяура с серебряными украшениями на плечах, и пусть его душа провалится в ад!

Тонкоусый попробовал достать капитана сбоку, но тот парировал выпад и, разгадав тактику азиата, сам начал атаковать. Через несколько мгновений лицо тонкоусого покрылось пепельной бледностью, которую не мог скрыть даже темный загар. Он понял: перед ним мастер клинка. Сабля Кутергина змеей скользнула к груди противника в коварном прямом выпаде, особенно трудном в конном бою. Но азиат сумел извернуться и отбил удар. Он дико завопил и с непостижимой ловкостью вскочил ногами на седло. Держа саблю обеими руками, тонкоусый обрушил ее на капитана, намереваясь разрубить того до седла.

Прикрывая голову, Федор Андреевич бросил свой клинок навстречу чужому. Но внезапно рука, сжимавшая дареную саблю, стала странно легкой, и тут же плечо пронзила острая боль. Скосив глаза, Кутергин увидел: сабля Масымхана переломилась пополам! Однако клинок азиата все же удалось отбросить, и он угодил точно в пряжку португепи на правом плече. Боль быстро распространялась вниз по руке, и пальцы отказывались служить.

Капитан быстро перебросил обломок сабли в левую руку и отчаянно рванулся вперед. Противник, сидя уже в седле, вновь замахнулся и собрался нанести последний удар. Кутергин нырнул под его руку и со всей силой вогнал обломок в правый бок азиата, всадив его по самую рукоять.

– А-а! – взвыл тонкоусый, и перед глазами Федора Андреевича молнией сверкнул его булат.

«Господи, да что же это? – с суеверным ужасом подумал капитан. – Неужто у него две жизни? Просто смерть с косой!»

Но тут азиат обмяк, из горла у него широкой струей хлынула кровь, и он рухнул под копыта коня. Кутергин подхватил его саблю и бросился в сечу.

Вокруг все вертелось в смертельном танце: храпели и кусались кони, высекали искры клинки, всадники в седлах отклонялись в стороны, откидывались на лошадиный круп, пригибались к гриве, наносили и отбивали удары. Денисов наседали на рослого темнолицего азиата в красном халате. Видно было, что тот уже устал: вот он на мгновение замешкался и над ним взметнулась тяжелая казачья шашка. Темнолицый успел закрыться, но русская сталь шутилась расправилась с мусульманской – резко опустившись на стремянах, Матвей Иванович с потягом рубанул по пыльной синей чалме...

Казалось, схватка продолжалась вечно, но на самом деле все закончилось довольно быстро. Кутергин успел навсегда ссадить с седла еще одного противника и вдруг обнаружил: биться больше не с кем. Казаки плотным кольцом окружили трех оставшихся в живых иноверцев. В центре на покрытом красивой попоной верблюде сидел седобородый старик в белых одеждах – он безучастно смотрел поверх голов сражавшихся, словно происходящее его ничуть не касалось. Позади него, странно согнувшись, сидел молодой мужчина, тоже одетый в белое. В отличие от старика, он настороженно вертел головой, с опаской поглядывая по сторонам. А вокруг верблюда чертом вертелся воин в красном бешмете и огромной белой папахе: он бешено размахивал саблей, не давая никому приблизиться.

Опустив оружие, казаки мрачно наблюдали за ним, отступая на шаг или два, когда он слишком приближался. Потом кто-то хихикнул, за ним другой, и вскоре все станичники хохотали, сбрасывая нервное напряжение кровавой схватки.

- Эй, брось шаблюку! – с притворной строгостью приказал один из казаков.
- Пупок надорвешь махамши, – поддержал второй.
- Всех мух разогнал, – смеялся третий. – Брось, не тронем!

Казаки то отступали от яростно наскакивавшего на них азиата, то вновь сжимали круг. Некоторым уже наскучило это занятие, и они спешили, осматривая лошадей и вытирая окровавленные клинки. Судьба оставшихся в живых противников их не занимала: пусть ее определяют офицеры.

Неожиданно сидевший на верблюде молодой мужчина улучил момент, когда воин в папахе оказался рядом, и с силой ударил его ногой в висок. Сабля выпала из ослабевших пальцев, и азиат рухнул как подкошенный. Удивленные казаки подошли ближе – воин был мертв. Станичники стащили мужчину с верблюда и увидели, что его руки стянуты сыромятными ремнями.

– Не трогать его! – приказал Федор Андреевич. Плечо у него припухло, и пульсирующая боль отдавалась даже в кончиках пальцев. Казалось, рука онемела, каждое движение давалось с трудом, хотя следов крови не было видно нигде.

– Поручика насмерть, – глухо сказал подъехавший Денисов. – Откуда только эти черти свалились?

Ответить капитан не успел – из плеча боль вдруг стрельнула в шею и затылок, да так сильно, словно с размаху хватили обухом по голове. Замутило до тошноты, и стало темно в глазах. Цепляясь за жесткую гриву коня, Кутергин сполз с седла, рухнул на прокаленный солнцем песок и потерял сознание...

– Клинок башку задел, а он в горячке не почуял. Во, какую дулю набил!

Федор Андреевич с трудом открыл глаза. Его голову поддерживал унтер Епифанов, а Денисов, стоя на коленях, плескал капитану в лицо тепловатой водой из баклажки. Рядом хлопотал урядник Бессмертный: с видом заправского эскулапа он щупал плечо Кутергина. Именно голос Кузьмы и прорвался к Федору Андреевичу сквозь мрак беспомощности.

– Прошу извинить, господа! – Капитан приподнялся на локте, но боль заставила его снова растянуться на песке.

– Очнулся? – Матвей Иванович заткнул баклагу. – Слава богу! Вишь ты: басурман тебе голову задел. Мне бы сразу понять, как увидел тебя без фуражки.

Кутергин с трудом поднял левую руку и ощупал затылок: с правой стороны набухла огромная шишка, покрытая корочкой запекшейся крови. В пылу сабельной рубки он даже не почувствовал, как получил удар по голове и потерял фуражку.

– Ваш высокородь, встать сможете? – Епифанов с тревогой заглянул ему в лицо.

– Попробую. – Капитан с помощью унтера сел и осмотрелся.

Неподалеку стоял молодой мужчина в белом. Рядом с ним, прямой как палка, застыл старик. За их спинами, кося любопытным черным глазом, медленно прохаживался Нафтулла.

«Прилетел, как стервятник», – подумал Кутергин.

– Сколько людей потеряли? – спросил он у Денисова.

– Пять. Одного сразу подстрелили, троих срубали, еще один кончается: грудь пробита. Да поручик еще. Двое ранено.

– Шесть убитых, – подвел итог капитан. – А этих, разбойничков?

– Тридцать семь было, а с теми, – хорунжий показал плетью на старика и мужчину, – тридцать девять.

– Почти без потерь. – Федор Андреевич попытался встать, но не смог.

– Сиди уж. – Матвей Иванович зло сплюнул набившуюся в рот пыль. – Это у вас там, в петербургских академиях, так потери считают. А у меня казаки с одной станицы! Понял?! Как я дитям ихним в глаза глядеть буду, когда возвращусь? – Он все больше распалялся и почти

кричал: – Они почему со мной охотой идут? Считают, удачлив я... Может, оно и так, да только я в первую голову казака берегу, человека в нем вижу, односума своего, а не нижнего чина.

Денисов сердито хлопнул плетью по голенищу сапога, тяжело вздохнул и уже спокойнее добавил:

– Поручик давеча строй поломал, хорошо, ты подросел, а то бы...

– Прости его, Матвей Иванович. Он о подвиге мечтал. О мертвых плохо не говорят.

– Во-во. – Хорунжий покрутил головой. – Подвиги, ордена! Война жизнь дарит – вот высшая награда! Да ладно, чего там, у станичника душа на конце сабли держится.

В стороне несколько казаков с помощью Рогожина, привычно орудовавшего лопатой, пашками рыли могилу, отгребая песок руками. В стороне рядом лежали тела убитых – мусульман и православных. Смерть примирила их, и необъятная пустыня готовилась вместе упокоить недавних врагов.

– Они поодиночке хороши. – Денисов кивнул на мертвых басурман. – Но куда им против казака? Строят не знают, и выучка не та... Ладно, чего со стариком и парнем делать?

– Расспросить надо. – С помощью Епифанова капитан поднялся и стоял, пошатываясь как пьяный. – Может, это следы их каравана видели нукеры Масымхана?

– Не, у них винтовок не было, – мрачно сообщил хорунжий. – Наверное, еще какой шайтан бродит. А старик-то слепой!

Опираясь на Акима, капитан вместе с Денисовым подошел к пленным. Следом устало плелся Кузьма Бессмертный. Федор Андреевич поискал глазами Нафтуллу – здесь он еще или уже исчез? Нафтулла был здесь. Держась на расстоянии от русских, он вытянул шею, стараясь получше увидеть происходящее и надеясь уловить хотя бы обрывки разговора. Кутергин решил не обращать на него внимания: шут с ним, пусть болтается.

Услышав шаги, слепец повернул к офицерам загорелое, с тонкими чертами лицо и пригладил ладонями длинную седую бороду. Молодой мужчина что-то шепнул ему, и старик важно кивнул в ответ.

– Кто вы? – спросил Федор Андреевич, и Денисов перевел его вопрос на язык кочевников. Старик молчал.

– Кто вы? – повторил капитан на арабском.

Старик изумленно поднял брови, а его молодой спутник впился глазами в лицо русского, словно тот возник перед ним, как сказочный джинн из лампы Аладдина.

– Ты не араб. – Голос у старика был низкий, звучный, с повелительными интонациями.

– Да, я не араб, – согласился капитан, – но кто вы?

– Искатель истины. – Старик ощупью нашел плечо молодого мужчины и положил на него руку. – Это мой сын. Прошу вас: не нужно нас мучить. Лучше сразу убейте.

Федор Андреевич перевел Денисову слова старика, и хорунжий недоуменно пожал плечами: бред какой-то!

– Мы не собираемся вас мучить и убивать, – заверил капитан. – Почему ваши люди напали на нас?

– Они не подчинялись мне. – Слепец покачал головой. – Так же, как и моему сыну.

– И все же, кто вы? – Федор Андреевич твердо решил добиться своего. – Откуда направлялись и куда шел ваш караван?

– Тебя интересует мое имя, из какого я племени и род моих занятий? Или что-то другое? – Старик крепче стиснул плечо сына.

– Я хочу знать, кто вы? – упрямо повторил капитан: увливания старика начинали раздражать его. К тому же Кутергин не настолько хорошо владел арабским, чтобы соревноваться со слепцом в витиеватостях, помогающих ускользнуть от прямого ответа.

– Мое имя тебе ничего не скажет, а если я солгу, ты все равно не узнаешь правду. Шли мы издалека, а куда направлялись, теперь не имеет значения. Позволь мне спросить, чужестранец: кто ты и твои люди? Мой сын сказал, вы не похожи на правоверных.

– Я русский офицер, а мои люди – солдаты и служивые казаки.

– Русские? – Слепец был явно озадачен. – И среди вас нет ни одного мусульманина? Сын сказал мне, что есть!

Федор Андреевич не сразу понял, о ком говорил старик. Недоуменно оглянувшись, он вдруг наткнулся взглядом на черные холодные глаза Нафтуллы: поджав ноги, он сидел на песке и выклянчивал у казаков какую-то вещь убитого караванщика. Наверное, сын старика имел в виду именно его?

– Этот человек пристал к нам, опасаясь за свою жизнь и товар. Почему он вас интересует?

Слепец не ответил. Его лицо стало непроницаемо-отчужденным, словно он прислушивался к одному ему слышимому звуку. Его сын тоже молчал. Денисов нетерпеливо щелкнул плетью:

– Время идет, капитан! Солнце уже вон где, людям надо отдых дать, и рану твою не грех как следует осмотреть.

Казаки похоронили убитых и насыпали над могилкой небольшой холмик: скорее по привычке и следуя обычаю, чем надеясь, что он сохранится, – ветры и зной быстро заровняют его и скроют все следы.

– Эй, Денис-бала! – неожиданно подал голос Нафтулла. – Тут недалеко старая заброшенная крепость. Урус-тюра ранен, пойдем туда. Я покажу.

– Крепость? – Матвей Иванович обернулся к Кутергину. – Рискнем? Хотя и глиняные, а стены и крыша над головой. А старика и его сынка возьмем с собой. Там с ними и разберемся. Не бросать же их в пустыне?

Федор Андреевич вяло кивнул: его познабливало, голова разламывалась от боли, губы спекало внутренним жаром. Он позволил Епифанову увести себя и уложить в повозку на попоны. Старика и его сына вновь усадили на верблюда. Казаки собрали оружие убитых и поймали разбежавшихся лошадей. Впереди, показывая дорогу, ехал на своем ахалтекинце Нафтулла.

К заброшенной крепости добрались в сумерках. Кутергин оперся на локоть здоровой левой руки и выглянул из повозки. Сквозь застилавшую глаза багровую муть боли он увидел неровный прямоугольник полузанесенных песком потрескавшихся глиняных стен, низкие строения с темными провалами окон и круглую башню, казавшуюся на фоне полыхавшего заката черным пальцем, устремленным в темнеющее небо. Капитан хотел спросить, есть ли там вода, но перед глазами поплыли радужные круги, в ушах зазвенело, и Федор Андреевич потерял сознание.

Он уже не чувствовал, как Епифанов и казаки бережно сняли его с повозки и понесли полутемными переходами. Кутергину казалось в бреду, что он все еще скачет на коне, размахивая саблей, но лошадь вдруг сбросила его прямо в зыбучие пески. Нещадно палило солнце, и чужие кони вбивали упавшего в пыль, топча тяжелыми копытами...

– Федор Андреич! Федор!

Капитан с трудом вынырнул из липкого забытья и разлепил тяжелые веки. Словно из тумана выплыло бородатое лицо. Нестерпимо ярко блеснула серьга в ухе. Лицо качалось, исчезало и появлялось вновь. Кто это, Денисов?

– Где я?

– Слава те, Господи! – Матвей Иванович перекрестился. – На-ко вот.

Хорунжий поднес к губам капитана пиалу с бульоном. Федор Андреевич жадно выпил его и откинулся на попоны. Плечо болело, к горлу подкатывала тошнота, стены глинобитной лачуги качались перед глазами.

– Попей еще. Казаки охотились, свежатинки сварили. Нафтулка колодец указал. Почистили, ничего, идет потихоньку водица.

«Наверное, забили трофейного коня, – понял Федор Андреевич, – а про охоту он мне, как говорится, арапа заправляет, чтобы не побрезговал».

– Не могу. – Капитан горячими потными пальцами вцепился в рукав чекменя хорунжего. – Ты сумку мою возьми. Там все бумаги и адрес родителей в Москве.

– Брось! – Денисов легко высвободился. – Лечить будем. Слышь, слепой-то – знатный лекарь. И сынок его тоже. Раненые казаки уже на ногах.

– Откуда ты узнал, что он врач? – удивился Федор Андреевич. Неужели Матвей Иванович в одночасье научился понимать по-арабски, или старик знал язык степняков, но скрывал это?

– А на пальцах объяснились, обыкновенное дело, – усмехнулся хорунжий. – Сынок увидел, как станичники маются, и знаками показал: мол, хочет помочь. Пусть и тебя поглядят: при мне, полагаю, остерегутся худо сделать.

– Как знаешь... – Кутергин вновь провалился в забытие.

Очнувшись, он почувствовал на лице сухие крепкие пальцы. Они проворно ощупали лоб, чуть задержались на висках, чутко поймали биение жилки, потом скользнули по векам, носу, потрогали усы, запекшиеся губы, коснулись заросших щетиной щек и подбородка. Федор Андреевич открыл глаза и увидел старика, стоявшего на коленях перед его постелью. Сын светил ему факелом, а в стороне, настороженно наблюдая за лекарями, устроились Денисов и урядник Бессмертный.

– Ты должен слышать меня, – по-арабски сказал старик. – Я хочу осмотреть раны. Пусть твои люди не мешают.

– Матвей Иваныч! – позвал капитан. – Не мешайте ему.

Бормоча непонятные слова – то ли молитвы, то ли заклинания, – слепец с помощью сына снял с раненого мундир, осмотрел опухшее плечо и вдруг с неожиданной силой резко дернул Кутергина за руку. У Федора Андреевича потемнело в глазах, и он вскрикнул, но тут же почувствовал: боль уходит! На лбу выступила испарина, и лекарь удовлетворенно улыбнулся:

– Хорошо!

Денисов и урядник вскочили, но, увидев на лице капитана слабую улыбку, успокоились. Тем временем старик снял повязку с головы Федора Андреевича и провел пальцем по черному сгустку запекшейся крови. Сын подал ему шкатулку. Слепец открыл ее, достал хрустальный флакон и смочил кусок чистой тряпки остро пахнущей жидкостью. Протер сгусток и что-то шепнул сыну.

– Нужно крепкое вино, – на ломаном французском сказал тот.

Кутергин онемел от изумления: сын слепца говорит по-французски? Ничего себе, парочка! Кто же они, откуда?

– Скажите Епифанову, пусть даст бутылку коньяку, – попросил капитан. Сейчас важно встать на ноги, а все вопросы он задаст потом.

Быстро принесли коньяк. Открыли бутылку, подали старику. Тот понюхал напиток, попробовал его на вкус и довольно прищелкнул пальцами.

– Пять дней! – Он показал растопыренную пятерню. – И ты сядешь на коня!

Его сын согласно кивнул и плеснул в пиалу коньку. Слепец открыл шкатулку: появились маленькие узелки, сверточки и склянки с неизвестными снадобьями. По щепотке и крупинке добавляя их в спиртное, лекарь постоянно перемешивал его, пока в пиале не получилась зеленовато-черная каша с терпким, горьковатым запахом. Обмазав ею шишку на голове раненого, он дал ему выпить какой-то порошок и заявил, что вместе с сыном останется у постели больного.

– Ладно, – подумав, согласился Денисов. – Кузьма тоже посидит.

Кутергина быстро сморил сон, а проснувшись, он увидел сидевших рядом слепца и его сына. Поодаль, положив на колени шашку, клевал носом урядник.

Федор Андреевич прислушался к своим ощущениям и с радостью отметил: плечо не болит, можно двигать рукой. Головокружение исчезло, стены лачуги перестали расплываться перед глазами, и хотелось спать, просто зверски хотелось спать и есть.

– Тебе нужно выпить немного вина и съесть много мяса, – помогая ему сесть, сказал сын старика. – Потом снова спать!

– Сколько я лежу? – спросил капитан.

– Четвертые сутки, – последовал бесстрастный ответ...

На следующий день Федор Андреевич, опираясь на плечо Епифанова, вышел во двор. Немного посидел на солнышке и пожелал осмотреть крепость. Впрочем, осматривать оказалось нечего – остатки разрушенных стен, башня с обвалившейся кровлей и несколько длинных строений с запутанными переходами, неожиданно заканчивавшихся глухими тупиками или тесными каморками. Все окна-щели обращены внутрь двора с древним каменным колодезем, около которого Денисов поставил часового. Вода означала жизнь, а жизнь здесь была, как та вода – солоноватая, словно с привкусом крови.

Над желто-белыми развалинами ярилось солнце. Люди и кони прятались в тени старых стен. Какой народ их построил, почему оставил укрепление, когда и куда ушел? Нет ответа.

Поискав глазами Нафтуллу, капитан нигде не увидел его. Аким охотно объяснил:

– Ушел Нафтулка. Уже третий день как ушел. Только старик раненых принялся лечить, он и собрался. Некогда, говорил.

Кутергин пожал плечами: кто поймет азиатов? То ему страшно одному ехать через пески, а то некогда. Задумываться над странностями торговца не хотелось, и Федор Андреевич подошел к маленькому костру, у которого сидели слепой старик и его сын.

Казавшиеся бесцветными в ярком солнечном свете языки пламени лизали медный кувшин. Слепец и его сын пили чай из маленьких фарфоровых чашечек. Испросив разрешения присоединиться к ним, капитан сел на песок, и сын старика с поклоном подал ему чашку с чаем.

– Так куда же вы шли? – выдержав паузу, спросил офицер.

– Далеко, в Северную Индию, – негромко ответил старик.

– Станный вы избрали маршрут, – усмехнулся Кутергин.

– Может быть, единственный из оставшихся. – Слепец спрятал в ладонях маленькую чашечку. – А ты знаешь караванные пути?

– Я приехал сюда рисовать землю на бумаге, делать карты, по которым можно найти дорогу без местных проводников.

– Значит, ты ученый? – уточнил старик. – Но ты же и воин? Или не так?

– Так, – согласился Федор Андреевич. – Любой грамотный военный должен быть еще и ученым. И не переставать учиться, чтобы уметь побеждать.

– Как твоя голова? – Слепой лекарь неожиданно переменял тему.

– Спасибо, значительно лучше.

Старик кивнул и погрузился в свои мысли. Его сын молча пил чай, словно разговор отца с русским офицером его совершенно не касался.

– Чем я могу отблагодарить вас за лечение? – нарушил затянувшееся молчание капитан.

– Ты еще не выздоровел окончательно, – усмехнулся слепец, – и кто знает, вдруг позже ты проклинать будешь тот день и час, когда встретился с нами? Поэтому не спеши с благодарностью.

– Ты говоришь загадками.

– Вся жизнь на земле – загадка. – Старик протянул чашечку сыну, и тот наполнил ее чаем. – Мусульманин, который был с вами, ушел?

– Да, – подтвердил Федор Андреевич. – Почему вы все время спрашиваете о своих еди-
новерцах? Опасаетесь их?

– Правильнее сказать: не доверяем, – ответил сын старика. – Среди мусульман нет един-
ства, и многие из нас идут путями своей веры.

«Религиозные разногласия». – Кутергину сразу стало скучно: Он знал, что ислам делился
на две большие ветви: суннитов и шиитов, а еще существовало множество сект. Влезать в дебри
толкований Корана не хотелось, да и слабое знание языка не позволяло. Одно – поддерживать
бытовую беседу, и совсем другое – вступать в теософские споры.

– Ты знаешь, где он сейчас? – вкрадчиво поинтересовался слепец.

– Нет, – сразу поняв, что речь о Нафтулле, честно ответил Федор Андреевич. – У нас с
ним нет ничего общего.

– Время покажет, – протянул старик. – Иди, тебе нужно отдохнуть.

Судя по всему, он не намеревался продолжать беседу. Капитан встал, поблагодарил за
чай, подозвал Епифанова и пошел к себе.

Поздно вечером, уже без посторонней помощи, он вновь выбрался на улицу. Старик и его
сын опять сидели у костра и пили чай. Днем слепой лекарь наложил свежую повязку, дал Кутер-
гину выпить каких-то снадобий. Лихорадка больше не возвращалась, опухоль на плече спала,
и рука действовала нормально – наверное, хорошо помогли тонкие золотые иголки, которые
старик втыкал в тело. Поначалу Федор Андреевич воспринял столь необычный способ лечения
с опаской, но потом успокоился.

Русского офицера все более и более интересовал слепой восточный врач, неведомыми
судьбами занесенный в дикие края, лежавшие вдали от караванных троп, селений и городов.
Какие ветры сорвали его с насиженных мест и погнали вместе с сыном в дорогу через огромные
пространства? Какие тайны несет он в своей душе?

– Мы не закончили разговор, – присев у костра, сказал Федор Андреевич.

– Ты видишь звезды? – Слепец поднял лицо к небу. – Они рождаются и умирают, как
люди, но век человека много короче. Зато он тоже живет среди ледяной пустыни, в мире зла
и насилия.

Капитан слегка поворошил кизячный костерок. Небольшой сноп искр взметнулся к небу.
Неожиданно его прочеркнула тонкая быстрая тень, и в глинобитную стену над головой Кутер-
гина что-то глухо стукнуло. Обернувшись, он с удивлением увидел длинную стрелу – к ее
еще дрожавшему от удара древку шнурком была привязана записка. Федор Андреевич обо-
рвал шнурок, развернул бумажку и при слабом свете тлеющих углей прочел: «Русский! Оставь
Шейха, его сына и уходи! Срок: два дня».

Кутергин смял бумажку и недоуменно пожал плечами: чушь какая-то! Но тут же распра-
вил ее и поднес ближе к свету: да, он не ошибся! Среди дикой пустыни грубая стрела принесла
в развалины древней глинобитной крепости записку на французском языке!..

– Они предупредили тебя? – Это был даже не вопрос, а горькое утверждение.

Федор Андреевич обернулся – старик сидел неестественно прямо, уставившись незря-
чими глазами в огонь, и напряженно ждал ответа.

– О чем ты? – Кутергин попытался изобразить недоумение, надеясь выиграть время: сна-
чала надо переговорить с Денисовым.

– Не лги. – Слепец предостерегающе поднял руку. – Слух давно заменяет мне зрение:
слышал же я стук стрелы и шорох бумаги. Слышал, как участилось твое дыхание, И здесь мой
сын, а он не слепой. Я догадываюсь, что они написали тебе.

– Кто они?

– Кто? Ты еще молод и не понимаешь, что ткань жизни тоньше кисеи. Вправе ли я бросить
тяжкий камень своей тайны на ткань твоей жизни? Скажи, они назначили срок?

– Да, два дня, – вынужденно признался капитан.

Старик притянул сына ближе к себе и о чем-то пошептался с ним. Потом обернулся к русскому:

– Ты должен сделать выбор. Оставшись здесь или взяв нас с собой, ты подвергнешь серьезной опасности себя и своих людей.

– Казаки храбрые и умелые воины, – ответил Федор Андреевич.

– Их очень мало, – вступил в разговор до того молчавший сын старика. – Пусть каждый из них герой, но их горсть!

– За этой горстью стоит могучая Держава! – запальчиво возразил Федор Андреевич.

Слепец горько усмехнулся и осуждающе покачал головой.

– Еще не было на свете государства, которое дорожило бы каждым своим подданным. Я слышал, много лет назад персидский шах подарил вашему царю алмаз за жизнь посла. А за вас вряд ли хоть что-то заплатят: вы просто бесследно исчезнете в пустыне.

Федор Андреевич подозрительно взглянул на старика – откуда ему известны подробности гибели русского посла Грибоедова? Кто же сидит перед ним: слепой мудрец врачеватель или?..

– Ты знаешь обычаи шахского двора?

– Дворы всех владык одинаковы. – Старик пренебрежительно махнул рукой. – Так же, как и придворные: они разнятся лишь внешне. Лучше иди и подумай, что делать. А еще лучше – немедленно уходи вместе со своими людьми и оставь нас на милость судьбы.

– Как решать, не зная, какая грозит опасность?

– Смерть! – ответил слепец.

Кутергину вдруг стало страшно. Казалось, в темноте за полуразрушенными стенами крепости притаилось нечто огромное, злое и безжалостное, готовое обрушиться на тебя и задушить: медленно, изуверски наслаждаясь твоими мучениями и затягивая агонию жертвы в садистском сладострастии. Дрожащими пальцами он расстегнул ворот рубашки и помотал головой, отгоняя дурные мысли: бред, мистика! Любая опасность зрима и осязаема! Ему ли, не раз бывавшему в бою, не знать этого!

– Ты не похож на человека, способного преступить закон, – сказал он старику.

– О каких законах ты говоришь? – вскинул голову слепец. – Есть законы светские, законы веры, законы природы, но не волнуйся: ни я, ни мой сын не преступили ни одного из них.

– Почему же тебя преследуют?

– Знания дают человеку не только силу, но и приносят страдания. Иди, урус, тебе нужно решать.

Капитан понял, что настаивать на продолжении разговора бессмысленно, и отправился к Денисову – стоило поделиться с ним новостями и посоветоваться, как быть. Пробравшись темными, запутанными переходами, он вошел в каморку Матвея Ивановича. Хорунжий не спал. Федор Андреевич присел на седло у покрытого попоной тюка, заменявшего стол, и молча протянул ему записку. Денисов повертел ее и вернул:

– Прости, но я в этой тарабарщине ни бельмеса!

Федору Андреевичу стало стыдно: зачем он обидел прекрасного человека? Мог бы догадаться, что хорунжий не знает французского! Так нет, совершил бестактность. Но... тогда получается, что из всех, кто находится здесь, французский знают только он и сын старика?!

– Это ты меня прости, Матвей Иванович!

– Ладно, – усмехнулся казак. – Дело говори.

Кутергин перевел записку и поделился своими сомнениями. Денисов слушал набывшись, тяжело глядя исподлобья. Потом уточнил:

– Что старик говорит? Кто за ним тянется, чьи людишки?

– Молчит, – развел руками Федор Андреевич. – Ждет нашего решения.

– Во-о-на, – протянул хорунжий. – Этого нам только недоставало! Оказывается, вот за кем охота идет, а я все голову ломал: зачем конные по пескам кружат? Значит, басурманы старика ловят? Убьют его, как пить дать, убьют! И сына тоже. Я азиатские замашки знаю.

– Нужно решать, – напомнил капитан. – Пусть они не христиане, но можем ли мы оставить их без защиты?

– Здесь Азия! – Денисов многозначительно поднял палец. – Сами того не зная, в серьезные дела вляпаемся!

Не договорив, он покрутил головой и зло сплюнул в угол каморки: новые проблемы его не обрадовали. Не надо было быть бабкой-гадалкой, чтобы предположить, какое решение примет Федор Андреевич. С одной стороны, казак всем сердцем готов приветствовать его, но с другой – весь его опыт и присущая пограничному жителю осторожность призывали к обратному – бросить старика и его сына на волю судеб и уходить! Уходить, чтобы вернуться в форт к назначенному сроку с данными для составления подробных карт.

– Если мы оставим их, степь и пустыня узнают: на русских солдат нельзя положиться, – тихо сказал капитан.

– Кто же расскажет? – вскинулся хорунжий.

– В первую голову те, кто убьет старика и его сына! Тем, кто придет после нас, будет трудно завоевать доверие местных жителей. И можем ли мы уронить свою честь?

Федор Андреевич встал и протянул Денисову руку, предлагая скрепить принятое решение рукопожатием и поддержать его:

– До конца, Матвей Иванович? Хорунжий помедлил, потом нехотя встал и пожал руку капитана:

– До конца, Федор Андреевич! Но выпроси у слепого, кто за ним гоняется и много ли у тех лихих людишек сабель? Без этого нам теперь никак!

– Хорошо, – согласился Кутергин. – Утром я с ним поговорю...

Обеспокоенный Денисов усилил караулы, однако ночь прошла спокойно, никто не потревожил русских. С первыми лучами солнца капитан был уже на ногах. Чувствовал он себя значительно лучше и решил немедленно поговорить со слепцом, но тот сам пришел к нему вместе с сыном и первым делом выполнил долг врача: осмотрел раны и сделал сеанс иглоукалывания. Когда процедура закончилась, Федор Андреевич послал Акима Епифанова за хорунжим, чтобы тот присутствовал при разговоре.

Матвей Иванович сел в сторонке, предоставив Кутергину вести беседу со стариком и его сыном.

– Мы вас не оставим ни при каких обстоятельствах, – сообщил капитан. – Но вам придется провести с нами длительное время, пока я буду изучать эту землю.

– Вы благородные и смелые люди. – Слепец встал и поклонился русским офицерам. То же самое сделал и его сын. – Скажи, что будет, когда ты закончишь свой труд?

– Предлагаю отправиться с нами за реку. Там кочуют племена, признающие власть нашего государя, и рядом – укрепления, с гарнизонами русских солдат. Вы можете достичь цели своего путешествия и окольным путем, а деньгами я постараюсь вам помочь.

– В средствах мы не нуждаемся. – Старик гордо выпрямился. – Я – шейх Мансур-Халим, а это мой сын Али-Реза. Мое имя знают в Магрибе и Леванте⁶, Туркестане и Индии. Я могу сам щедро отблагодарить вас.

Офицеры переглянулись: слепец – богатый шейх? Что за нужда загнала его в дикие пески?

– Нас захватили в плен фидои Имама исмаилитов, – продолжал шейх. – Именно с ними мы сражались в пустыне.

⁶ Магриб – западная, а Левант – восточная часть Северной Африки.

– Фидои? – переспросил хорунжий. – Что за птицы?

– Люди, обрекшие себя на смерть ради выполнения воли Имама, – объяснил Мансур-Халим. – Такие же фидои идут следом, и они не остановятся ни перед чем! Берегитесь!

– Они вроде мюридов Шамиля, – по-своему растолковал Кутергин, переводя ответ старика. – Крепостные духом и телом своего духовного наставника и выполняют его любые распоряжения.

Матвей Иванович помрачнел и ожесточенно почесал бороду, что служило у него признаком волнения и некоторой растерянности.

– Сколько у них сабель?

– Не знаю, – отрицательно мотнул головой Шейх. – Исмаилиты вообще предпочитают делать все тайно и скрывают принадлежность к секте, поэтому мы так опасались любого мусульманина.

– А кто такой Имам? – заинтересовался Кутергин.

– Имам – это духовный сан главы секты. Иногда его называют Горный старец, – ответил Али-Реза.

«Горный старец?» Капитан вспомнил уроки истории в кадетском корпусе. Кажется, впервые европейцы узнали о Горном старце от одного религиозного фанатика, выкупленного из рабства у египетского султана Салах ад-Дина? Несчастливого звали Этьен, и он возглавил крестовый поход детей, намереваясь освободить от неверных Иерусалим, но угодил на африканскую каторгу. Вернувшись в Европу, Этьен рассказывал странные и жуткие истории о великом и жестоком государе, которого называл Горным старцем. Боже, какая пропасть времени: ведь это было чуть ли не в двенадцатом веке!

– Ты рисуешь землю на бумаге, – Шейх повернулся к Федору Андреевичу, – и не можешь уйти отсюда, пока не сделаешь этого? Я уже понял: предложить тебе деньги означает нанести оскорбление. Поэтому я предложу другое.

По знаку отца Али-Реза подал ему большой сверток плотного желтоватого китайского шелка. Мансур-Халим развернул ткань, достал старинную книгу в кожаном переплете и черную лаковую шкатулку, украшенную изображениями извивающихся золотых драконов. Откинув ее крышку, он начал раскладывать на полу небольшие дощечки из слоновой кости, покрытые непонятными значками. Чутко ощупывая их пальцами, Шейх выкладывал из дощечек замысловатый узор, и вскоре у его ног образовался причудливый костяной ковер.

– Мы сейчас здесь. – Палец слепца указал на одну из табличек. – Море – в той стороне, а ближайшие горы – в этой.

«Карта!» – изумился Федор Андреевич. Он знал: люди невообразимо изобретательны, и карты бывают самые необычные. Например, у дикарей Полинезии они состояли из раковин и веревочек с палочками разной длины и толщины. Раковины – острова, а веревочки и палочки – ветры и течения. Но подобную карту на пластинках из слоновой кости он видел впервые. У капитана пробудился профессиональный интерес.

– Где Нарын и Хан-Тенгри? – недоверчиво спросил он.

Пальцы старика снова побежали по табличкам, ощупывая их, потом замедлили движение и остановились:

– Здесь река, а тут гора. Можешь не сомневаться, – заверил Шейх. – Перед тобой вся Азия, от Среднего Китая и до границ владений Османов.

Пораженный Кутергин почувствовал, как на лбу у него выступила испарина – неужели Мансур-Халим готов отдать это сокровище русским в благодарность за помощь? Но насколько точна эта карта, какой у нее масштаб и сколько лет назад ее сделали? Конечно, горы и моря не исчезнут, но колодцы пересыхают, а реки меняют свои русла.

– Когда сделали карту?

– Давно, – улыбнулся Шейх, – но она постоянно уточнялась. Ее описание – в книге.

Али-Реза с поклоном подал офицеру фолиант. У Федора Андреевича перехватило дыхание – он держал переплетенную в кожу рукопись с украшенными золотыми виньетками листами. На корешке было вытеснено имя мастера – Мулло Ортук, сын суфи Турсуна.

– Книге шесть веков, – пояснил Мансур-Халим, – но в рукописи сразу оставили много чистых страниц, чтобы вносить поправки. Здесь все: какая земля, что она родит, сколько ведер воды дают колодцы и где их искать в пустыне. Указаны караванные тропы и перевалы, места переправ через реки и расположение крепостей. Последний раз записи сверяли в начале прошлого года.

Кутергин прикрыл глаза и представил себе горящий жирник, гулкий полумрак глинобитного дома и согбенную фигуру писца. Тринадцатый век, подумать только! Еще жил Данте Алигьери, а доминиканец монах Альберт фон Больштедт, прозванный Великим, впервые попытался проникнуть в тайну эмбриона. И тогда же в Европе узнали о Горном старце. Странное совпадение?

Открыв книгу, он увидел на первых страницах непонятный религиозно-мистический трактат из трех частей, а дальше начинались описания значков на костяных табличках. Съедаемый нетерпением, капитан с лихорадочной поспешностью кинулся к своей сумке, достал бумаги и, найдя в рукописи нужное место, сопоставил его со своими данными. Результат поразил его – все абсолютно сошлось! Мало того, рукопись оказалась более точной в описании примет.

– Я подарю тебе книгу и шкатулку, – бережно собирая таблички, буднично сказал Шейх, – если ты согласишься немедленно уйти за реку. Нам лучше побыстрее оказаться под защитой ваших воинов.

– Почему фидои Имама преследуют вас? – решил спросить Федор Андреевич.

Мансур-Халим сложил таблички в шкатулку и завернул ее в китайский шелк. Кутергин уже решил, что Шейх не хочет отвечать на его вопрос, но тут слепец сказал:

– Нелегко понять суть наших разногласий, но я постараюсь объяснить. Уже много веков мы верим в наступление эры, когда души перестанут покидать тела, чтобы совершенствоваться на небесах, потом вновь возвращаться в ад зла, созданный на земле самими смертными. Тогда откроется тайна вечной жизни и мои единомышленники передадут новым поколениям свои знания. Но Имам хочет получить эти знания сейчас.

– И... когда наступит эта эра? – осторожно поинтересовался капитан.

– Примерно через тысячу лет после смерти нашего Учителя. Восемьсот уже прошло.

«В общем, в двадцать первом веке». Федор Андреевич испытал разочарование: как он и предполагал, восточные люди продолжали преследовать и убивать друг друга из-за разногласий в религиозных постулатах. Одна секта считала, что эра благоденствия наступит через двести лет, а другая – что плодами накопленных знаний можно воспользоваться немедленно. Ладно, его дело помочь попавшим в беду Шейху и его сыну. Если Мансур-Халим отдаст книгу, нужно немедленно начинать работать с ней: неизвестные географы собрали неоценимый материал.

– Хорошо. – Кутергин обернулся к Денисову. – Когда мы сможем выступить?

– Да хучь сейчас, – усмехнулся тот. – Однако говорят: от одного греха бежишь, да об другой спотыкаешься! Надо бы разведать, как в округе. Возьму дюжину казаков, выскочу да покружу маленько, чтобы нам в засаду не угодить. Как вернусь, так в ночь и пойдем.

– Кого же ты со мной оставишь?

– Кузьму, солдат да трех-четырех станичников. Не бойсь, я недолго: часа за два обернусь. Сколько они нам в записочке отпустили, два дня? Сегодня первый...

На разведку Денисов собрался после полудня. Заметив приготовления казаков, Али-Реза встревожился и сообщил об этом отцу. Тот поинтересовался у Кутергина: в чем дело? Федор Андреевич объяснил. Слепец осуждающе покачал головой.

– Скажи, чтобы не уходил далеко. Он просто не знает, с кем имеет дело! И погода может измениться.

Последние слова Шейха удивили капитана – как погода может меняться в пустыне: неужели пойдет снег или дождь? Но хорунжего он предупредил и поделился с ним задумкой переодеть Мансур-Халима и Али-Резу в европейское платье: тогда те, кто преследовал Шейха, не сразу поймут, как их одурачили, и это сулило выигрыш во времени.

– Дело, – одобрил Матвей Иванович.

Сначала один из станичников объехал вокруг развалин, приглядываясь к следам, и только потом разведчики во главе с хорунжим вылетели через пролом в пустыню и наметом погнались за барханами.

– И чего в песок глядеть? – сплюнул наблюдавший за ними Елифанов. – Все тут ветром слижет, а песок он и есть песок!

– Хватит болтать, Аким! Иди с Рогожиным имущество собирать, – приказал Федор Андреевич.

Сам он тоже направился следом за солдатами, намереваясь проверить: не забыли ли чего? Тревога старого Шейха невольно передалась капитану, и он решил выступить немедленно по возвращении разведчиков. Сначала Кутергин намеревался ехать в повозке – ну, хотя бы день, – а потом верхом. Ну а уж коли припекут с погоней, придется бросить часть казенного имущества и заставить непривычных к долгим конным переходам Елифанова и Рогожина отбивать зады в седлах. Ничего, за имущество он рассчитается, а солдатики потерпят. Книга и шкатулка Мансур-Халима стоили большего!

Федор Андреевич быстро просмотрел бумаги, тщательно упаковал их и уложил в дорожную сумку. Елифанов и Рогожин сноровисто собрали геодезическое имущество, обернули его мешковиной, засунули в рогожные кули и перетянули их просмоленными веревками, чтобы обезопасить от проникновения вездесущей пыли. Сумку и кули отнесли в повозку. Хозяйственный Аким смазал втулки колес, проверил оси, на которых держались высокие и широкие колеса, похожие на огромные колеса арбы. В хлопотах время летело незаметно. Прокофий Рогожин принес капитану обед – приготовленный казаками кулеш с кониной, пресную лепешку и пиалу чая, заваренного солоноватой водой из крепостного колодца.

Неожиданно пришел Али-Реза. В руках он держал шкатулку и книгу, завернутые в китайский шелк.

– Отец просит принять его дар.

– Но мы еще не выбрались из песков, – сделал попытку отказаться Федор Андреевич.

– Шейх верит тебе, и он редко ошибается в людях, – улыбнулся Али-Реза.

В присутствии отца он почти всегда молчал и держался в тени, но сейчас капитану представилась возможность разглядеть Али-Резу как следует. Перед русским офицером стоял высокий, хорошо сложенный, полный чувства собственного достоинства молодой мужчина с красивым, мужественным лицом. Федор Андреевич отметил, что в облике Али-Резы отсутствовали ярко выраженные восточные черты – в европейском платье он вполне мог сойти за парижанина или петербуржца.

– Где ты выучился французскому, Али?

– Мы много странствовали, – мягко улыбнулся молодой шейх, и капитан понял: расспрашивать бесполезно! В скрытности сын мало уступал отцу. – Когда вернутся твои люди? – в свою очередь поинтересовался Али-Реза.

– Скоро. – Федор Андреевич поглядел на часы. – И сразу же отправимся.

– Хорошо, будем надеяться, – кивнул молодой шейх и вышел.

Как ни хотелось Кутергину немедленно приняться за изучение необыкновенной карты и старинной книги, он, скрепя сердце, завернул подарок слепца в трофейный теплый халат, стянул сверток ремнями и вышел на улицу, чтобы спрятать сверток в сумку. Бросив взгляд

на небо, он поразился его странному зеленоватому оттенку, похожему на цвет пронизанной яркими лучами солнца морской воды. Пекло немилосердно, воздух, казалось, сгустился. Тело покрыла липкая испарина, а грудь сдавила одышка. Капитан спрятал драгоценный сверток в сумку, застегнул ее и хотел вернуться в глинобитную халупу, но не смог сдвинуться с места: ему почудилось, что зеленоватое небо вдруг обрушилось и сейчас размажет его по песку, расплющив своей тяжестью. Нечем стало дышать, голова закружилась, в ушах возник противный, способный свести с ума тонкий звон. Все нарастая, он словно буравил череп, как зловередный червь, добираясь до мозга. Федор Андреевич открыл рот, готовясь закричать, позвать на помощь, и тут его сбил с ног жуткий порыв ветра.

Кутергин с трудом встал на четвереньки и, ошалело мотая головой, пополз ко входу в каморки. Казалось, он попал в преисподнюю: леденящий душу свист, непрерывающийся звон в ушах. Тучи песка и пыли забивали рот, нос, глаза. Наконец, капитан перевалился через порог и пополз по темным переходам, часто сплевывая тягучую, серую от пыли слюну. Стены глинобитной лачуги стонали и дрожали под порывами ветра. Стало темно, как ночью. Во дворе бились обезумевшие от страха лошади, но люди ничем не могли им помочь.

Добравшись до своей каморки, Федор Андреевич увидел сжавшихся в углу Епифанова и Рогожина: дрожь от ужаса, служивые помертвевшими губами шептали молитвы. Рядом сидел Кузьма Бессмертный – зажав ладонями уши, он раскачивался из стороны в сторону и нудно выл на одной ноте. Офицер толкнул его в бок:

– Кузьма! Что это?

– Черная буря. – Урядник выпучил на капитана остекленевшие глаза.

Сколько продолжался этот кошмар, Кутергин не знал: свалившись на пол, он тоже зажал уши, не в силах больше выносить проклятый звон, и, вконец обессилив, провалился в забытьи...

Сознание вернулось к нему вместе со звуком льющейся воды. Федор Андреевич открыл глаза. Посредине каморки на коленях стоял Бессмертный и лил из походной баклаги воду в щербатую глиняную миску. Опустив в нее пальцы, он окропил водой сомлевших солдат, и те заворочались, глухо бубня, как с похмелья.

– Дай глоток, – попросил капитан.

– Живы, вашбродь? – Кузьма с готовностью подал баклагу, и Кутергин жадно припал к ней губами. В голове еще гудело, но дышать стало легче. Ветер стих. В узкое оконце опять было видно чистое небо.

– Ниче, пережили. – Урядник вытер грязные губы тыльной стороной ладони. – Вот только как там наши?

– Не знаю, – буркнул капитан и, держась за стену, поплелся к выходу: надо выяснить, какой урон нанесла им внезапно налетевшая буря.

Во дворе он столкнулся с Али-Резой. Тот мрачно смотрел на трупы нескольких лошадей, полужанесенные песком. Глаза бедных животных вылезли из орбит, в ноздрях запеклась кровь.

– Как твои люди? – спросил молодой шейх. – Это была страшная буря!

– Да, – кивнул Федор Андреевич и осмотрелся.

Пошатываясь, как пьяный, к ним шел казак. Едва он поравнялся с проломом в стене, как тонко взвизгнула стрела и вонзилась ему в бок, точно войдя между ребрами. На мгновение капитан остолебенел от неожиданности, но тут же оттолкнул Али-Резу, увлекая его внутрь построек.

– Тревога! – срывающимся голосом заорал Кутергин, а через пролом на двор крепости уже влетали верховые на разгоряченных, покрытых пылью конях.

Из оконца глинобитного домишки грянул ружейный выстрел, и один из всадников кулем свалился с седла. Следом бухнул другой выстрел, и под вторым верховым рухнула лошадь. Наверняка палили привычные к отражению набегов казаки.

В ответ всадники выпустили по окнам с десятков стрел. Стукнуло несколько выстрелов. Натренированное ухо капитана уловило: били из нарезного оружия. «Вот они у кого, винтовки», – подумал он, схватил молодого шейха за руку и кинулся по темным переходам туда, где остались урядник и солдаты. Опасаясь, чтобы не подстрелили свои, Федор Андреевич окликал их по именам.

В каморке плавал пороховой дым, сизыми пластами тянувшийся в окно. Епифанов и Рогожин торопливо заряжали ружья, а Бессмертный, припав у оконца на колени, выцеливал нападавших. Кутергин схватил свои пистолеты, которые постоянно держал заряженными, и прицепил к поясу саблю. Торопливо сунул в руки Али-Резе ружье:

– Стрелять умеешь?

Молодой человек кивнул. Урядник повернул к ним потное лицо:

– К лошадям надо прорываться или в башню. Может, там отсидимся?

– Тут стены, – возразил Аким.

– Передушат тута, как хорек курей, – огрызнулся Кузьма. – Говно твои стены!

Словно в подтверждение его слов, в стену бухнули чем-то тяжелым и разом проломили ее, подняв тучу пыли, – древняя крепость уже не служила надежной защитой от врага.

– За мной! – Федор Андреевич побежал по темному переходу, за ним бросились солдаты. Али-Реза немного замешкался.

Еще один удар – и глинобитная стена каморки рухнула. Молодой шейх выстрелил в тучу пыли и бросил бесполезное ружье. Бессмертный выхватил из ножен шашку и, бешено вращая ею перед собой, кинулся навстречу врагам...

Увидев впереди неясные фигуры людей, слабо различимые в полутьме коридора, Кутергин спустил курки пистолетов и метнулся в сторону – там начинался другой коридорчик, но куда он вел, капитан не помнил. Бухнуло ружье Епифанова, потом раздался его матерный рев: наверное, унтер пошел врукопашную. Разве поймешь, что происходило в этой неразберихе?

Федор Андреевич успел сделать всего два или три шага и споткнулся – в темноте кто-то ловко подставил ему ногу. И тут же навалились сверху, жестоко заламывая руки за спину и задирая голову до нестерпимой боли в хребте. Ноги захлестнули петлей аркана, свалили и потащили во двор.

Там носились верховые, плавился от зноя песок, и ярилось на небе светило. Кутергин увидел, как метался Бессмертный, лихо отбиваясь от нападавших на него двух всадников. Внезапно урядник достал одного клинком и, резко дернув, скинул с седла. Не дав противникам опомниться, он птицей взлетел на коня и выскочил через пролом в пустыню. Вслед ему раздалось несколько выстрелов.

Больше капитан ничего не увидел – на голову ему накинули душную кошму...

Глава 4

Песчаная буря застала Денисова и его казаков в нескольких верстах от развалин крепости, когда они уже возвращались из разведки. Небо вдруг приобрело странный, зеленоватый оттенок, вокруг солнца появился радужный ореол, и налетели резкие порывы ураганного ветра. Мелкие песчинки больно секли по рукам и лицу, лошади испуганно всхрапывали и приседали, отказываясь слушаться всадников, и норовили лечь.

Казаки забеспокоились. Им приходилось слышать о страшных черных бурях в пустыне, но никто из них никогда не попадал в них – русские редко забирались так далеко в дикие пески, где почти не было воды и корма для коней.

Ветер все усиливался, стало быстро темнеть, словно на землю внезапно опустились сумерки. Мутная пелена закрыла горизонт, и солнечный свет едва пробивался сквозь нее. Барханы задвигались, как живые: пески потекли, подобно волнам в бушующем море. Всадники беспомощно сбились в кучу. Одни матерно ругались, подбадривая себя крепким словом, другие жарко молились, прося заступничества Богородицы от неведомой напасти.

Матвей Иванович решил попытаться сделать то же самое, что делается обычно при снежном буране в степи – когда путника застанет кружная метель и не видно даже лошадиного хвоста, нужно спешиться, укрыть себя и коня, переждать непогоду, а потом продолжать путь.

– Слезай! – пытаюсь перекричать неистовый вой ветра, подал он команду. – Закрывай лошадям головы, и в табор!

Казаки шустро спешились и начали закутывать лошадям головы кошмами. Стало трудно дышать, небо казалось низким – протяни руку и достанешь, и оно давило на человека как многопудовая плита, вжимая в раскаленный песок.

Коней согнали вместе, заставили лечь, и сами легли рядом, укрывшись попонами. В ушах звенело, кровь молотом стучала в висках, тело покрыла липкая испарина, вездесущая пыль забивала ноздри, скрипела на зубах. Хотелось скинуть попону, вскочить и бежать неведомо куда, раздирая рот в отчаянном, полном ужаса крике. Сорвать одежду, остаться нагим, как Адам, и пусть черная буря растворит тебя в себе, унося на крыльях ветра туда, где нет ни радостей, ни печали! А вокруг будто хохотали и бесились демоны пустыни, пригоршнями бросая песок и норовя заживо похоронить дерзких пришельцев, отважившихся проникнуть в сердце их владений. Тяжесть песка все нарастала, звон в ушах становился все пронзительней, и хорунжий потерял сознание...

Очнувшись, он поразился удивительной тишине. Было темно, как в могиле: ни единого проблеска света, только плавали и качались перед глазами радужные круги.

«Может, я уже умер?» – мелькнула паническая мысль, и Денисов отчаянно рванулся, пытаясь сбросить давившую на спину тяжесть. Вынырнув из наметенной ветром кучи песка, как из снежного сугроба, хорунжий застонал от боли в глазах, настолько ярким показался ему свет солнца. Оно безмятежно сияло на ясном, чистом небе, словно и не было совсем недавно черной бури. Недавно или давно? Сколько времени прошло? Судя по положению светила – не меньше часа.

Рядом зашевелилась другая песчаная куча, и показалась голова казака. Он изумленно озирался слезящимися глазами, видимо, еще не до конца веря, что остался жив в адской круговерти ветра, пыли и песка. Следом за хозяином появилась лошадь, и тишину разорвало ее ржание, приглушенное намотанной на голову кошмой.

– Слава те, Господи! – перекрестился хорунжий.

Начали вылезать и остальные. Подняли коней и первым делом проверили оружие. Потом прополоскали рты из походных баклаг и промыли глаза себе и лошадям. К счастью, песчаную

бурю перенесли без потерь, если не считать, что неведомо куда делась одна попона да исчез запасной бурдюк с водой.

Немного оправившись, двинулись к развалинам крепости, определив направление по солнцу. Пустыня вокруг неузнаваемо изменилась, и все барханы будто бы повернулись – если раньше, до бури, они лежали поперек пути разведчиков, то теперь гребни песчаных холмов протянулись по направлению к лагерю экспедиции.

Денисов поторапливал товарищей, но лошади шли понуро и лишь версты за две до развалин побежали резвее. Завидев казавшийся черным на фоне предзакатного неба палец сторожевой башни, станичники приободрились: там горячая пища, колодец и желанный отдых. Однако отчего не видно дымков кизячных костров, поднимающихся над остатками стен? Почему часовой, выставленный на башне, не подает сигнала, чтобы встречали возвращающихся разведчиков?

Хорунжий насторожился и дал знак приготовиться к бою. Казаки помрачнели и начали вытягивать из чехлов ружья. Подняв руку, Матвей Иванович приказал остановиться. Прислушались. Тихо, только шуршат песчинки да позванивают удилами кони. Что за притча?

Через пролом в стене, как через широкие ворота, осторожно вошли в крепость. Развалины встретили их гробовой тишиной и полным запустением – казалось, здесь никогда не было людей, а если и были, то ушли в незапамятные времена. Глинобитные стены, пустые каморки с темными щелями окон и все тот же проклятый, надоевший песок.

– Федор Андреич! – позвал Денисов. Никто не откликнулся. Тогда он гаркнул во всю глотку: – Кузьма! Ты где?

Крик хорунжего тихо угас среди развалин, немых, как могильные камни. Часть казаков спешились и рассыпались по двору, надеясь отыскать хоть какие-то следы: ведь были же повозка, люди, лошади! Где они? Не могла же черная буря слизнуть их языком ветра и унести с собой: крепость-то осталась!

– Чертовщина! – Один из казаков сплюнул набившуюся в рот пыль и подошел к колодцу. Заглянув в него, он отшатнулся и закричал: – Сюда!

Вместе с остальными Матвей Иванович подбежал к колодцу и обомлел: глубокий, выложенный камнем ствол был забит обломками повозки, окровавленными останками людей и лошадей. Не желая поверить в самое страшное, хорунжий кинулся шарить по темным переходам строений, держа в одной руке наскоро смастеренный горящий факел, а в другой – заряженный пистолет.

– Федор Андреич! Кузьма! Епифанов! – звал он срывающимся голосом, заглядывая в каждый закоулок. Вот и каморка капитана: стена обрушена, все покрыто слоем пыли, и ни одной вещи, ни одного следа! Неужели они все в колодце?

Денисов горестно застонал: беда! Пропали бумаги капитана, нет его самого, нет Шейха и его сына, нет тех, кто остался с ними. Но и тем, кто вернулся из разведки, грозит неминуемая гибель – колодец забит трупами людей и животных, воду из него теперь брать нельзя, а как в пустыне без воды?! Того, что осталось в бурдюках и походных баклагах, не хватит даже для лошадей, а без них не дойти до другого колодца! Какой же лютый вражина побывал здесь?

В отчаянии Матвей Иванович дернул себя за серьгу, и пронзившая ухо острая боль немного отрезвила: теперь он здесь самый главный и ему решать, как спасти жизни оставшихся казаков. Может быть, еще не все потеряно? Хотелось, бы верить, но...

– Уходить надоть, – глядя себе под ноги, тихо сказал Попов, пожилой станичник, пользовавшийся уважением за рассудительность и холодную расчетливую отвагу в бою. – Загинем здесь!

– Самый ближний колодец в двух дневных переходах, – поддержал его другой казак. – Уходить надо, Матвей Иваныч!

Остальные молчали, но хорунжий чувствовал, что они готовы немедленно покинуть развалины крепости, чтобы, пока в баклагах и бурдюках осталась вода, попытаться дойти до известного им колодца на древней караванной тропе.

– Нельзя нам сейчас сняться и уйти. – Денисов обвел глазами лица станичников. – Мы должны все осмотреть, носами песок пропахать, но отыскать следы. Колодец вычистить, останки товарищей похоронить и убедиться, что их больше нет на свете. А ну как их хивинцы увели, а нам глаза отводят, чтобы мы в догон не пустились? Когда вычистим колодец, выпарим воду!

Казаки немного оживились: выпарить воду – это дело! На дрова для костра пойдут обломки повозки, а для холодного котла, на котором будет конденсироваться пар, используют оставшуюся воду. На том и порешили. Одни начали вытаскивать из колодца обломки, а другие обшаривали развалины сажень за саженью. Не забыли и выставить часовых, опасаясь повторного нападения.

Первыми достигли результата те, кто обшаривал развалины. Правда, найти им удалось не так уж много: орленую пуговицу от мундира капитана и винтовочную гильзу. Матвей Иванович жадно схватил ее, порывшись в сумке и достал полученный от Масымхана патрон – гильзы были одинаковые! Помрачнев, он зажал их в кулаке и подошел к колодцу.

Там уже вытянули все обломки повозки и поднимали наверх останки погибших. К удивлению станичников, первыми вытащили семь трупов неизвестных азиатов. Трое из них погибли от пули, один от штыкового удара в грудь, один был с проломленным черепом, двое зарублены.

– Кузьма, – показал на последних Попов. – Он так пластает.

Вопреки мрачным ожиданиям, тел капитана, урядника и солдат в колодце не оказалось. Не было там и Шейха с сыном, но зато обнаружили изуродованные тела двух казаков, оставшихся в крепости. Одного басурманы взяли стрелой, другого срубили.

Разложили костер, поставили выпаривать розовую от крови воду – хоть лошадей ею напоить, чтобы донесли к другому колодцу. Начали рыть могилу, собираясь предать земле, вернее песку, тела своих и чужих. Солнце садилось, и Попов попросил разрешения выехать из крепости и поискать следы: он надеялся, что косые лучи заходящего солнца ему помогут. Хорунжий не стал его удерживать.

К удивлению Матвея Ивановича, казак вернулся быстро. Он опустился на корточки рядом с лежавшим на песке Денисовым и сообщил:

– Заметали они след. Видал я однажды такие штуки из конских хвостов: их привязывают к лошади и метут песок как помелом.

– Сколько их? – Хорунжий нервно теребил серьгу в ухе.

– Не меньше полсотни сабель. Пошли к Хиве.

– Мы пойдем за ними!

– Охолони, Матвей Иваныч, – тихо, чтобы не услышали остальные, урезонил его Попов. – Куда нам? Выпарим водицы, напоим коней и айда к колодцу. Иначе не сдюжим.

Понимая, что он прав, Денисов только крякнул с досады и уставился на языки пламени, с треском пожирившие остатки повозки. Знать бы, где сейчас Федор Андреевич, где Кузьма Бессмертный, где солдаты и остальные казаки? Где, наконец, слепой Шейх и его сын?..

Уходили азиаты очень быстро. Капитана ужасно мотало: его бросили поперек седла, и на полном скаку он бился головой и коленями о бока лошади. Наконец, на коротком привале его посадили верхом. Кошму с головы не снимали, руки стянули впереди, а ноги привязали к путлищам стремян. Так, не ведая куда и зачем, скакал он, подчиняясь чужой воле, несколько часов кряду, горько думая, что сам собирался сесть в седло только через сутки, не раньше, однако капризная судьба распорядилась иначе.

На следующем привале кошму с головы сняли, но определить, где он находится и куда лежит путь захвативших его людей, Федор Андреевич все равно не смог: уже наступила ночь. В темном небе сияли холодные незнакомые звезды, под лунным светом серебрились барханы. Кругом, куда ни кинь взгляд, – пески. По ним, призрачными тенями, в полном молчании, скакали вооруженные всадники. Вскоре их догнала еще одна группа верховых и, уже без привалов и отдыха, они гнали коней по пустыне, пока на востоке не заалела полоска зари. По ней капитан определил – ехали на юго-запад.

Дневали у небольшой рощицы саксаулов, в глубине которой прятался колодец с чистой, холодной водой. Азиаты сноровисто натянули пологи, разожгли костры и занялись приготовлением пищи.

Пленника сняли с коня, немного ослабили путы, чтобы восстановилось кровообращение. Воды дали напиться вволю – посмеиваясь и перекидываясь непонятными фразами, азиаты наполняли пиалу столько раз, сколько хотел пленник. Справить нужду отвели за бархан. Кутергин заметил сидевших в стороне Шейха и Али-Резу, а поодаль увидел Епифанова, Рогожина и двух казаков: их согнали в одну кучу. Боже, что же их всех ожидает? Кто их захватил – неужели фидои Имама, о которых рассказывал Мансур-Халим?

Азиаты начали совершать намаз. Федор Андреевич приметил, что один, рыжебородый, в желтом шелковом халате и такого же цвета сапогах, молился в отдалении от остальных. Он ездил на рыже-золотистом высоком породистом жеребце, и другие всадники относились к «желтому халату» с большим уважением и слушались его беспрекословно. Наверное, он был их главарем.

Пленных накормили, не развязывая рук: просто набили им рот и дали выпить по пиале воды. Выставив караулы, азиаты улеглись спать. Постепенно сон сморил и Кутергина. Сначала он пытался сопротивляться наваливающейся дреме, надеясь дожидаться, пока все утихомирится, и найти хоть какой-то способ освободиться от пут, но на биваке царил почти армейский порядок, и часовые бдительно наблюдали за пустыней и пленниками.

Пробудился офицер от громких криков: в лагерь прискакали несколько верховых. Видимо, их прибытие означало нечто хорошее для азиатов: они оживленно загалдели, начали сворачивать пологи, наполнять бурдюки водой и седлать коней. Солнце перевалило за полдень, стояла удушающая жара, песок казался раскаленным, как сковорода на плите, но басурман это нисколько не смущало. К удивлению капитана, они согнали пленников вместе и разделили их на две группы. В первую попали слепой Шейх, его сын Али-Реза и сам Федор Андреевич. Вторую составили солдаты и казаки.

Когда капитана бросили на песок рядом с Али-Резой, слепой Шейх настороженно поднял голову и сын шепнул ему, что рядом русский. Мансур-Халим грустно улыбнулся:

– Ты попал в большую беду из-за своего благородства. Но не поддавайся отчаянию: все равно несчастья не избежать никакими ухищрениями. Лучше научись находить радость в каждой минуте жизни и гони от себя уныние и злобу. Это единственный способ преодолеть беду.

– Философия, – буркнул Кутергин. – Я предпочел бы свободу, коня и оружие.

– Я слышал, что русские не пошли за нами в пустыню, – негромко сообщил Али-Реза. – У них почти не осталось воды, а колодец в крепости забросали трупами. К тому же Желтый человек приказал запутать следы: сначала мы шли к Хиве, а теперь повернули.

– Откуда ты знаешь? – Федор Андреевич с трудом повернулся на бок, чтобы видеть лицо молодого шейха.

– Слышал, как они говорили. – Али-Реза показал глазами на караульных. – Сегодня нас догнали те, кто оставался следить за русскими. Они боятся твоих людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.